

Елена Козлова

ТАИНСТВЕННАЯ ТРОПА

70355-3 - МЛ -

С

К 59

Козлова, Е. В.

Таинственная тропа

[Текст] : повести, рассказы. - 215

с. : цв.ил. - Сыктывкар, 2012. -

160.00 р.

Елена Козлова

ТАИНСТВЕННАЯ ТРОПА

Повести, рассказы

Сыктывкар
2012

ББК 84(2Рос=Коми)

К 59

*Издано при финансовой поддержке
Агентства Республики Коми
печати и массовым коммуникациям*

Художник Авилова И.А.

Козлова Е.В.

К 59 ТАИНСТВЕННАЯ ТРОПА. Повести, рассказы / Перевод с коми
Габовой Е.В.– Сыктывкар: Автономное учреждение Республики
Коми «Редакция газеты «Эском», 2012.– 216 с.

В новой книге известной коми писательницы Елены Козловой мифы и реальность рядом. Современные мальчишки и девчонки часто погружаются в непонятный и загадочный для них мир. Но в любом случае это мир добра и улыбки.

Как трудно иногда ладить со сверстниками и как хорошо, когда рядом оказываются все понимающие взрослые.

ББК 84(2Рос=Коми)

ISBN 978-5-7934-0501-0

© Козлова Е.В., 2012

© Габова Е.В., перевод, 2012

© Авилова И.А., иллюстрации, 2012

© АУ РК «Редакция газеты «Эском», 2012

© Союз писателей Республики Коми, 2012

ISBN 978-5-7934-0501-0

ВОЛШЕБНЫЕ ОЧКИ

Повесть-сказка

Черный ворон

Коля был трижды сердит. Во-первых, мама не захотела купить ему электронные часы, которые продавались в сельском магазине. Во-вторых, учительница поставила ему «двойку». И в-третьих, Витка не пошёл с ним вместе на речку! А к тому же на уроках он шептался с Юлей, с которой сидел за одной партой. Колина парта позади Витиной, и он хорошо видел, как Витя что-то рассказывал Юле, размахивая руками, и головы их почти соприкасались, когда они что-то разглядывали. С Юлькой разговаривает, улыбается, а с ним не захотел пойти к речке. Друг называется!

А Коле обязательно надо к речке: неделю назад он оставил в кустах ивняка свои удочки. Оставил потому, что думал ещё порыбачить, да вот не получилось. Осень наступила, рыбачить стало холодно. Река посерела, жёлтые листья плывут по ней. Да еще и учебный год начался.

Удочки у Коли хорошие, оставлять их зимовать на берегу никак нельзя.

Вдвоём идти было бы веселей. Они с Витей всегда шутили, смеялись, и Коле обидно, что сегодня пришлось отправиться одному. Погода вторую неделю мрачная, дождливая. Небо всё в тучах, нависло над деревней, хоть бы не упало совсем. С утра показалось боязливое солнце, а днём опять тучи, тучи...

Удочки лежали на месте, никто их не взял. Коля сел на пожухшую траву и стал смотреть на тёмную, чёрно-синюю воду.

Справа от него – тёмный еловый лес, слева – лиственный, разноцветный. При солнечном свете он красивый, весёлый, а при тучах тоже выглядит грустным.

Сидел Коля на берегу, злился на друга. Почему Витя не пошёл с ним? Некогда, сказал. Почему ему некогда?.. Когда Витя зовёт куда-нибудь Колю – он всегда идёт. Всё бросает и идёт с другом. В другой раз позовёт куда-нибудь, Коля тоже скажет: «Некогда». Зазнался Витёк.

Коля хотел было уже отправиться домой, как вдруг на ель, которая росла неподалеку, с шумом опустилась большая чёрная птица. От неожиданности Коля даже вздрогнул: никогда раньше он не видел такой большой птицы. Огромная, чёрная! Коля догадался, конечно, что это ворон, но он никогда не думал, что ворон такой большущий. Ворон, наверно, тоже не ожидал увидеть здесь человека, тоже испугался и даже что-то выронил из клюва. Взлетел, зашумев крыльями, а потом снова уселся на еловый ветке и, скосив глаз, стал высматривать внизу оброненную вещь.

Но в густых зарослях ивы что увидишь? Даже ворон не смог. Он рванулся вниз, чуть не запутался в ветках. Кусты облетел один раз, второй, третий. Едва Колю крыльями не задел. Когда ворон понял, что перед ним мальчишка, он перестал его бояться. Снова уселся на ель и заклацал клювом, словно ругался на Колю. Так и буравил его круглым чёрным глазом.

— Кыш!— испуганно замахал руками Коля, но ворон не обратил на это никакого внимания. Наверное, ему было очень жаль потерянной вещи.

«Интересно, что же он такое уронил?— подумал Коля.— Надо поискать».

Но как поищешь, если на тебя смотрит и ругается такая большая и такая чёрная птица. Только удочкой Коля смог прогнать ворона с ветки.

Ворон замахал сильными крыльями, сделал последний круг над ивами и полетел к тёмному лесу.

Коля с трудом продрался в заросли кустов и внимательно осмотрелся. На земле ничего нет. Мальчик задрал голову, осмотрел ветку за веткой, но опять ничего не увидел. На коленях он прополз под большой раскидистой ивой и снова посмотрел снизу вверх. И тут только заметил: на одной из нижних веток висели... очки. Зацепились за ветку дужкой. Коля растерялся: откуда у птицы очки? Зачем они ей? Подпрыгнул, достал, долго крутил в руках, разглядывая. Смешные очки, стекла молочного цвета, словно из тумана.

Чудеса

«Ха! Очки! Интересно, что в них увидишь?» – подумал Коля и напялил очки на нос. Удивительно – они как раз подошли, словно по заказу сделаны. В очках, как и без очков, все вокруг хорошо видно: и река, и ивы, и ближний лес, и другой берег реки. А вот и деревня на обрыве сверкает окошками. Почему стекла туманные, раз всё так хорошо через них видно? И глаза в них не устают.

Долго смотрел на всё Коля через очки, но ведь пора и домой. А с очками что делать? Здесь оставить? С собой взять? Мальчик задумался. С самого раннего детства его учили без спроса не брать чужое. Коле было лет пять или шесть, когда около дома в куче мусора он нашёл шило – острое, с отличной рукояткой. Принёс домой. А отец обратно отправил – отнеси туда, откуда взял. В мусоре шило нашёл, значит, кто-то нечаянно выбросил. Найдёт! С отцом не поспоришь: «Отнеси!» – и дело с концом! Заплакал Коля, но послушался: бросил шило в ту же кучу.

А теперь что делать? Так же выбросить очки в кусты? Если думать, как папа, то да, надо оставить очки тут, в ивах, и точка. Но ведь не принадлежат же очки ворону, хотя именно он выронил их из клюва! Конечно, он у кого-то их стащил. Может, у кого-то из деревни? Здесь оставишь, никто очки не найдёт. Кто же будет искать очки в кустах около речки? Взять с собой? Но чужое присваивать нельзя. И здесь нельзя оставлять! Одурачил ворон кого-то, думал мальчик. Надо в деревне поспрашивать, кто очки потерял. Отнесёт домой, а если отец увидит – обратно на берег бросит.

Коля с очками на носу бежал по пожелтевшей траве. Почему-то опять вспомнилась плохая оценка. И учительница. На уроке Валентина Васильевна велела написать сочинение о лете. Коля написал. Вспомнил летнее время, рыбалку, они с папой как раз сюда приходили рыбачить, поэтому и удочки у него здесь. Коля написал сочинение от всего сердца, искренне. Может быть, учительница хоть за него «пять» поставит. Может быть, как раз сейчас она тетрадки проверяет. Только Коля об этом подумал... и вдруг перед глазами увидел Валентину Васильевну... в её доме! От неожиданности Коля поздоровался, но ему никто, конечно, не ответил.

И вот что Коля увидел: никакие тетрадки учительница не проверяла, а сидела за столом, застеленным весёлой чистой клеёнкой, и кормила кашей свою маленькую дочку. Дочка капризничала – не хотела есть. Мотала головой из стороны в сторону. На её жидких волосёнках красовался красный бант. Он тоже дёргался из стороны в сторону. Вот ведь: учительницы не слушается! – удивился Коля. Он тряхнул головой – видение пропало.

Коля остановился и огляделся.

Вот река, куст ивы, ёлка, дальше – лес... «Что это со мной было? Пригрезилось, что ли?»

Вспомнил тарелку каши на столе в учительском доме, и в животе забурчало. Пора домой отправляться. Мама, конечно, ждёт его ужинать. Только подумал о маме и... увидел маму! В магазине. Стоит около прилавка и вертит в руках... часы! Как раз такие, какие нужны Коле. Мальчик чуть не подпрыгнул на месте, у него даже дух захватило:

купит мама часы или нет? Вот приблизилась к кассе, выбила чек. И вот коробочка с часами у неё в кармане! Коля от радости подпрыгнул, очки соскочили с носа, и видение пропало.

Река, лес. На обрыве Колина деревня. «Что со мной было опять? – мальчик даже испугался. – Может, это очки виноваты?» Нацепил на нос очки, опять о маме подумал – и вот мама, идёт себе в серой куртке, такой же юбке, туфли у неё осенние. На шее капроновая косынка. Идёт по тропинке, и ведать не ведает, что Коля её видит. Перестал мальчик думать о ней – нет мамы. Взял очки в руки, подумал о маме – нет мамы, в деревне мама, как и полагается. Опять надел очки и о маме подумал – мама перед глазами. Вот вошла во двор. Повернулась, закрыла за собой калитку, поднялась на высокое крыльцо и исчезла в доме.

Волшебные очки! Я нашёл волшебные очки! – от радости Коля высоко подпрыгнул. Потом внимательнейшим образом стал рассматривать очки. От обычных они отличались только туманными стеклами.

А правду ли рассказывают очки? Не обманывают? Надо проверить!

Скорей домой! Он сразу спросит у мамы, купила ли она часы.

Теперь мальчик уже не раздумывал, взять очки или оставить. Не оставит ни за что! Такое счастье привалило!

К деревне Коля прямо летел. И удочки не забыл. Но как ни торопился Коля, а всё же заметил, что за ним медленно летел чёрный ворон.

Странная птица! И что ей нужно? Почему за ним гонится? Даже боязно стало мальчишке. Наверное, ворон хочет

узнать, где он живёт, может быть, что-то плохое задумал. На всякий случай Коля время от времени останавливался и грозил птице удочкой.

Вечером

Коля бросил удочки под лестницу, в два прыжка взлетел на крыльцо, вбежал в дом.

Мама уже переделалась в халат с крупными цветами, готовила ужин.

– Мам, купила часы? – выпалил Коля.

– Не-ет, – мама удивлённо посмотрела на сына.

– Не обманывай! Купила! Покажи!

– Никаких часов у меня нет, – сказала мама, а сама хитро улыбнулась.

– Вот и купила, я знаю! – засмеялся Коля и потряс маму за плечо.

– Кто-то уже разболтал, – сокрушённо сказала мама. – Не хотела тебе сразу давать, думала, учебную четверть хорошо закончишь – тогда, – мама ласково взлохматила сыну волосы.

– Мама, я постараюсь на «пятёрки» учиться, вот увидишь!

– Ну, ладно, – мама достала из-под божницы маленькую чёрную коробочку и передала Коле.

Ух ты! Вот это часы! Зелёные цифры показывали «18.01». Коля нажал кнопку, появились месяц и день: 20.09 – 20 сентября.

– Спасибо! – Коля расплылся в улыбке и неловко поцеловал маму.

– Носи, – мама легонько хлопнула его по затылку, – учись только хорошенько, – пусть будут ко дню рождения...

– Буду хорошо учиться, мамочка, вот увидишь!

Конечно, в другое время Коля целый вечер играл бы с часами, нажимал бы на кнопки, любовался бы яркими изумрудными цифрами. Но сегодня у него было кое-что поинтереснее.

После ужина родители, переделав все дела по хозяйству, уселись у телевизора, а Коля отправился в другую комнату, как будто бы делать уроки.

Какие уроки! Домашнее задание не шло в голову! Закрыл двери, стул к ним приставил. Если кто-то войдёт – успеет спрятать очки. Коля боялся отца. Хоть бы он очки не увидел! Заставит унести туда, откуда взял. А Коля этого не может сделать, никак не может! И вообще – это несправедливо. Он же не украл их, а нашёл! Ворон не нашёл их среди густой листвы, а он нашёл. И вовсе незачем ворону очки, ничего, обойдётся!

Коля вытащил из кармана очки и встал перед зеркалом. Очки как будто в молоке промыли, Колины глаза за стёклами даже не видны, а сам он всё видит отлично. Очень ему очки идут – как будто перед зеркалом не Коля, а какой-то черноволосый отличник. Если показаться в классе в очках, вот все удивятся! Интересно, что скажут? Что спросят? Пусть хоть что, ведь ни один человек не знает, что очки волшебные! Показали, что мама купила часы, – и правда ведь – купила! «Надо бы еще на чём-нибудь проверить», – подумал Коля. «Что бы сначала посмотреть? Свой класс?» Подумал о нём, и вот он видит свой класс. Темно. Парты

едва вырисовываются в темноте. Тишина. Конечно – вечером нет никого в классе! Даже как-то не по себе стало. Нет, в классе делать нечего. Лучше посмотрит, что делает Витя.

То, что увидел Коля, очень его удивило. Никому он не расскажет, что возникло перед глазами, а то Витю подымут на смех. Друг Витя... Нет, не скажет. Сначала узнает, правду ли показывают очки. Один раз правду показали. А сейчас, конечно же, врут. Не может быть, чтобы Витя... Коля снова посмотрел. Да, Витя сидит за столом... круглое лицо зарумянилось, мягкие рыжие волосы едва не лезут в глаза... Сейчас к нему домой сбегает и узнает...

– Куда пошёл?– мама заметила Колины сборы.

– Сбегаю к Вите, узнаю, какую задачку задали!

– Почему сам не знаешь? Спал на уроке? На улице учился?– заворчала мама.

Коля уже не слышал её последних слов.

Колина деревня как будто двухэтажная. На обрыве нижняя улица, на холме – другая, верхняя. Колин дом в середине деревни «на первом этаже», а у Вити – на втором, в конце.

Мальчик мячиком вкатился в горку. Перевёл дух и зашагал медленно, солидно. В калитку не стал заходить, перепрыгнул через изгородь, толкнул дверь Витино дома, вошёл в сени. Сейчас проверит, сейчас застучает Витьку!

Витя спокойно сидел за столом и читал книгу. «Обманули! Обманули очки, неправду показали!– расстроился Коля.– А как же часы?»

– Вить, привет! Какую задачу задали, я не записал,– торопливо сказал Коля, чтобы Витя не удивился его позднему приходу.

Витя побежал за дневником в соседнюю комнату. Было слышно, как там мама укладывала спать маленькую Витину сестрёнку. Коля стал озиаться. Заглянул под диван, под стол, под стулья, но то, что искал, не увидел.

– Запиши, – сказал Витя, вернувшись в комнату, – а чего это ты кланяешься?

– Да шнурок на кроссовке развязался... не буду записывать, так запомню, – буркнул Коля.

Конечно, запомнит. И вообще у него домашнее задание в своём дневнике, как и положено, записано. Лицо у Коли горело – ему казалось, что он как-то обманул друга.

Дома он снова посмотрел в очки, подумав про Витю. Тот читал.

Коля удивляет

На другой день Коля пришёл в школу рано, сунул в парту портфель и вышел во двор.

Солнечное ветреное утро. Ночные тучи-облака куда-то пропали-убежали. На школьном дворе никого. Не спеша, кучками и поодиночке приближались к школьному зданию ребята. Коля подумал о Вите и глянул в очки: вот выходит друг из дома, спускается с крыльца. Значит, скоро тут будет. А вообще-то Витин дом со школьных ступенек не виден – далековато.

Вот идёт Юля. Самая красивая девочка в классе. Так Коле кажется. Ему нравится Юля. Может, не только ему одному, а ещё и Вите и другим мальчишкам. Юля сидит на парте впереди Коли. На уроках Коля часто смотрел на неё,

на её коричневые длинные косы, на золотистую прядку над ухом, и в солнечный день ему казалось, что солнце играет Юлиными волосами. Но Юля никогда не смотрела на Колю, а вот с Витей часто шепталась.

Шагает Юля, а ветер играет подолом её расстёгнутого плаща. Вот и пришла!

– Юля!– неожиданно для себя позвал её Коля,– иди-ка сюда, покажу что-то.

Девочка остановилась, как будто обо что-то запнулась, а потом медленно подошла к Коле.

А глаза! Красивее неба. От такой красоты у Коли на миг дух захватило.

– Юля, я тебе одну вещь покажу, но пообещай, что ты никому не скажешь!

– Хорошо.

– Всеми водами и землями клянёшься?

– Да, всей землёй и водой.

– У меня есть волшебные очки!

– Не обманывай,– засмеялась Юля.

– Правда!

– Покажи!

– Вот,– Коля показал находку.

Девочка взяла очки в руки, повертела, осмотрела со всех сторон и вернула обратно.

– Ну и что тут волшебного? Ну, конечно, я таких никогда не видала... стёкла какие-то странные, что через них увидишь?

– Ты попробуй, попробуй! Надень их и о ком-нибудь подумай. Увидишь, что будет!

– Обманиваешь?

– Ну, попробуй, попробуй!

Юля надела очки.

– И что надо сказать? Чтобы я полетела?

– Не-ет! Скажи: хочу увидеть. И добавь, что ты хочешь увидеть.

Юля недоверчиво скривила губы, потом сказала:

– Хочу увидеть, кто сейчас в нашем классе.

И тут же на Юлином лице появилось удивление, даже рот приоткрылся.

– Надя, Катя, – стала перечислять, – а потом никого.

– Что я тебе сказал? Волшебные! А теперь давай очки, а сама беги и проверь, правду ли они показали!

Юля даже про портфель забыла – побежала. Вернулась назад с горящими щеками.

– Правда! Только эти двое в классе, больше никого! Вот это да!

В это время над головой ребят пролетел чёрный ворон. Юля испуганно вскрикнула, а Коля побыстрее сунул очки поглубже в карман. Ему показалось, что это был тот самый ворон!

– Дай ещё посмотрю, – попросила Юля, оправившись от испуга.

Но Коля заметил Витю, который приближался к ним, и не стал вытаскивать очки из кармана пиджака.

– Потом. Если кому-нибудь скажешь, смотри у меня!

– Да ладно, ладно! – девочка схватила портфель и вприпрыжку побежала в здание школы.

Подошёл Витя.

– Привет!

– Привет! – ответил Коля. – Слушай, Витька, скажи честно, почему ты со мной вчера к речке не пошёл? А ещё друг!

– Да так... Кое-что дома надо было сделать.

– Сегодня опять после школы домой побежишь?

– Ясное дело, домой. А куда ещё?

– А я знаю про это твоё «кое-что»!

– Уж прямо! Откуда?

– Хочу, чтобы ты сам рассказал.

– Нечего рассказывать.

– Ну, тогда скажу... Ты в куклы играешь!

– Че-го-о? – Витя сжал кулаки и направился к Коле.

– Скажешь, нет?

– Нет! Ты на меня наговариваешь!– зло закричал Витя.

Кто знает, что случилось бы между ребятами, может быть, и подрались бы, но прозвенел звонок. Все, кто были во дворе, ринулись по классам. Коля и Витя побежали тоже.

Как сильно Витя ни разозлился на Колю, во время урока его злость поутихла, и на перемене он уже мирно подошел к другу.

– Коль, выйдем во двор, поговорить надо.

– Давай,– так же мирно согласился друг. Он ведь вовсе не хотел злить Витю, ему просто хотелось проверить, правду ли показывали очки.

Начал Коля.

– Витя, честно скажи, чем ты вчера вечером занимался. А потом я тебе такую штуковину покажу, которую ты ни в жизнь не видел!

– Откуда ты знаешь, что я видел и что не видел?

– Не видел ты такой штуки! Её ни у кого больше нет на всём земном шаре, только у меня!

Поверил Витя или нет – неизвестно, только неожиданно сказал:

– А зачем тебе надо знать, что я вчера делал?

– Да потому что у меня такая вещь, которая показывает всех – в любом месте! Вчера я видел, как ты куколок наряжал! Прибежал к тебе, чтобы проверить – правда это или нет. Но ты уже читал что-то.

– Ври больше – куколок видел!

– Хоть что думай – видел!

– Не верю!

– Давай об заклад побьёмся. Сегодня после школы иди домой и делай, что хочешь. И запиши время. А я посмотрю на тебя и тоже запишу. А потом записанное проверим. Всё расскажу, чем ты вечером будешь заниматься!

– Ой, расскажешь! А обо что побьёмся?

– Если я вру, часы тебе отдам – мама вчера купила – смотри!

Витя поглядел:

– Часы – это вещь! Ну, а я – фонарик отдам. Если проиграю. Только я что-то не верю, что ты мне часы отдашь.

– Всей землёй и водой клянусь. Отдам! Но только если проиграю.

Заклад состоялся. Руки разбила Юля, которую они позвали специально для этого.

Витя, конечно, удивился, когда Коля так легко согласился отдать новые часы. А друг не переживал. Он-то хорошо знал, чем кончится спор. А про очки пока промолчал. Решил, что завтра скажет.

В этот школьный день Юля несколько раз оглядывалась на Колю, и один раз даже улыбнулась ему. После каждого взгляда Коля краснел и опускал голову ниже к парте.

Кто выиграл?

После школы Витя крался домой, словно воришка. По сторонам озирался, может, Коля идёт за ним? Даже в деревья всматривался. Коли не было, это точно. Войдя в дом, закрыл на окнах занавески. Сделал домашнее задание, те-

левизор посмотрел. Потом подошёл к окну и из-за краешка занавески долго рассматривал двор. Нет, не видно Кольки.

«Скажет, чем я занимался, как же! Слишком уж о себе воображает!»

Уроки были сделаны, и Витя мог поиграть. А игрушками было вот что... Вчера он ходил на почту и купил большой плакат. На одной стороне нарисованы красивые розы, обратная сторона – чистая, белая. Именно она-то и нужна была Вите. Разноцветными фломастерами он нарисовал карту: реки и ручьи, леса и болота, веретеи и ложбины. И ещё нарисовал две враждебные армии друг против друга. Были там и самолёты, и танки, и разведчики, и связисты.

Витя был главнокомандующим обеих армий. По его приказу вылетали из аэропортов самолёты, стреляли пушки, шли на боевые задания разведчики и связисты. Витя так увлёкся игрой, что не заметил, как наступил вечер. Мальчик посмотрел на часы, висевшие на стене, и заметил время.

– Ну вот, Колькины часы, можно сказать, у меня. Пусть-ка скажет, чем я занимался!

А Коля тоже не скучал. Он был как будто рядом с другом, и тоже играл. Конечно, он сам ничего не мог сделать ни с одной армией, а был только наблюдателем. И удивлялся про себя: надо же, какую интересную игру придумал Витя. И почему он Колю не позвал, вдвоём же играть веселее!

Утром Коля и Юля, как будто сговорившись, раньше всех объявились в классе. Улыбнулись друг другу, и Коля молча протянул Юле очки.

– Что можно посмотреть?

– Что хочешь.

– Свой дом посмотрю – есть там кто-нибудь или нет? Ух! Никого уже нет! А как поживает братик в детском саду?– Юля вдруг рассмеялась.– Кушает... Всю кашу по лицу размазал! И рукава рубашки вымазал! Так всё хорошо видно! А можно посмотреть Москву, Красную площадь?

– Мне этого в голову не приходило. Конечно!– ответил Коля.

– О, как красиво! Словно в кино, Кремль – совсем рядом.

В класс вошли пришедшие рано девчонки – Катя и Надя. Юля, заговорщески улыбнувшись, вернула Коле очки.

– Не успела как следует разглядеть.

– Потом разглядишь. Только смотри, никому!– прошептал Коля.

– Ладно, договорились,– кивнула девочка.

Витя явился перед самым уроком, и приятели смогли встретиться только во время первой перемены.

– Ну что?– спросил Витя.– Видел, что я делал?

– Конечно, видел.

– И что же?

– После школы вертелся как юла, меня высматривал, потом долго перед окном стоял – меня выглядывал, я так смеялся! Потом на купленном плакате рисовал что-то. Потом играл один...

– Во что?

– О, игра у тебя классная! Давай вдвоём играть, ага? Ты – армия синих, я – жёлтых. Вдвоём ведь веселей.

Коля говорил, говорил, а Витя дар речи потерял от удивления. Потом спросил:

– Подсматривал? Откуда? Признавайся!

– Я не подсматривал. Говорю же, дома был.

– Ничего не понимаю! Ты как будто за спиной стоял. Давай ещё раз проверим. До завтра заклад отложим!

– Хоть до послезавтра! Можешь целый год проверять!– Коля сейчас уже и сам верил, что волшебные очки смогут показать всё на свете.

В этот вечер Витя места себе не находил. Дома опять все окна занавесил, чтобы даже щёлочки маленькой не осталось. Потом взял книги, тетради, и поднялся на полати, чтобы перед окнами не мельтешить. На полатях стал читать. Читать надоело, вырвал из тетради несколько листков, сделал самолётики и стал пускать на пол. Тетрадь закончилась, и пришлось слезть, да и мама уже должна была с работы прийти, будет ругать, что столько чистых листов на самолётики извёл.

Спустившись с полатей, Витя собрал самолётики, повертел в руках, но жалко было выбрасывать. Бросил их на полки с книгами.

На следующий день Коля так же подробно рассказал Вите весь его вечер. Друг так удивился, что ничего не мог сказать в ответ, только головой кивал, сам не зная, почему.

– Колдун, что ли, тебя научил?– наконец произнес он, когда они заходили в класс.

А на второй перемене подошёл и буркнул:

– Зайди вечером, дам фонарик.

А сам приуныл. Жалко фонарика. Немецкий. Из армии брат двоюродный привез. Прожектор! Ничего не поделаешь – проиграл.

Невыученный урок

Третьим уроком было природоведение. Валентина Васильевна вызвала Колю к доске и попросила рассказать домашнее задание. А Коля урока не выучил. Он же весь вечер за Витей в очки подглядывал!

Коля медленно поднялся, медленно поплёлся к доске. Знал, что сейчас опозорится. И вдруг ему в голову пришла мысль: а может, волшебные очки увидят учебник? Вон он лежит на парте, раскрытый на нужной странице.

Коля быстро сунул руку в карман. Вот они очки, на месте. Он надел очки, дужки зацепил за уши. Ребята ахнули – они никогда не видели Колю в очках. Да и очки какие-то смешные. Некоторые засмеялись.

Посмотрела на Колю и учительница.

– Коля, ты что, плохо видишь? Очки стал носить?

Коле было стыдно обманывать учительницу, он просто едва кивнул.

– Ну, рассказывай.

Коля хорошо видел учебник, но буквы были вверх ногами. Принялся было читать, но так запинался, что Валентина Васильевна его остановила.

– Хватит. Не знаешь. «Два».

Коле стало стыдно и нехорошо на сердце. Наверное, из-за Юли. Что теперь она про него подумает? Конечно, удивится: такие очки имеет, хвастает ими, а домашнее задание

не учит. Сотни мыслей роилось в Колиной голове: как сделать так, чтобы очки помогали в учёбе? Если спросят завтра уроки, он книгу на парту вверх ногами положит, чтобы легко было читать. Так попробует!

Вечером Витя отдал другу фонарик, но Коле некогда было им любоваться да за Витей в очки подсматривать. Надо было уроки учить, «двойку» исправлять. Ведь если мама узнает, будет ругать и, чего доброго, отберёт часы.

Как же сделать, чтобы очки помогали учиться? Ведь не зря же они волшебные!

Целый вечер возился с тетрадками да учебниками. Писал-читал. Прямо в очках делал уроки. Подальше от себя отложит учебник и читает. Еще дальше отложит – хорошо видно. Даже из другой комнаты смог читать! Двери, правда, открытыми оставил.

На следующий день Коля поднял руку. Валентина Васильевна его вызвала. Коля одним движением перевернул книгу, встал из-за парты и бойко пошел к доске. Надел очки, принялся шпарить по книге, но вдруг Таня, девочка, с которой он вместе сидел за одной партой, перевернула его учебник. Подумала, что это непорядок, раз он вверх ногами лежит. Коля так рассердился, что весь покраснел. Лоб нахмурил – просили Таньку! Но домашнее задание он закончил хорошо – ведь три раза вчера прочёл урок, в голове всё хорошо отложилось. Валентина Васильевна похвалила и поставила «пять».

Коле приятно, сидел за партой с доброй ухмылкой. И Юля опять к нему повернулась и улыбнулась: ей тоже было приятно, что похвалили Колю.

Коля едва дождался конца урока. Только прозвенел звонок, выскочил во двор и подбежал к Вите. Теперь он очень хотел похвастаться перед другом волшебными очками.

– Давай скажу, как фонарик выиграл... Отойдём в сторону...

– Ну, выиграл и выиграл... Подумаешь...

– Да ты не злись, обратно свой подарок получишь!

– Что, не понравился? Или сломал? – Витя округлил глаза.

– Хороший фонарик, понравился. И ничего не сломал... На, возьми очки и рассмотри хорошенько! – Коля протянул Вите свою заветную вещь. – О чём подумаешь, то и увидишь.

...Витиному изумлению не было конца. Спросил:

– Откуда у тебя это? Я о таком чуде даже не слыхивал!

– Сейчас понял, что я на тебя не в окна подглядывал?

– Сейчас понял.

Переменки ребятам не хватило. На второй переменке Витя снова был в очках, и снова восторгу его не было предела.

Самый известный человек

Скоро Коля и другим ребятам рассказал свою тайну. Что было делать! Все просили хоть в полглаза в очки посмотреть, хоть разочек в руках подержать. Столько появилось желающих, Коля даже испугался:

– Только не ломайте, – просил.

После уроков уже вся школа бегала за Колей – каждому дай в очки посмотреть. А шуму! А споров! Кто что в очки

видел – другим рассказывал, кто не успел посмотреть – им не верил. Даже Валентина Васильевна надела очки, посмотрела что-то своё и удивилась. Коле не давали прохода. Еле домой отпустили!

– Пошли со мной, – сказал он Вите. – Фонарик верну.

Витя расплылся в счастливой улыбке.

Весь вечер Витя провел у друга. Чего они только вдвоём не видели! Все леса-реки. Посмотрели, как спит в берлоге медведь. В Америке были и в Африке, в джунглях и на океане. Один что-нибудь смотрит, а второй в это время что-нибудь вспомнит и толкает друга плечом, торопит, чтобы очки отдал. И так до позднего вечера...

– Это лучше телевизора! – хвалил Витя.

В школе Коля стал самым известным человеком. Все хотели с ним дружить. Даже старшеклассники! А потом к Коле подошёл сам директор школы! Александр Григорьевич доверительно спросил:

– Коля, что это за очки, которыми ты всю школу взбодоражил? А ну-ка, покажи!

Взял в руки, долго вертел, надел, долго смотрел в них, потом сказал:

– Никогда о таком не слышал. Я возьму их с собой, а ты после урока зайди, возьмёшь обратно.

Так Коля впервые очутился в кабинете директора. Ребята очень боялись этого кабинета, а ничего страшного в нём, оказывается, и не было. Александр Григорьевич оказался добрым. Спросил, где Коля нашёл очки, да ещё и удивлялся: откуда же такие у ворона? Потом сказал, что никакие

законы физики не могут объяснить, что это за очки, хоть каким учёным показывай. Может быть, во время каникул он съездит в город и там покажет знающим людям.

И тут Коле показалось, что у него хотят отнять очки. Отвезут в город, и там – с концами! Лицо его сморщилось, уголки губ задрожали, он чуть не заплакал.

– Это мои очки... Мои!– Коля сам не знал, что его голос может стать таким писклявым.– В город отвезёте, потеряются!

Александр Григорьевич принялся его успокаивать:

– Не бойся, никто твои очки не отнимает. Я ведь только хочу узнать, откуда у них такая сила. Ну ладно, сомневаюсь, что кто-то сможет их объяснить. Потерять и правда недолго,– сказал и вернул очки Коле.

Кто потерял волшебные очки

Конечно, Коля в деталях рассказал другу, откуда взялись у него очки. Витя внимательно слушал, долго молчал, что-то соображая, потом спросил:

– Чьи же это? Не мог же их, в самом деле, ворон носить?

Коля пожал плечами. Что он мог ответить...

– Надо узнать!– решил Витя.

– Как?

– Очки нам и помогут. Нацепи их, и подумай о хозяине.

– А ведь правда!– удивился Коля и надел очки.

Перед глазами возникло маленькое тесное жилище. Около стены – деревянный нескладный топчан. Напротив –

скамья. Тяжёлая, как в бане, низкая дверь. Среднего роста старик сидел на скамье около окна и что-то жевал. Лицо потерялось в седой бороде-усах, только острые чёрные глазки посверкивали. Вытащил изо рта жвачку, разделил пополам и протянул половину сидящей на другой скамье такой же древней, как он, старухе. Что-то сказал, может, приказал тоже жевать.

– О боже!– закричал Коля. Он дёрнул головой и с испугом посмотрел на друга.

– Что, что увидел?

– Ой, мурашки по спине,– переведя дыхание, громко зашептал Коля. Он протёр стёкла очков и уселся за стол.

– Что, ну что, говори!– тормошил Витя.– Скорее!

– Маленькая лесная избушка, в ней седой старик, что-то жуёт. Наверно, смолу. А с ним рядом – Ёма!* Настоящая Ёма, Витька! А старик на лешего похож. На Вэрсу!**

– Уснул, наверное, и во сне увидел!– засмеялся Витя.– Скажешь тоже – Ёма! С неба она, что ли, упала? В Ёму только малявки верят! Хо-хо-хо! Может, скажешь ещё, что в лесу и вправду живёт леший, в воде – водяной? Старые сказки! В космос летаем, другие планеты изучаем, а ты – Ёма! Леший! Вот ведь,– смеялся над Колей Витя,– в лесной избушке живут муж и жена – Леший и Ёма!

Коля молчал. Ему стало обидно, что друг ему не верит. Он молча встал, сунул очки в карман и молча вышел из дома.

«Ну и пусть смеётся,– сердился он на друга по дороге домой,– конечно, он ничего не видел! Надо было сказать –

* Ёма (коми) – мифологическое существо, похожее на Бабу Ягу.

** Вэrsa (коми) – леший.

вот посмотри сам, посмотри! И почему я ему не предложил?.. Интересно – а он бы испугался? А в самом деле – чего я испугался?– Коля остановился.– Сколько сказок читал, сколько фильмов видел, и вдруг – испугался! Конечно, бабка очень уж неприглядная, длинный нос, жёсткие кло чья-волосы, острые глазки прямо меня буравили. Тут испу гаешься! А Витька не верит! Смеётся. Пусть. Значит... зна чит, что? Очки принадлежат этому старику – Лешему или... или Ёме!»

Вот так штука!

Коля сердился на друга – узнал такое важное, хотелось об этом поговорить, а тот его на смех поднял.

Но Витя и сам не выдержал. Прискакал вечером:

– Коль, давай ещё посмотрим в очки, а? До чего же интересно!

– Давай!

Весь вечер друзья, сменяя друг друга, глазели в очки. Побывали и в Оружейной палате Кремля, и в Эрмитаже. Бывало, и спорили, и почти что дрались, не уступая своей очереди!

Вдруг Витя спросил:

– А деда-то видел опять, нет?

– Какого деда? А, – вспомнил Коля. – Нет, не смотрел больше.

– Давай глянем!

– Смотри, если хочешь, а я не буду.

– Боишься? В самом деле думаешь, что этот дед – леший?

Витя надел очки на нос и шутливо приказал:

– Пожалуйста, покажите, что делают сейчас хозяева очков.

И перед глазами мальчишки появились тесная лесная избушка...

С лицом, заросшим седой бородой, сидел у окна дед и тоскливо смотрел на улицу. Потом обернулся в комнату и, кивая головой, что-то кому-то сказал. Вот бы услышать, что он говорит! Только об это подумал, как услышал скрипучий голос:

– Как скучно! Одно и было у меня развлечение – кружки с закорючками. За семь земель, за семь рек я с ними путешествовал, всё они мне показывали, да вот потеря-

лись, не могу их найти. И кому они нужны?— дед почесал затылок.— Умру я скоро от скуки.

Витя вскочил с места, очки упали на пол, и старик пропал...

— Коля, я его слышал! Очки не только показывают, и слышать всё можно! Дужки очков так за ушами прижми покрепче — и готово!

— И услышишь?

— Попробуй! Всё слышно!— Витя протянул другу очки и добавил:— Дед как дед, совсем не страшный, седые волосы, седая борода, только никогда, видно, в парикмахерской не был — весь зарос. Не думаю, что это Леший. Но печаль у него большая — умру, говорит, от тоски. Такие, говорит, у него были замечательные кружки с закорючками — за семь земель-рек уносили, а вот теперь он их потерял.

— Кружки с закорючками?— Коля засмеялся.

— Ой, это он, наверно, про очки! Кружки — это стекла, а закорючки — вот, дужки.

— Конечно, про очки! Смешно. Дай-ка, дай-ка послушать!

Взял Коля из рук Вити очки, зацепил хорошенько за уши, руками дужки прижал.

Вот перед глазами старик. И слышал Коля его печаль-тоску.

— Как мне жалко кружки с закорючками!

Коля снял очки — всё пропало.

— Видел?— спросил Витя.— Слышал?

— Да, здорово дед переживает.

Ребятам стало его жалко.

– Отнести ему в избушку, вернуть, – нерешительно сказал Витя.

– Вот если бы ты нашёл очки, так бы не говорил! – рассердился Коля. – Да и как отнесёшь? Ты ведь не знаешь, где этот дед живёт! Не под ивами же, где очки я нашёл! А может, пойти к речке, да там и оставить?

– Нельзя, – сказал Витя. – Кто-нибудь другой найдёт. Ни нам не будет, ни хозяину.

Оба замолчали, задумались. Коле, конечно, жаль было терять такие замечательные очки, он удивлялся Вите: как ему в голову пришла мысль их вернуть? Кому охота возвращать волшебную вещь? Он, Коля, пока не дурак. С очками весь мир можно увидеть, не выезжая из деревни. Но и деда жалко – тоскует, бедняга, без своих кружков-зако-рючек.

Думает об этом Коля, а Витя уже опять в очки смотрит – наверное, на хозяина. Потом Витя сказал:

– Домой пойду, ничего в голову уже не идёт. Завтра поговорим, что делать.

Тайна раскрывается

Счастье Коли лопнуло в один миг, и так, как он даже предположить не мог.

После ужина мама и папа, как всегда, сели смотреть телевизор. Коля в своей комнате делал домашнее задание и не слышал, как пришли девчонки. Раздались их писклявые

голоса, и Коля вышел посмотреть, кто пришёл. Это были Витина младшая сестрёнка и дочка учительницы Валентины Васильевны с красным бантом на голове. Они стояли рядом с Колиной мамой и ныли:

– Пусть ваш Коля покажет нам волшебные очки. Скажите – пусть покажет, пожа-алуйста! Мы тоже хотим посмотреть, – канючила Витина сестра Маша, с такими же мягкими рыжими волосами, как у брата.

– Пусть Коля даст нам совсем немножко посмотреть, – добавила дочка учительницы.

– Все уже смотрели, а мы – нет, – это опять Маша.

Коле так захотелось поколотить этих девчонок! Сжал кулаки, но понимал, что поздно, родители теперь всё узнают. Если бы Коля девчонок на крыльце засёк, он бы их тут же выгнал, а сейчас – бесполезно.

– Что вам нужно показать? – Колина мама ничего не понимала.

– Волшебные очки!

После этих слов и папа прислушался.

– Пусть Коля пока-ажет! – девчонки чуть не плакали.

– Коля! – строго сказал отец. – Что просят показать?

– Ничего.

– Волшебные очки! – отчаянно крикнула Витина сестрёнка.

– Что за очки такие? Ну-ка, сын, тащи сюда эту штуковину! – строго сказал отец. – Откуда они, кто их тебе дал?

Можно было, конечно, обмануть, что никакие очки Коля в глаза не видал. Или соврать, что он нашёл очки, но уже

отнёс назад. Но обманывать папу Коля не мог. Пришлось доставать очки из потайного места и нести в комнату.

— Хм, в самом деле очки. Ладно, пусть девочки посмотрят, потом мне дашь,— сказал папа и снова уткнулся в телевизор.

Целый час девчонки забавлялись — что-то рассматривали и смеялись. А потом и родители того же захотели.

Незваные гости, которые так легко выдали Колю, ушли довольнехонькие, как будто дорогой подарок получили.

— Завтра снова придём, спасибо большое!

— Очень вы тут нужны, сороки!— сердито бросил им вдогонку Коля. Он знал: теперь придётся все рассказать отцу. Знал он и папин ответ: «Отнеси туда, откуда взял».

Так и случилось.

После разговора с отцом Коля зашёл в свою комнату с мокрыми глазами. Губы у него тряслись от обиды. Отца придётся послушаться, хотя очков до слёз жалко.

— А кому я их унесу?— спросил он у папы.— Опять на берег, бросить под ивы?

— Хотя бы так,— сказал отец.

Про лесного деда Коля не стал папе рассказывать. Со всем запутается. Но ему совсем не хотелось бросать очки на берегу. Как же узнает тот лесной дед, что очки на ветке ивы висят? А если они попадут в руки злодеев? До слёз жалко Коле волшебные очки, просто до слёз...

С тяжёлым сердцем и печальными мыслями он отправился спать.

Договорились

На другой день после школы Витя снова был у Коли. Родителей не было дома и можно было запросто громко разговаривать и спорить, не боясь, что кто-то услышит. Сидели на диване и думали-гадали, что делать. Витя уже знал, какой разговор произошёл между отцом и сыном. И на сестру он здорово рассердился, из-за неё да ещё учительской дочки тайна раскрылась.

– Ну что, отнесём на речку? Туда, где я их нашёл? – беспокоился Коля.

– Нет, Колька. Нужно старику прямо в руки отдать, – настаивал Витя.

– Мы же дороги не знаем!

– Очки дорогу покажут. Дом вон как быстро показали! Поднимемся в лес, ты наденешь очки и скажешь: «Показывайте дорогу к старому хозяину!» Куда покажут, туда и нам идти.

– Какой ты умник! А если потеряемся?.. Тут лес на тысячи километров.

– Не понимаю, Колька, чего же ты хочешь? – рассердился Витя. – Ты что, боишься?

– А ты что – нет? А если это правда леший? Придём и скажем: «Добрый день, Леший! Мы принесли тебе очки, или – как он там говорил – кружки с закорючками. А он нас как-ак схватит! И не отпустит. Или тропинку так заговорит, чтобы она нас к дому никогда не вывела. Будем вечно по лесу бродить, и только когда-нибудь наши косточки отыщут.

– Не пугай. Во-первых, может быть, это ещё и не леший. Во-вторых, мы ведь ему хорошее дело сделаем – очки вернём. Что же он, злом оплатит?

– Ну ладно, пойдём к лешему, – наконец согласился Коля. – Я знаю, что надо сделать, чтобы с нами беды не случилось.

– Что?

– Голову солью посыпать и ножик взять в дорогу. Соль и железо от плохого оберегают. Мне бабушка говорила.

– А моя бабушка учила: креститься надо чаще, так мы под защитой Бога будем.

Мальчишки договорились отнести очки в лес в следующей выходной.

Нужно было сказать об этом и Юле – чтобы она могла взять очки и досыта насмотреться на то, что пожелает. Но во время переменок Коля стеснялся подходить к ней перед всеми ребятами. В субботу он пришёл в класс пораньше и подкараулил Юлю.

– Юля, сегодня после уроков приходи ко мне, будешь сколько хочешь в очки смотреть.

– Ой, Колька, я не смею к тебе идти.

– А я Витю тоже позову.

– Ой, не знаю.

– Завтра утром мы пойдём очки хозяину возвращать.

– Какому хозяину?

– Придёшь ко мне – всё расскажу.

– Ну ладно, приду. Наверное...

Больше Коля ничего не сказал, да и не успел, в класс стали заходить ребята.

Сначала Юля стеснялась у Коли в доме, но потом осмелела. Что хотела, на то в очках любовалась, громко хохотала при этом. Такой весёлой Коля видел её впервые в жизни, и ему приятно было наблюдать за ней. Наблюдал и улыбался. Попозже Витька явился, а с ним сестрёнка, и дочка учительницы. Все вдоволь натешились.

После того, как все разошлись, Коля надел очки. Только что он веселился, а тут вдруг так грустно стало, хоть реви. Завтра они отнесут очки и – всё. Как будто ничего и не было. Никто к нему больше не подойдёт. Юля, наверно, тоже. Какая милая она была сегодня! А что завтрашний день принесёт! Как далеко им придётся идти? Вернутся ли они домой?

О многом передумал мальчик в этот вечер.

Всё дальше и дальше

Ранним утром мальчишки в спортивных костюмах, в куртках поверх них, вышли из деревни. На Витиной голове тёмно-синий берет, Коля в вязаной шапке, оба с легкими рюкзаками. Спустились к реке, туда, где Коля оставлял удочки и где нашёл очки.

День был тихий, солнечный. Небо синее-синее, ни одного облачка. Но далеко за лесом уже поднимался холодный туман. Слева над лесом небо холодное, разноцветное.

На его жёлто-красном фоне хорошо выделялись голые ветки.

– Вытаскивай очки, – приказал Витя. – Посмотрим, куда идти нужно.

Из кармана куртки Коля вытащил очки, надел на нос и подумал о дороге к лесному деду. Перед глазами возник тёмный ольшаник. Туда и направились ребята. Перешли поле, перепрыгивая через высокие борозды, и приблизились к лесу.

День солнечный, а в лесу сумрачно. Может, так казалось оттого, что путь был неизвестный. Было и ещё одно беспокойство: к хозяину – лесному деду – ребят приведут очки, а вот как они выберутся обратно? Нерешительно постояли мальчишки на опушке леса. Головы посыпали солью, оба перекрестились. И нож тоже был с ними. После всех этих обрядов они бойко зашагали по тропинке. Витя из кармана компас вытащил, по нему сверил направление. Компас им в обратном пути поможет.

Идут друзья по лесу, которому конца и края нет. Какое-то время шли без всякой дороги-тропинки, ноги по щиколотку утопали в мягком длинном мху. По нему идти труднее даже, чем по песку: ноги глубоко проваливаются.

– Замучаемся так, – буркнул Витя.

Но скоро ребята вышли на старую дорогу – когда-то по ней лес на лошадях вывозили. Шагать стало легче. До вечера так шлёпали. Перешли сосновый бор, потом опять шагали по тёмному ельнику. Затем пересекли берёзовую и осиновую рощицы. Здесь веселее шагалось, путь словно

светом озарился, а под ногами красивый цветной ковёр, приятно было шевелить листья ногами. Долго так шли... опять бор, опять ельник. Лес становился темнее и темнее, густые разлапистые ели не пускали вниз солнечный свет. Ребята примолкли. Тёмные ели стояли угрюмые, и когда мелькала среди них верхушка осинки или жёлтой берёзки с ещё неопавшей листвой, сердце вспыхивало как от неожиданной радости.

Коля не снимал очков. Встретились две уходящие в разные стороны тропки. Постояли, посмотрели, куда очки показывают, двинулись дальше. Широкая санная дорога перешла в узкую тропу, по бокам которой росло полным-полно черники и брусники. И сама тропка уже начала зарастать черничными и брусничными кустиками. Значит, тут редко бывали люди, редко ягоды собирали. Черника уже вся опала, а тёмно-бордовая брусника вся на виду. Некогда лакомиться. За круглое болото вышли. Говорили, до него от деревни верст пять. А очки ведут их дальше и дальше. До устали шагали мальчишки, и по сторонам глазели, приметы примечали, знали: обратно возвращаться без очков.

Вот и ещё одна тропка кончилась, а избушки всё нет.

Дорожные препятствия

Вдруг мальчики остановились. Впереди раздался шорох, как будто кто-то пробежал за деревьями. Ребята схватились за руки, ожидая ещё какой-нибудь звук. Но было тихо. Осторожно, озираясь по сторонам, зашагали дальше.

Снова что-то с шорохом промелькнуло между деревьями. И снова тишина.

– Кто нам дорогу пересекает?– тихонько спросил Коля.

– Кто за нами подсматривает?– прошептал Витя.

– Может, вернёмся, пока не поздно?

– Нет уж! Пойдём до конца, будь что будет!

Отправились дальше. Старались не наступать на сухие сучки, даже не переговаривались. Тишина. И всё-таки чувствовалось, что кроме них тут есть кто-то ещё. Ребята по-прежнему держались за руки, чтобы было не так боязно.

Когда устали, выбрали место около небольшого ручейка, и сели отдохнуть на ствол поваленного дерева. Коля быстро собрал сухие ветки, разжёг костёр. Витя зачерпнул котелком из ручья чистой воды, повесили котелок на воткнутую наискосок палку над костром, вскипятили воду. Коля достал из рюкзака круто сваренные яйца, соль, хлеб. Витя выложил на расстеленную газету солёные огурцы, помидоры, хлеб с маслом. Замечательный стол получился! Пока ели и ждали кипятка, Коля припомнил случай, который не давал ему покоя, и завёл разговор:

– Витька, сознайся, ты ведь правда играл в куколки? Я же видел! Правда ведь? Было?

– Да не играл я ни в какие куклы!– рассердился друг.– Просто я шить умею, а сестра попросила для куклы новое платье. Я шил платье! Одел куклу! Вот и всё!

– А я думал, очки врут.

– Врут, врут... Дались тебе эти куколки. И вообще, когда я вырасту, швейным мастером стану. Вот так-то! А ты? Кем хочешь быть?

– Я хочу дальше учиться – в институте. Мне физика нравится.

– Мы ведь ещё не проходим физику...

– Дома я нашёл старый учебник на чердаке, почти весь уже прочитал. Знаешь, как интересно! Про непонятное у папы спрашивал. Буду физиком, как наш директор.

Раньше ребята никогда не разговаривали о своем сокровенном – о будущем, о мечте. Необычная ситуация, путь в неведомое, опасность – помогли им раскрыть сердца. Как будто кто-то приказывал мальчикам открывать друг другу потаённые думы.

Вдруг поднялся сильный ветер. Закачались, зашептались деревья. Среди них послышались скрипучие звуки: «хлоп-хлоп-хлоп!» – как будто большая птица била невдалеке крыльями. Это хлопанье не удалялось и не приближалось, а как бы оставалось на месте. Хлоп-хлоп-хлоп! И снова: хлоп-хлоп-хлоп! Новый порыв ветра сорвал с Колиного носа очки. Мальчик едва успел подхватить их...

И вдруг все стихло. Коля и Витя удивлённо уставились друг на друга.

– Что это было? – Коля попытался улыбнуться.

Витя только плечами пожал.

– Если вдруг снова налетит ветер, смотри, сразу очки снимай, а то унесёт, – сказал он, – ты их в руки возьми и держи крепко.

Шагнув раз, другой, Коля вдруг запнулся и со всего размаху упал, ткнувшись носом в мягкий мох. Очки снова слетели. Хорошо, что руки были вытянуты вперёд, и он

снова успел их подхватить. Встал, удивлённо поглядел назад – обо что он запнулся? Всё вокруг гладко, ни коряги, ни пня, и корни деревьев не выступают.

– Кто-то хочет отнять очки!– прошептал Коля.

Витя, который не верил ни в приведения, ни в тайные силы, сейчас не спорил. Он сам видел: уже дважды Коля чуть было не лишился очков!

– Давай привяжем их, и дело с концом.

Витя – запасливый парень. Вытащил из кармана верёвочку, привязал её за дужки и узлом стянул на Колином затылке.

– Сейчас никуда не денутся. Бежим, Колька!– Витя забросил рюкзак за спину, и ребята пустились бежать.

Новый порыв ветра настиг ребят. Он рвал одежду, пригибал их к земле, один раз Витя споткнулся и упал на колени.

И снова всё стихло.

Леший и Ёма

А в это время в избушку к Лешему вбегала запыхавшаяся Ёма.

– Леший, а ну покажи мне кружочки с закорючками, которые я тебе за семью морями, семью землями достала!

– Ёма, хочешь верь, хочешь нет, а я твой подарок потерял. Такая вот у меня беда. Смотри, совсем заплешивел от горя. До смерти жаль, до смерти жаль!

– Дурень ты эдакий! Где ты их потерял? Давно?

– Недавно. Погода стояла дождливая, а тут вдруг солнце показалось. Повеселело. Я и пошел прогуляться. Васу, водяного, хотел проведать до ледостава. Под ивой у воды уселся. Недалеко деревня виднелась. Кругом тихо, спокойно. Я и задремал. Знаешь, что во сне видел? Как будто мы с тобой поженились. Как будто бы наша свадьба. Ты – красавица, какая в молодости была, а я – богатырь, молодой и сильный, а все лесные и болотные жители, водяные, насекомые – наши гости. Вдруг потемнело, тучи набежали, на меня с неба с дурным криком Гундыр, дракон, кинулся. Думал, всё, конец мне пришел, но какая-то сила меня спасла. И тут проснулся. И увидел, что в сторону от меня летит ворон. Хватъ, а кружков с закорючками у меня и нету!.. Я их всё время в руках держал...

– По-твоему, их ворон унёс?– удивилась Ёма.

– А кто же? Больше никого не было.

– Может, собака какая из деревни прибежала, она унесла?

– Ну, собаку я и во сне почую. Не знаешь разве, сколько я их за свою жизнь попортил? Спроси у охотников. Не было никакой собаки. Ворон, ворон кружки с закорючками унёс. Только не пойму, зачем они ему? Я всё вокруг обыскал, не нашёл. Темнело уже, ощупью искал. На второй день туда же пошёл, при свете всё обшарил – как будто растаяли.

– А вот я видела твои кружочки, дурень ты этакий!– качая головой, сердито сказала Ёма.

– Видела?!– Леший чуть на скамейке не подскочил.– Где?

– Сейчас к тебе пробираются двое мальчишек. У одного на носу – твои очки. Я из-за деревьев за ними подглядывала.

– Что же не отняла?

– Не получилось. Срывала очки ветром, подножку мальчишке ставила, он ронял закорючки, но на лету подхватывал. Правда, я точно не знаю, твои ли это кружочки с закорючками, но больно похожи. Что делать? Думай, пустая голова!

– Ты же, золотая моя, умная, и то ничего не придумала.

– Ещё и смеёшься? Ах ты, паршивый пень! Вот погоди, они сюда идут, они тебе покажут!

– Сюда идут? Молодцы! Вернут мне мои кружочки с закорючками. Хорошие ребята, славные.

– Конечно, конечно! Открой рот пошире, прямо туда и положат! Когда кто-то тебе хорошее делал? Люди только на плохое горазды. Вспомни! Когда-то мы около деревни жили не тужили. Меня за богиню почитали. А сейчас? Посреди пармы-леса прозябаем, да и тут не удалось спрятаться! Нашли! Может, и отсюда придётся убегать!

Ёма глянула в маленькое окошечко.

– Ой, пришли уже, совсем рядом с избушкой! Я в каменку заберусь, чтобы меня не увидели. А ты проси волшебные кружки, проси! А если не захотят отдавать, я на них из печки выпрыгну! Хорошо?

– Лезь в каменку*, – вздохнул Леший.

Ёма подбежала к печке, покрутилась вокруг неё, что-то пробормотала и скрылась за заслонкой.

* *Каменка* – маленькая печь, которая топится по-чёрному.

У Лешего

Мальчишки приблизились к лесной нахохлившейся избушке, из щелей бревенчатых стен которой клочьями торчал мох.

Позади избушки виднелось бескрайнее болото.

– Наверно, здесь живёт Леший, – прошептал Коля.

Витя молча пожал плечами.

Сейчас, когда еле заметная тропка привела их в середину непроходимой пармы, он уже не храбрился и не спорил. Ребята ведь не к простому деревенскому дедушке пришли. Скоро они узнают, чьи это очки. Даже директор школы не мог ответить, почему очки могут показать всё на свете. Значит, хозяин очков необычный. Вполне может быть, что и Леший.

– Что там тебе очки показывают? – прошептал Витя.

– Вот этот домик и эту дверь.

– А ты повернись спиной к избушке и снова о хозяине подумай! – приказал Витя.

Коля так и сделал, но и тогда очки показали этот дом.

– Значит, верно пришли. Зайдём, будь что будет! – Витя шагнул к крылечку.

Над головой прошелестел крыльями чёрный ворон.

Мальчишки поднялись на две обомшелые ступеньки, постучались. Никто не ответил. Коля толкнул дверь.

– Кто-нибудь есть живой? – спросил он.

Медленно, со скрипом, дверь отворилась. Мальчики даже испугались этого скрипа.

На скамье около стола сидел белобородый дед и с опаской смотрел на входящих. Недобро сверкнули чёрные глаза. Коля сразу узнал: это был хозяин очков.

– Заходите-е, – таким же скрипучим, как дверь, голосом сказал дед.

Мальчики протолкнулись в дверь. Испуганные, встали у входа.

– Заходите да садитесь, садитесь да смейтесь, – снова заскрипел старик.

Может быть, он так шутил, но мальчикам было не до шуток. Они молча переглянулись.

– Что-нибудь, может, скажете? – проскрипел старик. – Зачем пожаловали?

– А мы... вот, – начал Витя, из которого вдруг выдуло всю смелость.

Коля толкнул его в бок: помолчи. Вытащил из кармана очки, шагнул вперёд и протянул их Лешему.

– Это ваши?

Тот цапнул очки и тотчас водрузил на нос.

– Мои, конечно, мои! Откуда у вас мои кружки-закорючки, моя радость, мое окошечко в мир? – Леший обрадованно подмигнул, и тоненько, пронзительно, дребезжаще засмеялся. – И-и-и...

Казалось, ещё чуть-чуть, и он пустится в пляс...

Старик стал похож на ребёнка, и мальчишки перестали его бояться. Смотрели на него и широко улыбались.

А Леший вдруг закричал:

– Ёма! Выходи! Мальчики кружки-закорючки доставили!

После этих слов мальчишкам захотелось удрать, они кинулись к двери, толкая друг друга. Им вовсе не хотелось знакомиться с Ёмой – Бабой Ягой. Но в дверях ребята замешкались.

Из печи послышалось какая-то возня, кто-то вылезал. Слетела заслонка. Потом показался сухой чёрный кулак, грязный рукав и послышался хриплый противный голос:

– Помогите! Ох, старая стала, никакого просвета в жизни не вижу, из ступы в каменку, из каменки – в ступу, не живу, а существую! Леший! Руку давай, старый пень!

Леший протянул Ёме руку, и помог выбраться из печи измазанной сажей страшной-престрашной старухе. И такая она была страхолюдина, что мальчишки, толкаясь, опять бросились к низенькой двери. Витя запнулся за порог, упал, Коля свалился на него. Подняться они не успели. Их подняла Ёма.

– Не бойтесь, не бойтесь!– как могла ласковей сказала старуха.– Проходите, садитесь за стол, сейчас мы вас сушёной черникой угостим.

Она цепко схватила детей за руки и подвела к столу. Усадила на лавку под окном, а сама села на скамью около дверей.

Путь к бегству был отрезан. Мальчикам стало стыдно своего страха. Но всё же Коля поглядывал на окошко, можно ли удрать через него. Вряд ли. Слишком уж маленькое.

Ёма почесала затылок и сказала:

– А вот интересно, Леший, давай узнаем, зачем же они наши закорючки украли? Кхе-кхе!– засмеявшись, она показала длинные жёлтые зубы. Лицо у неё чёрное, глаза чёр-

ные же, нос горбатый, седые растрепанные волосы торчали во все стороны.

– Мы их не крали, наоборот, мы их принесли, когда узнали, что они ваши, – робко сказал Коля.

– А кто испугал Лешего, когда он спал на берегу речки? Не вы ли? Кто его испугал, тот и закорючки унёс!

– Мы не знаем, – пробормотал Коля, – мы не пугали.

– А откуда же тогда у вас кружки с закорючками?

– Ворон пролетал и уронил, а я подобрал, – сказал Коля. – Потом узнали – чьи очки, и принесли.

– Пока ты спал, они и украли, точно, – Ёма продолжала гнуть своё.

– Ты меня за дурака принимаешь? – вдруг рассердился Леший. – Я ещё из ума не выжил! Не такой уж старый! Не было около меня никаких детей, даже духа их не слышал! А вот ворона я видел.

Ребятам приятно, что Леший их защитил, они немного приободрились.

Ёма давно заметила, что около людей Леший становится смелым. Вот возьмёт и выгонит её из избушки. Поэтому сказала мягче:

– Ладно, ладно, может, и в самом деле ворон, я пошутила... Ну-ка, глянь на меня, я в печке сажей не измазалась?

– Весь нос в саже!

Концом рукава Ёма изо всех сил потёрла нос.

– Ещё где?

– Всё. Больше нигде.

– Дай-ка зеркало, погляжу.

– Нет у меня зеркала.

– Ну и ну, зеркала нет! А почему? У меня дома зеркало на стене. Каждый день на себя люблюсь, прихорашиваюсь.

Мальчики захихикали. Да, с таким лицом только на себя и любоваться! Глянули на Ёму и осеклись – тут не до смеха...

– Надо и тебе зеркало достать, – сказала Ёма. – Это ведь не волшебные очки, которые вы около села нашли, не надо за ним за семь морей за семь земель лететь. Зеркало легко найти в любой деревне, даже в вашей.

Дети сидели ни живы ни мертвы. Лешего они уже не очень боялись, а вот Ёмы... Как бы скорее удрать отсюда? Топали сюда столько времени! Надо было очки ветру отдать, пусть бы унёс. Сиди вот теперь с этой противной старухой. Про сушёную чернику она, видно, забыла.

А Ёма вдруг мирно глянула на мальчишек.

– А вы меня не бойтесь. Я ведь не знала, думала, вы украли у спящего дедушки его кружки с закорючками. А если нет... Вы нам хорошее сделали, и мы вам плохого не сделаем. Чем-нибудь и поможем еще.

«Какая уж помощь, живыми бы отсюда уйти», – мелькнуло у Коли в голове.

– Что, языки проглотили? – спросил Леший.

– Накорми, давай, людей, – сказала Ёма, – кедровые орешки давай, сухую голубику, чернику давай... Сухие грибы они вряд ли будут жевать.

– Правда, где же у меня кедровые орешки оставались? Где-то тут, на полках. – Леший нашел и поставил на стол глиняный горшок, наполненный кедровыми шишками.

– Угощайтесь.

Мальчики взглянули друг на друга и нерешительно протянули руки к горшку.

– Смелее! Смелее!– сказала Ёма.– Съедите, я ещё принесу. У меня таких шишек целый мешок! У меня всё есть – полный мешок сушёной черники, мешок голубики. Сушёные грибы белки принесли. Много грибов! Целый чердак. В бочке – сухая рыба от водяного, есть полный лагун пива, целый мешок хмеля. Этот вот,– кивнула Ёма на Лешего,– впроголодь живёт, холостяком, ничего у него нету, что я принесу, тем и кормится.

– Грибы я засушил,– буркнул Леший.

– Это потому, что они у тебя прямо у крыльца росли,– сказала Ёма.

– Ты не сама запасы делаешь, тебе белки и зайцы помогают.

– Ешьте! Ешьте!– снова напомнила Ёма.– Угощайтесь! Вы добрые! Сейчас ведь добрых людей совсем почти не осталось. В старину-то люди куда как лучше были! Сейчас не те, нет, не те... испортился народ. И вовсе мы на них не нападаем. Вы тоже думаете, что мы с Лешим людям зло приносим? А?

Мальчишки молчали.

– И кому мы что плохое сделали? Вы слышали? Слышали?

– Нет,– ответил Коля.

– А мной ведь детишек пугают, вот до чего дожили! Хоть помирай... Да не могу помереть-то!

– Вы пугаете всех,– вставил словечко Витя,– нам охотники рассказывали.

Коля даже вздрогнул, когда Витин голос услышал. Вдруг Ёма сейчас на него разозлится?

– Совсем-то нельзя не пугать, – заскрипел Леший. – А если люди весь лес вырубят? Где нам тогда жить?

– В старину по-другому жили? – спросил Коля, который хотел переменить разговор. – А как по-другому, расскажете?

– В старину? О-о! Хорошо жили! Может, вы и не пове-
рите, но очень хорошо жили. Так ведь, Леший?

– Да уж. Хорошая была жизнь...

Ёма – Йомала

– Сейчас меня называют Ёма, – принялась рассказывать старуха. – А раньше я была Йомалой. Люди почитали меня за богиню. Серебро и золото к ногам клали. Поклонялись мне. А я исполняла их желания. Ко мне приходили и в счастливые, и в горькие дни. Приносили еду-питье. Рядом со мной веселились.

Я ведь раньше не тут жила, а на берегу северного моря. Однажды из дальних земель на лодках приплыли викинги, напали на жилища людей. Ночью подкрались ко мне, сняли дорогую одежду, серебро-золото отняли. Грех на мне великий: я попросила Бога, чтобы утопил в море их лодки с награбленным добром. Нельзя было наказания просить даже для них, разбойников. – Ёма замолчала, задумалась. – На другой день пришли ко мне наши люди, увидели, как надсмелялись надо мной викинги, плакали и ругали пришельцев. Меня снова приодели, украсили. У Бога прощения просили за то, что не смогли меня защитить.

После этого мы долго жили хорошо. Потом опять плохие люди явились – теперь уже с юга, нового Бога с собой привели, по-другому велели молиться. Меня в глухие леса прогнали. Долгое время люди ко мне ещё украдкой пробирались, чтили меня, а сейчас все тропки ко мне мхом заросли. Никому не нужна стала. Красивое мое имя Ёмала забылось. Стали Ёмой звать. Детей мною пугают. Ох, вернуть бы то времечко, когда мы хорошо жили, людям помогали. Так ведь, Леший?

– Так, – горестно вздохнул старик.

– Тебя ведь люди тоже уважали.

– Было такое, – охотно отозвался Леший. – Но и боялись тоже, я ведь тогда сильным был. Бояться перестали, и я силу свою потерял.

– Красивым ты тогда был, Леший, – похвалила Ёма, – и тихо добавила: – А теперь как лысый глухарь...

Мальчишки засмеялись, а Леший, наверно, не расслышал последние слова Ёмы, тоже стал хвалить её:

– И ты была красавица, Ёмала. Щеки, как румяные колобки.

– А кожа, как шелковая бахрома. Было, было. За долгую жизнь, знаешь, что я, Леший, поняла? Пока меня любили, пока я была всем нужна, пока мне хорошие слова говорили, я, как цветок марьямоль, цвела-расцветала. А как стала ненужной, так и красу свою потеряла. Ты в молодости сильным, как лось, был, Леший. А сейчас стал старым и слабым. Это из-за того, что сейчас тебя люди ругают. – И Ёма как бы про себя пробормотала: – Вот и Ворон тебя до смерти напугал! – Потом опять громко запричитала: – Леший!

Когда-нибудь придёт ли такое время, когда нас опять будут уважать? Ох, если бы, если бы... Тогда мы с тобой опять помолодеем и силушки у нас прибавится!

– Ты, Ёма, и сейчас не слабая.

– Да, силушка-то у меня ещё есть. Я ведь не то, что ты – обомшелая избушка. Когда люди перестали во мне нуждаться, я к жизни приспособилась. А ты совсем волю потерял, старый ты глухарь, всё дома, в избушке, сидишь...

– Так, Ёма, так.

– А ты расправь крылья, опять по лесу-парме летай, как прежде, всякую живую тварь привечай. Скажи себе: я сильный, живой! – учила Ёма. – И тебя снова все уважать станут!

Слушали дети этот разговор и не знали, во сне они это видят или наяву, верить происходящему или нет.

Бой над болотом

– Ну, солнышко уже к закату. Домой вам пора, – сказал вдруг Леший. – Заговорили мы вас нашими баснями. Спасибо за доброе дело. Сегодня я как будто и вправду помолодел. Утром, глядишь, из избушки выйду, на лес погляжу.

– И я как будто помолодела, – поднялась со своего места Ёма. – А может, я и краше стала от приятных воспоминаний... Ох, старый глухарь, жалко, у тебя зеркала нету. Ну ладно, дома на себя полюбуюсь.

Ёма говорила, что помолодела, но этого совсем не было заметно. Какая была, такая и осталась.

– Давай, – остановил её Леший, – проводи ребят до дому.

Коля и Витя взглянули друг на друга испуганными глазами. Что? Их будет провожать Ёма? Эта Баба Яга? Интересно, как? В ступе? Или верхом на метле?

Когда они вышли, Ёма в самом деле взяла метлу, которая была прислонена к углу дома, обыкновенную, ничем не примечательную метлу, выкатила из-за дома ступу, точно такую же, какую мальчишки видели в старых домах, только побольше и пошире, конечно. Ребята запросто поместились в ней. Следом в ступу забралась Ёма. Она приказала ребятам присесть и сжаться в комочек. Мальчишки, конечно, не верили, что они смогут в ступе подняться над землей, но послушались – плотнее прижались друг к другу.

– Счастливого пути! – махнул рукой Леший, вышедший на крыльцо проводить гостей. В руках он держал волшебные очки.

Вдруг прямо с крыши избушки на Лешего набросился большой ворон. От неожиданности Леший выронил очки, но они даже до земли долететь не успели, ворон подхватил их в клюв и исчез в темнеющем небе.

– Отдай! – диким голосом закричала Ёма, и ребятам: – Вылезайте!

Она опрокинула ступу, вывалив мальчиков на мох. Сама направила ступу в ту сторону, куда исчез ворон. Ступа поднялась, заметалась по небу, метла так и летала по воздуху из стороны в сторону. Над серединой болота Ёма догнала птицу.

Завязалась борьба. Слышался карканье и крик. С неба летели пух, перья и клочки рваной Ёминой одежды.

Леший и ребята заворожённо смотрели на это удивительное сражение и жалели, что ничем не могли помочь.

– Ох!– вскрикнули все трое, когда увидели, что очки, переворачиваясь в воздухе, упали прямо в болотную жижу. Увидели это и Ёма с вороном. Они разлетелись в разные стороны и стали летать над болотом. Ёма мешала в болотной жиже метлой – наверно, надеялась подцепить очки за дужки. Потом она в последний раз замахнулась метлой на ворона, прокричала ему что-то злое.

– Никогда уже не найдём волшебные очки... болото их проглотило,– с горечью в голосе сказала Ёма, подлетев к Лешему и ребятам.

– Жалко до слёз,– грустно ответил Леший. Он и правда чуть не плакал.– Но зачем ему, бубуле* чёрному, волшебные кружочки с закорючками?

– Об этом он мне прокаркал: заморскому Дракону-Гундыру, оказывается, нёс, да в ивах над речкой выронил. Какой-то мальчишка его удочкой прогнал.

– Это я его прогнал!– с гордостью сказал Коля.

– А Гундыру зачем очки?

– Мечтает сюда прийти, разгромить людские жилища, стать главным над людьми. А кто против него будет – того спалить. Вот для чего ему волшебные очки! Всё знать хотел.

– А ворон, что, его слуга?– спросил Витя.

– Да. Гундыр обещал, если он принесет очки, то получит свободу. Вот он и хотел их добыть.

* Бубуля – в коми мифологии нечистая сила.

– И хорошо, что они утонули, теперь Гундыр сюда не сунется, – махнул рукой Леший.

– О нас-то они, кажется, позабыли, – сказал Коля другу, – темно уж совсем. Как домой доберемся? Потеряемся...

Леший это услышал и сказал Ёме:

– Проводи ребят. Родители заждались, беспокоятся.

Домаой

– Садитесь, мальчики, – сказала Ёма. – Держитесь крепко, а то я вас выроню.

Ёма с метлой в руках первая забралась в ступу. Потом забрался Коля, рядом, крепко держась за плечо друга, боком примостился Витя.

– Тысячу лет живи, Леший, – сказал на прощание Витя.

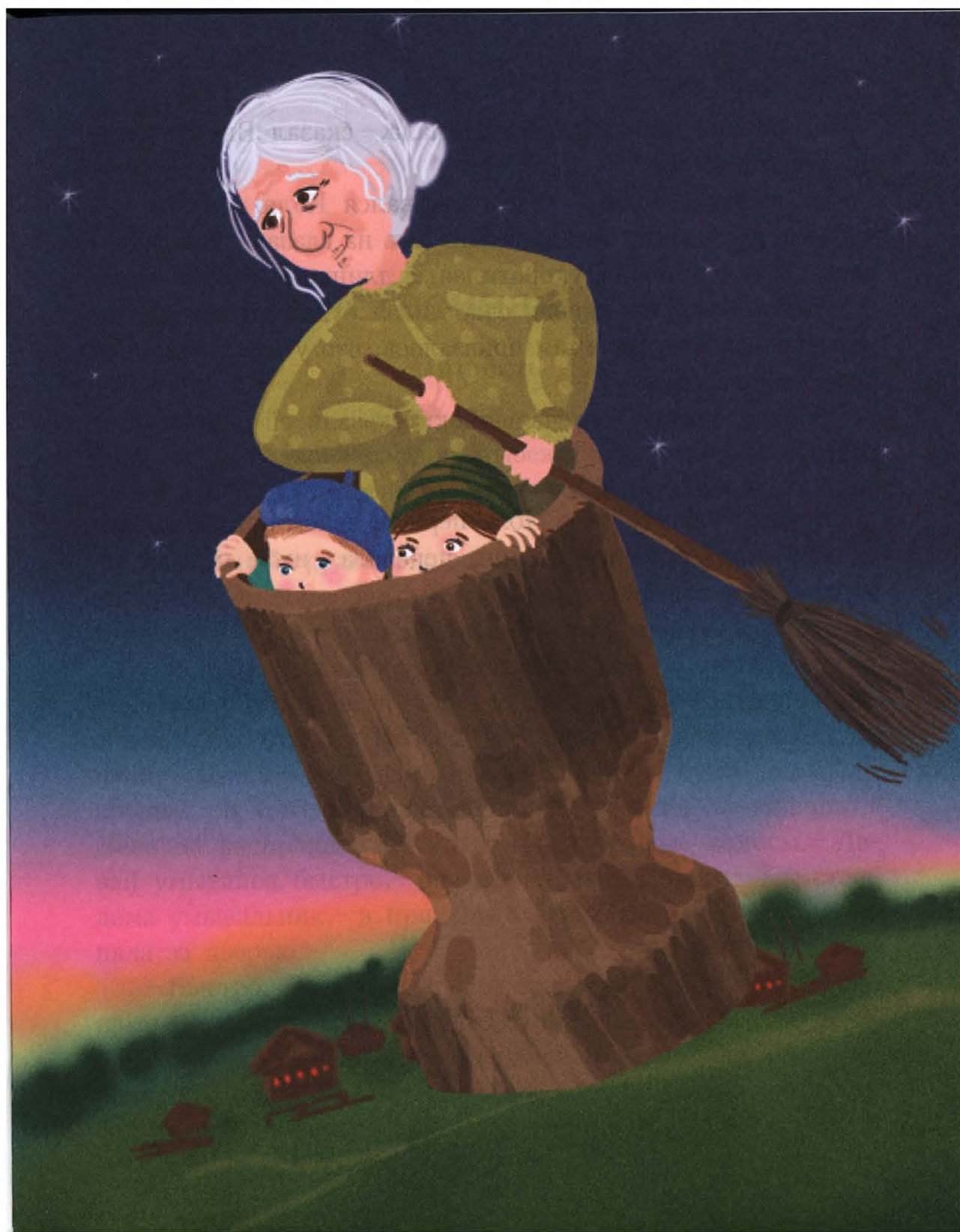
– Я выучусь, и сам сделаю тебе волшебные очки, – добавил Коля.

– Да не надо. Я как-нибудь уж так, без них... – пробормотал Леший.

Как же, оказывается, здорово лететь в ступе! Не трясет, не качает. Ёма хорошо правит ступой, душа летит – приятно. Лодкой, поездом, самолётом уже приходилось путешествовать, а вот в ступе ребята летели впервые. Долго хотелось бы так лететь, но вот и деревня показалась. Хоть бы кто из жителей их увидел! Если никто не увидит, никто им и не поверит.

За банями, на огородах высадила их Ёма.

– Хорошо живите, богато, – сказала при расставании, – может, в долгой жизни ещё свидимся.

– Большое тебе спасибо, Йомала, – сказал Витя, – тысячу лет живи.

– Спасибо, Йомала, – эхом отозвался Коля.

И вдруг ребята заметили, что Ёма на глазах стала молодеть. Длинный нос её укоротился, а длинные зубы исчезли.

– Пусть и у вас жизнь счастливая будет, – ответила похорошевшая Ёма. Ребятам показалось, что у неё растаяло и подобрело сердце.

Может, потому что мальчишки сказали ей добрые слова?

Во дворе своего дома Коля первым делом подобрал брошенные под лестницу удочки, перевязал их и поднял на чердак.

До следующего лета.

Таинственная тропа

Повесть

– Галка! – закричал Эдик, выбежав в трусиках на крыльцо. Это был сухощавый, крепкий как репка, мальчишка лет двенадцати.

Он полной грудью вдохнул воздух и улыбнулся: вкусно пахло белым клевером. Да, воздух в деревне не то, что в городе!

– Я тебе не галка, а Галя, – из дверей летней кухни показалась белобрысая тонконогая девочка. – Галка по-коми знаешь как будет? Чавкан. И потом, я разве похожа на птицу? Ки-ки, – Галя замахала руками, как будто это были крылья. – К тому же галка чёрная. А я белая, не видишь? – Девочка расправила по плечам белобрысые волосы. – Давай умывайся быстро, – она кивнула на прибитый к стене дома умывальник, – и приходи завтракать. – Она опять пропала за дверь.

– Быстро, быстро, – передразнил Эдик. – Я что, в деревню работать приехал? Всё что-то надо делать. Быстро вставай, быстро ешь, быстро одевайся, быстро иди. Быстро, быстро, а вот и не быстро. – Эдик боднул головой воздух и сел на ступеньку крыльца.

«Пусть сама торопится. Я не робот ей, – сердито думал Эдик.

Обрадовался, когда мама сказала: в августе поедешь в деревню. Отдохнёшь там, раз в лагерь не поехал. А ему очень не хотелось в этот оздоровительный лагерь, ведь там всё, как в армии – в одно время со всеми вместе вставай, ложись. Со всеми вместе в столовую топай. Какой это отдых? Вот в деревне, сказала мама, воля вольная! А приехал к этой Галке, и что?! И тут никакого отдыха! Эдик опять передразнил Галку, захлопав руками, как крыльями, и словно закудахтал:

– Быстро-быстро-быстро-быстро!

– Эдик, ну чего расселся? Быстрее умывайся! – снова послышался Галин голос.

Мальчик вздохнул – не будешь ведь ссориться со своей старшей двоюродной сестрицей, и спустился по ступенькам вниз.

Поглядев за соседскую изгородь, он увидел странную фигуру – мальчишку почти на голову выше его, Эдика, очень худого. Лицо у него было какое-то длинное, желтоватого цвета. И одет мальчишка смешно – в длинные залатанные штаны, сильно выгоревшую рубашку в черно-красную клетку. Эта рубашка болталась на нём поверх брюк, как на пугале.

– Ха-ха-ха! – засмеялся Эдик, показывая на мальчишку пальцем. – Пугало!

Когда из дверей кухни показалась Галя, Эдик валялся на траве, росшей около крыльца, и хохотал.

– Эдик! – строго окликнула Галя.

– Ха-ха-ха! Пугало!– Эдик снова глянул в сторону соседского огорода, но там уже никого не было.

– Долго будешь дурачиться?– сердито спросила Галя.– Всё ещё не умылся?

Мальчик поднялся с земли, отряхнул колени от прилипших травинок. Умылся, утёрся полотенцем, висящем на гвозде, и вошёл в дом. На столе в тарелках были разложены горячая яичница и жареная рыба.

– Чего тебя так рассмешило?

– Пугало на соседнем огороде!

– Какое пугало?

– Мальчишка – длинный, чёрный, как пареная репа, такой худой, запнётся за щепку – упадёт,– Эдик снова засмеялся.

– А-а, значит, вернулся,– сказала Галя.

– Кто вернулся?

– Это сын наших соседей, Санька. Его неделю не было дома, мать всю деревню обегала, искала... Ищет и ревёт... А чего ревёт? Лучше бы пить бросила. Как муж с женой напьются, так Санька и убегает. И никто не знает, куда. Ты тоже... нашёл, над кем смеяться. Он и так всех людей стронится... Голова у тебя большая, а ума мало.

– Ну что ж, если он на пугало похож. Смешно.

– И ты был бы такой, если бы твои родители пили.

– И я бы ушёл от таких. Один бы жил.

– Молчи уж. Куда бы ты ушёл?

После завтрака Галя быстро и привычно убрала посуду, вынесла на крылечко, где отдыхал Эдик, корзинку и бидон.

– Сбегаем в лес за черникой. Принесём на ужин с молоком поесть. Тебе бидон набрать.

– Этот?– Эдик взял бидон, поднял на уровень глаз, повертел из стороны в сторону.– Да этот я одним махом наполню, дыма не будет.

– Дыма не будет? Ха-ха-ха! Дым во время сбора черники!– засмеялась Галя.– Рассмешил!

– А давай спорим, кто быстрее наберёт? Скорее ты без ягод вернёшься, чем я!

– Не хвастай, с не пойманного медведя шкуру не снимай!– перебила сестра.

Этот смуглый мальчуган с русыми волосами приехал вчера. В городе мама посадила его на автобус и отправила в деревню к родственникам. Эдик приехал и давай хвастать: я уже взрослый, один путешествую. Да какой он взрослый! Младше Гали на целый год. Но вот подчиняться ей не желает, это уже заметно.

Бидон привязан к ремешку на поясе, руки Эдика свободны. В одну он схватил длинную ивовую ветку и давай направо и налево рубить крапиву, что тянется вдоль дороги. Ещё и подпрыгивает при этом.

«Маленький петушок»,– думает Галя, степенно шагая в сторону леса и наблюдая за братом.

Был солнечный летний день. На улице от жары томно, пахнет спелым летом. Дурманит запах смородины, малины, скошенной травы, что повсюду сушится на лугах – ещё не закончен сенокос. Вдыхай полной грудью, сколько хочешь.

Выйдя из деревни, брат и сестра шагали вдоль межей картофельного поля. Не доходя до леса, перешли небольшой луг, поросший зверобоем с жёлтыми цветами. Запахло хвоей, тропинка пошла вниз, к лесу. Обдало прохладой. За плотно поросшим ивняком степенно протекал широкий ручей. Через него перекинута толстая доска, кто-то не поленился и притащил её из деревни.

У ручья Галя свернула к разлапистой ели, из-под раскидистых веток достала свернутый из бересты черпачок, зачерпнула им воды из ручья, попив, и передала черпак Эдику. Мальчик повертел в руках аккуратный, уже старенький черпачок, стараясь понять, как надо сворачивать бересту, чтобы получился такой же. Затем зачерпнул воды, отпил. От холода заломило зубы. Девочка убрала черпачок на старое место.

– Когда без меня будешь приходить сюда, так же на место клади, – как взрослая, учила Галя.

– А кто черпак смастерил? – спросил Эдик.

– Добрый человек. Этот черпачок вековечный. А как развалится, кто-нибудь другой сделает, и также для всех тут оставит.

– Об этом я знаю, читал, что коми народ с давних пор традиции бережёт. На каждом ручье есть такие черпачки из бересты, знаешь?

– Ты только из книг всё и знаешь, – проворчала Галя. – А я это вижу. Так и есть.

– Вот и приехал своими глазами посмотреть. А ты будь моим экскурсоводом. Как называется этот ручей?

– Холодный ручей, кэдзыд ва.

- А почему так называется – холодный?
- Да потому что вода холодная, разве непонятно? Назвали так, вот и всё!
- Эх ты! Назвали и всё! – передразнил её Эдик. – А ты к истоку ручья когда-нибудь поднималась?
- Нет.
- Вот и плохо! Значит, ты ничего знать не хочешь. А я хочу!
- Всезнайкой хочешь быть? – рассмеялась Галя. – Много будешь знать, скоро состаришься.
- А хочешь, скажу, почему ручей так назвали? Я уже знаю. Догадался.
- Ну-ну, скажи.
- Могут быть две причины. Может быть, ручей течёт из холодных болот, течёт по лесу, в тени, и вода не успевает нагреться. А может, и другое: ручей начинается с холодных ключей. Чтобы точно узнать, надо сходить к истоку. Давай сходим? Будем знать точно!
- Давай, – сразу согласилась Галя.
- После ручья началась широкая дорога, кое-где поросшая ягелем.
- Когда-то лес по ней вывозили, – сказала Галя.
- А дорога как называется?
- Ош гудор туй. Дорога вдоль медвежьих берлог.
- Понятно! А о чём это говорит? – Эдик, как учитель в классе, поднял руку и вытянул указательный палец. – Это значит, что вдоль этой дороги располагалась медвежья яма.
- Это и так ясно, – фыркнула Галя, собираясь обидеться.

– Значит, так и надо рассказывать, объяснять всё, ведь ты экскурсовод.

– Ну ладно, слушай дальше. Идём по дороге Ош гудор туй. Вокруг молодой сосновый лес. Старых деревьев нет. Значит, о чём это говорит?– начала Галя, подражая Эдику.– А это значит, что недавно лес здесь весь вырубili. Вырос молодой сосняк. Направо бор-беломошник. Ещё его называют Чудь гу яг. Или бор с чудской ямой.

– Чудь гу яг? Чудской бор? Ямы чуди? Погоди-погоди... беломошник – это понятно, а чудские ямы... про чудь я читал. Раньше жили такие племена, их чудь называли, чудь белоглазая. Но если верить старым картам, они жили чуть западнее, где сейчас Архангельская область. А получается, что они и тут тоже проживали? Интересно! А что, если мы с тобой сделаем научное открытие? Расскажем, что чудь белоглазая жила тут, на коми земле, так давно, когда коми ещё здесь не жили.

– Ха, научное открытие! Будто об этом никто не знает! Не смей! Все знают!

– Ты ничего не понимаешь. Одно дело, когда местные знают, и совсем другое, когда сообщение об этом будет в научном журнале. А напишем об этом мы. Конечно, когда всё изучим. Кто в вашей деревне самый старый? Быстро говори!

– Я не знаю... может... не знаю...

– А что ты вообще знаешь? В такой маленькой деревне надо всё про всех знать. Можно составить картотеку, записать, кто, когда родился...

– Да, буду я всех записывать, делать мне больше нечего, – с досадой проворчала Галя, – кончай уж болтать, больно знаешь много. А самый старый в нашей деревне дед Фёдор.

– Понятно. Вот у него и разузнаем про холодный ручей. А сегодня исследуем бор с чудскими ямами, это ближе, чем исток ручья. Жаль, миллиметровку не взял, карту начертить, где холмики, где ямы... потом про это у деда спросим. Может, что-то расскажет... А потом раскопки будем делать. Как археологи! Обследуем все холмики, все ямки. Может, тут есть схроны чуди? Может, старое кладбище найдём? Орудия труда, осколки битой посуды, женские украшения. О нас напишут газеты...

– Да счас! – Галя усмехнулась. – Во вчерашней газете уже была информация, что в деревню приехал Эдик Макаров в поисках чуди. Не читал?

Но брат не заметил насмешки сестры и продолжал строить планы.

– Завтра начертим карту... Слушай, Галка, а если я сейчас домой сбегаю, возьму всё что нужно, и тут же – обратно... недалеко ведь ушли от деревни.

– Ага, – укоризненно покачала головой Галя, – сейчас он обратно пойдёт. Возьмёт карандаш, будет рисовать карту. А кто будет чернику собирать? А? Мама твоя велела посушить чернику на зиму, а тебе даже лень собрать её просто для еды. Нет уж, никуда не пойдёшь. Сейчас зайдём в лес, и будешь ягодки собирать, как миленький. А завтра можно снова прийти. Шагай давай за мной, археолог!

Галя свернула налево. Сейчас их окружали тонкие молодые сосны, под ногами хрустел белый мох. Во мху стайками росли крепкие боровые путники, вызываясь выставлялись красавцы-мухоморы. Прошлись по бору. Потом лес стал другим, чаще стали встречаться ели. Лес потемнел и повлажнел. Вот и кустики черники под ногами...

— Вот тут собирай,— позвала Галя Эдика.— Сюда вставай, и двумя руками... до единой ягодки оббери куст.

Кустик, на который указала сестренка, и правда был хорош. Весь синий от ягод. Черника росла тут вокруг небольшой кочки. Видимо, вкусная ягода облюбовала обросший мхом пенёк.

— А ты куда?

— А я чуть в сторонке буду. Отдохну от твоей болтовни. Уши от неё посинели. А ты умеешь собирать-то?— уже на ходу спросила она брата.

— А чего тут уметь? Срывай, да кидай в посуду.

— Эх ты, всезнайка! Если будешь срывать, руки быстро запачкаешь. И ягода от них будет влажной. Ты лучше так делай: снизу подставь ладонь, и куст чуть-чуть шевели, ягоды к тебе сами будут падать.

Эдик взял в руку несколько крупных ягодок, поднёс ближе к глазам, чтобы рассмотреть. Какие красивые! А вкусные! М-мм! И в самом деле, легко собирать так, как Галя показала. Под куст руку просунешь, пошевелишь пальцами, и вся ягода твоя! Легко осыпается, значит совсем спелая! Но как же медленно наполняется бидон! Сколько уж горстей побросал Эдик, а дно ещё не закрылось. «И чего Галка надумала чернику собирать!— через полчаса злился

Эдик. – Какая же, однако, нудная работа. И трудная: сгибайся в три погибели. Вот бы так было: пришёл в лес, поставил корзинку под сосновые ветки, сам бы бегал-играл, а уходя брал домой наполненное доверху ведёрко. А то собирай тут по ягодке.» Ладно, сегодня уж как-нибудь, а завтра Эдик ни за что не возьмёт никакого бидона! Лучше карту бора с чудскими ямами чертить. Вот эта работа по сердцу мальчику!

До устали собирал Эдик чернику. За красивую и вкусную ягоду тысячу раз пришлось до земли поклониться. И в наклонку собирал, и на корточки присаживался, и на коленки вставал, даже лежа попробовал, все джинсы испачкал! Да ещё и багульник, растущий вперемешку с черникой, дурманил. Такой у него приторный запах, Эдик едва вынес! Даже голова разболелась. Еле-еле он смог наполнить бидон. А когда встретился с Галей, его удивлению не было предела: полная корзина! Полная! А ведь корзинка раза в три больше бидона!

Вечером брат с сестрой задирали носы: взрослые их хвалили. А кому ж не нравится, когда хвалят? И оба с удовольствием ели чернику с молоком!

После ужина ребята вышли на крыльцо посидеть в тишине. Вечер был теплый, даже шевелиться не хотелось. Да и дневные заботы сказались. Не до болтовни, тем более не до игр. Но вскоре тишину нарушил громкий разговор соседей, доносившийся из раскрытого окна их бревенчатого дома. А потом ребята услышали песню. Пела тетя Лариса.

– Опять веселятся, – грустно произнесла Галя.

– И что, часто так?

– Дня два тихо было... Совести у них нет. Санька заброшенный, всё лето дома не живёт, только за хлебом приходит. А они гуляют.

– А где же Санька живёт?

– Никто не знает. Грибники его видели на той тропке, по которой мы с тобой сегодня шли. Может, в дальние охотничьи избушки ходит, а может, сам себе какой-нибудь шалаш соорудил.

– И спит там? Не боится, – удивился Эдик.

– Не боится.

– Смелый. Я бы с ним с удовольствием познакомился.

– Он не любит ни с кем разговаривать. Люди его жалуют, а ему это не нравится.

– А что его жалеть? Раз он не дома живёт, значит, не видит, как родители пьянствуют. Он свободный, как ветер.

– Одному жить разве лучше?

– Он свободный, понимаешь? Это протест. Санька показывает, что можно жить по-другому, вольно. Чтобы не жалели его, не считали бедняжкой.

У соседей послышался звук хлопнувшей двери, кто-то тенью метнулся к калитке, и тихая деревенская улица наполнилась криками тети Ларисы:

– Санька! Санька! Не посмеешь уйти! Если уйдёшь, так и знай, я милицию вызову! Найдут тебя и в тюрьму посадят! А-а! – тетя Лариса расплакалась. – Санька, – уже жалобно окликнула она сына, – не уходи, пожалей свою маму. У меня из-за тебя сердце разрывается.

– Разрывается, как же, – пробормотала Галя. – Лучше бы пить перестала. Заходи домой, – позвала она Эдика.

На другой день Галя опять собралась за черникой. Вышла с корзиной. У Эдика другая поклажа. Большой лист бумаги – старый плакат, свернутый в трубку, миллиметровка. Карандаш и шариковая ручка. Колышки с заострёнными концами, тонкая длинная верёвка... Вывалил из своего разноцветного рюкзака вещи, привезённые из города, сложил туда всё необходимое и закинул широкие лямки рюкзака на плечи.

– Я готов.

Отправились. Когда дошли до Чудского бора, мальчишка скинул рюкзак, вытащил оттуда бумагу, ручку с карандашом, колышки. Пустой рюкзак повесил на сук дерева.

Затем очистил от хвороста сухое ровное место, растянул плакат обратной стороной, утолки прижал ветками, а под низ положил дощечку, её он тоже захватил из дома. С помощью верёвки и колышков Эдик стал мерить бор. Померяет участок земли и что-то запишет в блокноте. Сестра внимательно наблюдала. Девочке казалась странной эта возня, но она молчала. Пусть, если хочет, рисует свою карту, а ей вот это дело кажется пустой тратой времени. Гораздо лучше пойти на ягодное место и начать собирать чернику. По крайней мере, полезнее.

– Эдик, я ухожу.

– Давай, – брат даже не оглянулся.

Галя прошла бор, зашла в ельник, нашла ягодное место и начала собирать. Руки привычно быстро собирали ягодки, а мысли крутились вокруг брата с его чудачествами. Галя понимала, что хотя Эдик младше её на целый год, он знает гораздо больше её, потому что много читал. Ну и

ладно, что порой он кажется ей смешным и маленьким. Это ничего не значит! Какую-то карту чертит... и не лень ему... Кому эта карта нужна? Даже если на карте отмечать каждую точку, что из этого изменится?.. Ну, предположим, в поход сходить можно, там точно что-нибудь интересенькое будет. А вот карта абсолютно никому не нужна. Да ладно, пусть с ума сходит. Лично она, Галя, время на такую ерунду тратить ни за что не станет.

Эдик широкими шагами, а точнее, прыжками, измерял ширину бора. Хорошо, что он был не очень большим. В начале и в конце леса измерил его ширину. Все размеры отмечал на бумаге. Всё зарисовал: тропинку вдоль медвежьих ям, Чудской бор, ручей наметил только пунктирно, ведь истока он ещё не видел, надо там побывать, всё проверить, а уж потом нанести на карту. Позже он отметит все его извилины. Отметил Эдик и черничники. Нарисовал все ямы и возвышенности Чудского бора. Осталось неизученным только одно место – бор там вдавался внутрь ельника углом. Туда и направился Эдик. Сосны были здесь такие же прямые, как в середине бора, только росли гуще. Ягель везде перекрещивал плаун булавовидный – зелёное растение, которое в народе называют заячьим поясом, оно растягивается на много метров, ни начала, ни конца не найдёшь. Мальчик смотрел вверх на шапки высоченных сосен, посвистывал от удовольствия. Какая красота!

И вдруг одна нога мальчика попала в какую-то глубокую колдобину. Эдик дёрнулся, чтобы освободить ногу, но провалилась и другая...

– А-а, – вскрикнул он с ужасом и почувствовал, что кто-то ухватился за его ноги и изо всех сил тянет вниз!

– А-а! – снова завопил он. Его стянули в какую-то яму, заломили руки и связали тонкой верёвкой, которая до боли врезалась в кожу. В рот засунули тряпку.

Самое плохое то, что Эдик ничего не видел. Абсолютно ничего!

После яркого солнца в яме была полная темнота. Только в том месте, где он провалился, виднелся свет, и можно было осмотреться, куда он попал. Вот пусть только глаза попривыкнут. Но тут же и глаза завязали тряпкой!..

Эдик никак не мог понять, что же случилось. Сначала он подумал, что попал в медвежью берлогу. Даже испугался не очень, знал, что в августе медведи в берлогах не сидят. Но когда его схватили за ноги и потащили вниз... вот тогда у мальчишки от страха чуть сердце не разорвалось. Подумалось, что внутрь земли его черти рогатые тащат. Тогда он и завопил. Но когда его начали связывать, да ещё и кляп в рот затолкали, он понял, что это никакие не черти, а люди. Но кто? И сколько их тут? И что с ним собираются делать?

Мальчика передвинули. Сейчас он лежал на животе на вкусно пахнущем сене. Сюда же примешивался запах пихты, видимо, под сено подстелили пихтовые лапы. Но все эти запахи перекрывал запах сосновой смолы. Эдик дернулся, чтобы освободить руки, у него ничего не вышло. Он затаих. Решил выждать. Сухие травинки щекотали лицо, но отодвинуться от них Эдик не мог.

Он прислушался. Понятно, что он попал в землянку. Наверное, тут только один человек, ведь если бы их было несколько или двое, они бы переговаривались. Бить его, видно, не собираются, хоть это хорошо. Но вот вопрос: долго ли продержат. И зачем? Видно, это какой-то беглый человек, раз скрывается от людей. Живёт недалеко от села. Может, потребует, чтобы Эдик принёс ему еды. Придётся кормить беглого. Может быть, он даже преступник, убежал из лагеря, где заключённые... Ужас какой...

Мальчик изо всех сил пытался выплюнуть изо рта тряпку, но тщетно. Устал лежать на животе, перевернулся на правый бок. Устал лежать и так. Дышать только носом было трудно. Несколько раз начинал метаться, но было больно плотно связанным запястьям. Сколько его тут держат? Наверное, часа три уже прошло. Может, и больше. Вдалеке слышались крики. Эдик, приподняв голову, прислушался. Скорее всего, это Галя его ищет. Хоть бы сюда не пришла, ведь этот беглый и её может запросто втащить в землянку. А ей, девчонке, тут еще хуже будет. Пусть уж, что хотят с ним делают. Вот опять стали слышны крики. Затем все звуки прекратились. Стало тихо-тихо.

Запахло ржаным хлебом. Эдик потянул носом воздух. Ага, его захватчик, наверное, обедает. Эдику тоже страшно захотелось есть. Так хотелось, что слюнки потекли.

– М-м-м, – застонал он. Беглый (про себя Эдик стал называть его именно так), видимо, понял, вытащил тряпку изо рта Эдика и сунул кусок хлеба. Эдик с аппетитом прожевал. Беглый вложил второй кусок, третий... надо же, какой заботливый!

– Пить, – попросил Эдик.

Послышался звук льющейся воды, ко рту поднесли берестяной черпак. Мальчик жадно приложился к нему губами.

– Развяжи руки, – попросил Эдик.

Молчание.

– Глухой? Развяжи, а то сейчас закричу!

Беглый снова поднес тряпицу к губам. Эдик испугался, завертел головой и спешно пообещал:

– Нет-нет, не буду кричать! Отпусти меня! Меня потеряют, искать будут!

Эдик услышал, как беглый встал и вышел из землянки. По крайней мере, его дыхания не стало слышно. Затем вернулся, потянул Эдика за рубаху. Эдик понял: надо встать. Он поднялся и, подгоняемый толчками сзади, стал подниматься по лестнице. Поднялся наверх, вышел на воздух. После прохладной землянки тут было особенно тепло и хорошо. Перед закатом солнце уже не палило, а ласково грело.

– Глаза развяжи, ведь упаду, – попросил Эдик, но человек не послушался, подталкивая, вёл Эдика вперёд.

«Прямо как в кино, – мелькнуло в голове Эдика, – вот его поймали враги и сейчас ведут на расстрел».

И так жаль стало Эдику самого себя, что глаза наполнились слезами, но утереть их не было возможности. Тропинка повела вниз, это Эдик почувствовал. Воздух стал влажным, значит, близко был ручей. «К деревне ведёт», – отметил мальчик.

Беглый резким движением рванул верёвку, освободив руки пленного, и так же резко толкнул его вниз. Мальчик

даже вскрикнул от неожиданности, когда ноги сквозь кеды обожгла ледяная вода. Он подвигал затёкшими руками и только после этого рванул повязку с глаз. Повернулся назад – никого уже, конечно, не было.

Темнело. Лес показался Эдику мрачным. Он узнал место: рядом был мостик – доска через ручей, но он уже не стал на него забираться, а перешёл ручей вброд. Постоял ещё минуту, осматриваясь, а затем как бросится наутёк, только пятки засверкали и вода булькала в кедах.

Около самой деревни, шумно дыша, встретился с Галей и её отцом, дядей Толей. Они направлялись в лес на его поиски.

– Эдька, бессовестный, куда пропал? Испугал всех!– Галя затрясла Эдика, схватив его за плечи.

Брат растерянно молчал.

– Так больше не делай, Эдуард.– Дядя Толя назвал его полным именем, и это значило, что на него сердятся.– Вместе в лес отправились, вместе и возвращаться следует. Галя уже опухла от слёз.

– Я больше не буду,– еле слышно сказал Эдик и виновато опустил голову, как будто и вправду был виноват. Будто по своей воле до вечера пробыл в лесу.

Рассказал бы про беглого, но ведь не поверят, скажут, придумал всё.

Вечером после ужина они втроем сидели на крыльце. Дядя выкурил сигарету и зашёл в дом смотреть телевизор. Только тогда рассказал Эдик сестре о своих приключениях.

– Придумываешь!– не поверила Галя.

– Нет. Всё так и было. Давай завтра найдём эту землянку, узнаем, кто там живёт.

– Спятил? А как снова поймает?

– Испугалась?.. А что же тогда не веришь?

– Не знаю. Конечно, надо что-то делать. Может, отцу скажем, пусть сообщит, куда надо.

– Не торопись. Завтра сходим и сами выясним. А потом будет видно. Только ты молчи! Никому ни слова!

На следующий день в лес пошли поздно, когда все сборщики ягод уже вернулись в деревню. Эдик размышлял, что беглый мог выйти из своей землянки либо рано утром, либо вечером. Рано вставать неохота, а вот вечером – в самый раз.

Эдик останавливался через каждые несколько шагов. Прислушивался. Галя боялась каждого дерева. И все время озиралась по сторонам.

Вот и то место, где Эдик «ушёл под землю». Мальчик приложил палец к губам, чтобы Галка не разболталась, потом махнул рукой: ложись! Галя упала на белый ягель, рыжий ствол сосны прикрывал её. Эдик спрятался за соседним деревом. Оба лежали и, приподняв головы, смотрели туда, где, по рассказу Эдика, должна была находиться землянка. Никого нигде не было видно, и следов землянки никаких. Тихо. Галя расслабилась, легла на спину и закинула руки за голову. Одного Эдьки хватит, чтобы сторожить. Вот так пролежали, может, около часу. Под конец Галя даже вздремнула немножко. Проснулась от шёпота Эдика:

– Смотри!

Галя подняла голову и посмотрела вперед.

Шагах в тридцати от неё темнела какая-то фигура. Кто-то наклонился, ищет что-то в земле. Галя не очень хорошо его видела, потому что между ней и фигурой был разросшийся куст можжевельника. Затем незнакомец выпрямился и оглянулся в сторону ребят.

– О-о, это же Санька!– удивленно воскликнула Галя. Тот, услышав её голос, бросился бежать.

– Вот и доверяй после этого девчонкам!– в сердцах крикнул Эдик и бросился в погоню.

Санька бежал по лесу напролом. Но Эдик не терял его из виду. В бору между соснами далеко видно. Убегающий прихрамывал, наверное, только поэтому Эдик и смог его настичь. Догнал в низине, близко от ручья Холодный, намного выше того места, где обычно переходили ручей люди. Эдик сильно толкнул Саньку в спину, отчего тот споткнулся о корягу и растянулся на влажном тёмно-зелёном мху. Эдик с разбегу прыгнул на его спину и прижал к земле.

– Ты, леший! Ты зачем вчера меня в яме держал? А?– Эдик стукнул Саньку по затылку.

– Иди отсюда!– Санька изловчился и сбросил с себя Эдика. Сел рядом и стал тереть ногу. Ту, на которую прихрамывал.

– Ты что, дикий?– крикнул Эдик.

– Сам ты дикий!– ответил Санька, тяжело дыша после быстрого бега.

– Ты что, в яме живёшь? Почему?– немного помолчав, спросил Эдик.

– А тебе что за дело?

– Так ведь в медведя превратишься!

– Сам не превратись!

– Ладно. Покажи землянку.

– Ишь, чего захотел! Нечего там смотреть!.. Ничего интересного!

– Боишься? Вчера целый день меня томил, давай теперь показывай. А то сам найду. Я знаю, она здесь, рядом!

Санька встал, отряхнул рубаху и штаны – на коленях и локтях они промокли от влажного мха.

– Ну ладно, пошли.

Галю мальчишки увидели около самого входа в землянку. Она, как говорится, «рыла носом», искала вход, ощупывая землю руками.

– Что-то потеряла?– заботливо спросил Эдик.

– Он откуда-то отсюда выполз,– смущённо сказала девочка.

Санька ухмыльнулся. Хорошо он сумел замаскировать вход в своё логово!

Но Эдик быстро нашёл вход – присмотревшись, приметил бугорок. Это ветки накинаны. А сверху прикрыты ягелем.

– Ну и ну!– покрутил головой Эдик.– Вот это да! Здорово ты спрятался! Если бы я вчера случайно сюда не провалился, ни за что бы не нашёл,– похвалил он Саньку.

Санькино лицо зарделось от похвалы. Он отодвинул ягель, ветки, и первым спустился в землянку. За ним шёл Эдик, а уж затем и Галя. Когда глаза привыкли к полутьме,

осмотрелись. Жилище у Саньки было просторное, на нарах можно было вполне улечься вчетвером. По углам вбиты колья, к ним прибиты тонкие сосновые жерди. Накат-крыша тоже из жердей, но потолще. Вот почему вчера так пахло сосновой смолой, вспомнил Эдик. В одном углу, на нарах, пихтовые ветки, сено, фуфайка, старое пальто. Там Санька спит. В другом углу из досок грубо сколоченный стол. На нём старый эмалированный чайник. Кружка, черпачок из бересты, какой-то свёрток, наверное, с едой.

– Вода у тебя есть?– спросил Эдик.– Пить хочется.

– В чайнике. Пей.

Эдик выпил воды и с завистью осмотрел землянку.

– Здорово тут. Долго копал?

– Недели две.

– А куда землю девал? Не видно поблизости.

– В низину относил. Там ни грибы, ни ягоды не растут, никто не увидит. А если и увидит, просто удивится, откуда? Весной копал, когда людей в лесу не бывает.

– Санька, ну ты даёшь! Так построить, так спрятать... чтоб никто не увидел,– продолжал восхищаться Эдик.

Галя не разделяла его восторга.

– А я тебя не понимаю, Санька,– сказала она.– Ты что же, целыми днями здесь сидишь? И в солнечные дни тоже – под землёй?

– Да нет, не целыми днями,– слабо защищался Санька.

– Да так с ума можно сойти. В медведя превратиться.

– Позавчера по темноте в деревню возвращался, неловко как-то ступил, и ногу подвернул. Поэтому второй день тут сижу, чтобы скорее поправиться. Да вот вы не даёте.

После сегодняшней пробежки нога, наверное, ещё больше заболит.

– Если подвернул, надо крепко перевязать... давай я... – предложил Эдик.

– Нет, я потом сам, – застеснялся Санька.

– Ну а вообще в лесу чем занимаешься? – спросил Эдик.

– Хожу.

– И всё?

– И всё. На дальних избушках побывал. Живу там целыми неделями. Хорошо там. И вообще... путешествую...

– Да... Даёшь! – В голосе Эдика слышалось восхищение.

Он оглядел стены землянки, погладил шершавые стены, стол – крепок ли, не шатается. Шагнул к лестнице.

– Слушай, давай мы штаб устроим. На всё лето! Ты будешь начальником штаба. Я – командир. А Галка – рядовая.

– Ах, ты, значит, командир, он – начальник, я – рядовая, – обиделась Галка. – Да, конечно! Чтобы вы надо мной командовали?

– Ну, тогда ты будешь лейтенантом. Ну что, Сань, будем играть?

– Нет. Люди увидят. Все узнают про мою землянку.

– А давай вечерами играть, когда в лесу точно уж никого не будет.

– Ну, давай попробуем, – после некоторого раздумья согласился Санька.

– А сейчас давайте выйдем и найдём мою карту и рюкзак. Лейтенант Самарина, – скомандовал Эдик, – ты пойдёшь направо.

– Сам ищи. Где оставил, там и есть, – буркнула Галя.

– Приказы командира не обсуждают. Шагом марш!

Галя фыркнула, но всё же послушалась. Вышла из землянки и отправилась направо. Эдик – за ней, а Санька остался, и крепко-накрепко перевязал ногу лоскутом ткани.

– Нашла! Сюда идите! – закричала Галя.

Весь вечер ползали Саня с Эдиком по бору с миллиметровой. Наконец-то карта была готова. На ней все холмики и ямы. На закате солнца брат с сестрой отправились домой, а Санька остался ночевать в лесу.

– Завтра после обеда снова придём, – пообещал Эдик.

– Санька, у тебя что-нибудь покушать-то есть? – спросила Галя.

– Есть.

– Завтра ещё принесём что-нибудь, – добавил Эдик.

Санька улыбнулся. Нога у него по-прежнему болела, но на душе было радостно. Ему, конечно, нравится жить в лесу. Даже одному. Но, оказывается, с товарищами гораздо интересней.

А может, его настроение подняло и то, что Эдик так восхищался его жилищем.

Вечером в соседнем доме опять было нетрезвое веселье. И тетя Лариса пела хриплым голосом. Слушать её Гале и Эдику было совсем невесело.

Три дня подряд ребята играли в штаб. Днями Санька лечил ногу, перевязывал её тряпочкой. А вечером о ней забывал, бегал как лось. Чего только не придумывал Эдик!

В первый день учились по карте находить определённое место. Гале казалось, что в этот день она изучила каждую ложбинку и даже каждую хвоинку. А уж о мальчишках и говорить нечего.

Потом научились с любого места в лесу безошибочно выходить прямо к землянке.

На второй день придумали флаг. Главным выдумщиком, конечно же, был снова Эдик. А швеей, конечно, Галя. Флаг трехцветный: бело-зелено-синий. Белый – это чистое светлое небо, зелёный – это лес-парма, синий – чистая река. Сшила Галя из старых лоскутов, но получилось красиво, всем троим понравилось.

Когда играли, прикрепляли флаг к сосне, стоящей к землянке ближе других. Заканчивали игру, и флаг прятали.

Однажды они уже повесили флаг. Брат с сестрой вошли в землянку попить воды – день был жаркий. Санька остался наверху. Все вместе посоветовались и решили сегодня раскопать один холм. Вдруг это чудская яма? Найти чудскую яму было Эдькиной мечтой. Но вдруг Эдик увидел, что на сосне... нет флага!..

– Где наш флаг? – Эдик сразу посуровел.

Ребята пожали плечами.

Обошли сосну со всех сторон, осмотрели другие сосны, стоящие рядом. Флага не было.

– Ой, вон какая то бумажка, – сказала Галя. И в самом деле: в коре сосны был сделан надрез, в котором белел уголок записки. Галя выхватила её, но Эдик отобрал:

– Ну-ка, посмотрим...

Развернул бумажку и прочитал:

– Тут написано: «Ищите флаг. От дерева на юг двадцать шагов. Возле молодой сосны».

– Санька, бери компас, карту, будем искать, – озадаченно сказал Эдик.

Начальник штаба зашёл в землянку, взял что нужно, вышел и так аккуратно закрыл вход в землянку ветками, как будто там никакого входа и не было. От сосны нашли по компасу направление строго на юг, прошагали двадцать шагов. И в самом деле: растёт молодая сосна. Но на ней никакого флага!

– Может, где-нибудь в мох спрятали? – Галя стала пристально смотреть под ноги. И правильно: она нашла вторую записку. В ней указывалось, что надо делать:

«Идти триста метров на юго-восток. Ищите возле корней сваленного дерева».

Триста метров! Легко сказать! «Метры» у каждого получались разные. У кого из них шаг самый правильный, «метровый»? У Эдика прыжки самые широкие, у Гали – самые короткие. Кое-как отмерили триста метров. Но флага не было. Не было и записки. Санька искал, но без азарта. А когда уж долго не могли найти, и брат с сестрой начали злиться, вытащил, чуть ли не из песчаной почвы, бумажный листок.

«Прямо на юг пятьсот шагов. Возле сломанной сосны», – прочитал он.

– И кто же это нас так водит? Может, сам Вёрса? – спросила Галя.

– Леший? – уточнил Эдик.

– Ну да, я и говорю: он... Или кто-то нас выследил, и теперь над нами смеётся, – размышляла девочка.

– Всё равно найдём! – рубанул Эдик рукой воздух.

– Ну, пошли! – тянул вперёд Санька и снова стал считать про себя шаги в нужном направлении.

Галя и Эдик последовали за ним, считая вслух.

– Оп! Двести восемьдесят! – сказал Санька, остановившись передохнуть.

– Нет. Двести восемьдесят девять, – сказал Эдик и ещё раз шагнул. – Двести девяносто!

– Двести девяносто четыре, – сказала Галя.

А между тем они все были на одном месте.

Чуть не поругались. Но сначала надо было найти сломанную сосну, а уж потом выяснять, кто из них больше прав.

Около поваленной сосны только Санька сказал:

– Пятьсот.

Под деревом снова записка: «На запад триста шагов!»

– Кто-то нас точно дурачит, – рассердилась Галя. – Ребята, ну его... Пошли домой, я новый флаг сошью.

– Ты, чавкан, перестань! – оборвал её Эдик. – Дело не в том, чтобы сшить новый флаг. Надо найти этот. Если полк потеряет знамя – позор такому полку. Так что хотите или нет, надо искать. А то позор нам всем.

– Ты, Эдька, давай не обзывайся!

– А ты не болтай, что попало!

– А я устала!

– Давайте отдохнём, что ли, – предложил Санька.

Галя легла на сухой белый мох.

Над ней небо синее-синее. Прямые сосны выстроились кругом и там, в небе, соединялись верхушками, словно в хороводе. И голова девочки кружится от их танца. И такая вокруг тишина, что кажется, звенит в ушах.

– Эй, что ты там делаешь?– прервал тишину Эдик.

– Смотрю,– голос Саньки.

– Чего смотришь?

– Муравьёв.

– Что, никогда не видел?

– Да смешные они..

– Чего смешного? Бегают по своим делам. Ничего в них нет удивительного.

– А ты приглядиись. Вон муравей тащит веточку, а она больше его самого. Не может. И так старается, и эдак. Как работающий человек, примеряется. А вот к нему подбежал помощник!

– Правда, в самом деле.

– Ты мне в городе поищи книгу о муравьях. Слышишь? И ещё о птицах. Они мне нравятся.

– Ага. Ладно. С кем-нибудь отправлю или почтой вышлю. Санька, ты вот наблюдаешь за муравьями, значит, лес изучаешь. А я знаю чего больше всего хочу?

– Чего?

– С инопланетянами встретиться.

– Ого! Да ведь сказки всё это. Как про Ёму – бабу-ягу.

– Ничего ты, Санька, не знаешь, кроме своего леса. На земле ещё столько неизведанного, а уж в космосе... я бы у них всё-всё расспросил.

Эдик замолчал, погружившись в свои мысли.

Отдохнув, ребята отсчитали триста шагов на юго-запад. И опять там лежала записка: «Восемьсот шагов на север. И там уже найдёте!»

Что ж, отшагали восемьсот шагов. И... вышли опять к своей землянке.

– Ну и дурил же нас кто-то, – удивлялся Эдик.

– Только и всего, что устали, – заныла Галя.

Санька молчал.

– Эх, такой хороший штаб был, и кто-то выследил, – расстраивался Эдик.

– Ну и где же флаг? – высматривала Галя. – Здорово нас кто-то провёл! Бегали-бегали, чуть язык не вывалился.

– Зайдёмте, перекусим, – предложил Санька

Зашли в землянку и остолбенели: на нарах лежал флаг!

– Ой! Кто-то и правда засёк наш штабик, – сказала Галя.

– Даже интересно... надо их найти... выследить... Санька, давай сегодня пойдём домой, завтра вернёмся сюда до рассвета и соорудим на соснах наблюдательный пункт. За целый день кто-нибудь обязательно пожалует.

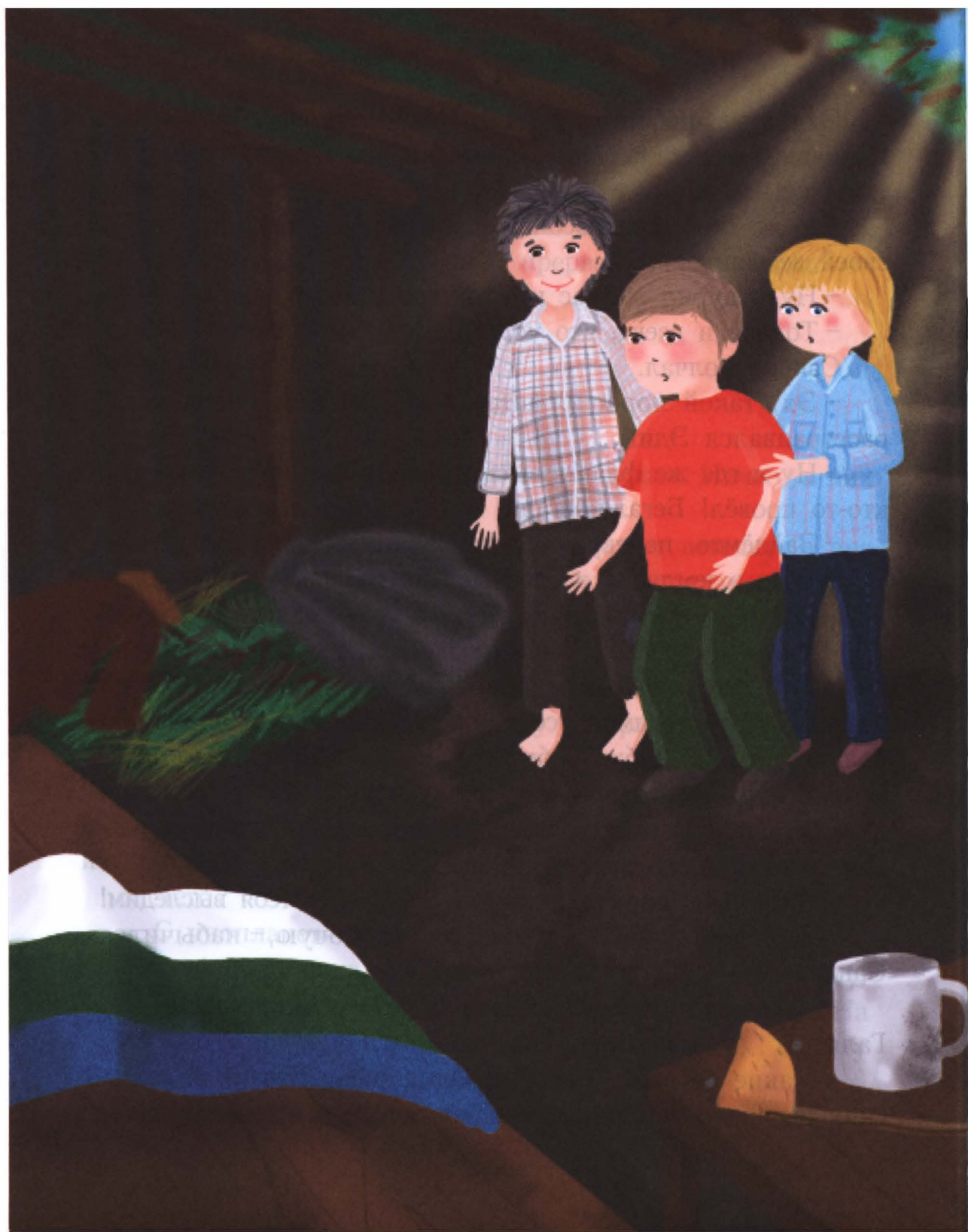
– Весёленькая жизнь! – усмехнулась Галя. – Сегодня по лесу бегали, как зайцы, завтра, как тетерева, будем на ветках сидеть. Очень надо!

– А ты и не приходи! – сказал Эдик. – Без тебя выследим!

– А я домой не пойду, здесь переночую, – набычился Санька.

– А если эти беглые сюда придут? – испугалась за него Галя.

– Какие беглые, – перебил Эдик. – Это кто-то из сельских пацанов. Поймаем их, и покажем, как флаги красть!

На следующий день Галя осталась дома. Нет, она бы тоже пошла в лес, да мама кое-какие поручения дала. Утром Эдик рано поднялся, сам собрал себе еду на день – хлеб, варёные яйца, половину рыбника и клюквенный морс. Связал верёвками, выпрошенные у дяди Толи, небольшие, но крепкие дощечки и сложил в большой рюкзак. С таким грузом он, запыхавшийся, мокрый, притащился к землянке.

Но его новый друг наотрез отказался отслеживать во-ришек.

– Не полезу я на дерево, – сказал он. – Хочешь делать пост – делай сам, а я в лес схожу, погуляю, нога уже почти не болит.

– Ах, ты так, да? – Эдик так рассердился, чуть Саньке подзатыльник не дал. – Не полезешь на дерево, сиди тут, может, мне твоя помощь понадобится.

Эдик нашел сосну с толстыми ветками. На две ветки, растущие на одном уровне, положил доску, принесенную из деревни. Сел туда, свесив ноги, привязал себя к стволу и проторчал там полдня. Ох и длинными показались ему эти полдня! Жара, в сон клонит... он даже, кажется, вздремнул на своем насесте. Но к землянке никто не подходил. Только боровая ласточка, тревожась за что-то, летала около. Наверно, недалеко было её гнездо с выводком.

Санька послушался, никуда не ушёл. Не посмел или не захотел. Может, он уже дорожил новой дружбой. Провалился под соснами с какой-то растрёпанной книжкой.

Когда Эдик на негнущихся ногах слез с дерева, Санька подошёл к нему с несмелой улыбкой.

– Чего лыбишься, ленивый кот?– недовольно проворчал Эдик,– мог бы, между прочим, и сменить меня. Твою землянку сторожим, не мою.

– Ну что, поймал кого-то?– спросил Санька и вдруг рассмеялся.

– Завтра поймаю,– пробурчал Эдик. И вдруг его осенило:– А ты почему не ищешь? Почему смеёшься?

– А я и так знаю, кто флаг спрятал.

– Знаешь?

– Конечно.

– Ну и кто же?

– Я.

– Ты-ы?– от удивления Эдик не нашёлся что сказать, а потом недоверчиво добавил:– Ври, да не завирайся.

– Не веришь?

– У меня, наверное, солнечный удар, ничего не пойму.– Эдик потёр лоб.

– Я спрятал.

– Но как же...Ты же вместе с нами весь день бегал...

– Ну и что?

– Ничего не понимаю, ну-ка, давай по порядку.

– Вчера рано проснулся. Вот и придумал, как спрятать флаг. Считал шаги, оставлял записки.

– А как флаг снова в землянке очутился?

– Утром вы зашли в землянку воды напиться, я тогда флаг под рубашку сунул. А когда возвращался за картой и компасом, положил его на нары.

Эдик, наверное, с минуту молчал, с удивлением вытаращившись на Саньку. А потом рассмеялся.

– Ну, Санька! Выдумщик! Да-а!– Эдик удивлённо крутил головой.– Ну, сегодня-то мог бы уже признаться? Я, как тетерев, на дереве сижу, а он всё знает! Ха-ха-ха!– Хохотал Эдик на весь лес.

Санька лишь усмехался.

– Да, ловко ты нас одурачил!– качал головой Эдик.

– Ты же сам сказал, что я – начальник штаба. Вот и поработал мозгами.

– А зачем заставил меня на дереве сидеть?

– Да хотя бы для того, чтобы твой характер проверить. Нытик ты или нет. Не нытик, молодец. Я бы, наверное, и часа на высоте не выдержал, а ты вон сколько! Полдня!

Санька хлопнул Эдика по плечу. Тот пошатнулся и хлопнул в ответ Саньку. Санька – его. И началось... Эдик. Санька. Эдик... Так и мутузили друг друга. А потом по мху покатались. Катались по земле и хохотали. Хорошо было!

Потом лежали и смотрели в далёкое синее небо...

Перед тем как уйти в деревню, Эдик снова предложил Саньке вернуться вместе. Друг отказался.

Вечером, уже довольно поздно, когда вся семья сидела на крыльце, к ним подошла тётя Лариса. Трезвая!

– Отдыхаете? А Саньку моего не видели?– Лицо её вдруг скривилось, и она запричитала:– Ойя да ойя! Из-за него сердце моё лопнет. Где он бродит, где-е?– у женщины на глазах выступили слёзы.– Убегает из дому, ничем не могу удержать. У вас вон какие хорошие дети, а мой, как волчонок...

Галя не захотела слушать её причитания. Зло сверкнув на соседку глазами, ушла в дом. Следом за ней зашёл Эдик. А матери ещё долго говорили, и было слышно, как тётя Лариса жаловалась на Саньку.

Следующие два дня Галя опять в лес не ходила. Полола грядки, как велела мама. Прореживала морковь. Вечером огород поливала. Помидоры, огурцы, свеклу, редьку, сельдерей. Земля уже соскучилась по воде. Пьёт и пьёт, не может напиться. Жара стоит почти месяц. Галя с любовью поливала каждое растение, каждому вдоволь дала напиться.

На второй день девочка стирала. Ведь мама день-деньской на лугах, некогда ей домашней работой заниматься. А дочка уже большая, многое может. И ловкая такая, всё в её руках спорится.

Дом Гали в конце села, на пригорке. Под пригорком – широкий луг. Трава там уже скошена, высушена и сложена в стога. Посередине луга протоптана узкая тропка к реке.

Нагрузив доверху таз бельём, Галя два раза ходила на реку полоскать. Речка около дома сразу глубокая, берег травянистый, полоскать очень удобно. А дальше, вниз по течению, песчаная коса, под ней каждый день ребятня в речке плещется. И Гале хотелось плескаться в прохладной воде, очень хотелось. Стоял август, последние денёчки северного лета, а ей вот приходится домашними делами заниматься.

А Эдик – нет, чтобы тоже на речку ходить, он в лесу пропадает. Чудские ямы раскапывает. Ищет следы старины – осколки посуды, древние кострища, обтёсанные древними

людьми камни. Но ничего не находилось. В бору был лишь красивый жёлтый песок. Иногда в жёлтом почвенном разрезе попадалась серая или белая полоса. И всё.

– Вон ещё один холмик, видишь?– сказал Эдик Саньке.– Давай его ещё раскопаем.

Но Санька устал. Помотал головой, показал руки с мозолями.

– Давай искупаться сбегает?– предложил он Эдику. Но тот отказался. Санька скрылся от солнца в землянке.

А Эдик рыл как одержимый. Про себя Санька даже обозвал его кротом.

Саньке сказали, что мать уже не пьёт. И вечером друзья вместе вернулись в деревню.

Вечером тётя Лариса с радостным лицом, шустрая и ловкая, бегала по двору. Затопила баню, в доме жарилась парила что-то вкусное. Накормила Саньку от пуза, только бы не убегал больше. Корила себя, что не может удержаться от спиртного и время от времени прикладывается к бутылке.

Назавтра ребята на весь день отправились наконец-то к речке. Галя даже обед взяла: хлеб, три варёных яйца, банку творога с сахаром. Из парника сорвала огурцы и помидоры – целая сумка продуктов набралась. Балуюсь, пересекли заросший зелёной отавой заливной луг, спустились вниз по течению до песчаной косы. Загорай, купайся, играй! Делай, что хочешь!

Санька проявил свои «лесные» способности. Собрал хворост, разжёл костёр. На палку с насечками установил котелок, вскипятит чай. С аппетитом пообедали. Обед на

свежем воздухе у костра, у реки – да это настоящий поход! Сегодня Санька совсем другой. Обычно он суровый, неразговорчивый, а сегодня болтает без умолку, улыбается, часто шутит. Глаза озорные, хитрые.

Ближе к вечеру, когда уже и купаться стало лень, и еда вся закончилась, Саньке захотелось поплавать на лодке.

– А где мы лодку возьмём?– спросил Эдик.

– Есть тут одна. Недалеко. И весло есть.

– Она чужая! Нельзя брать,– предупредила Галя.

– Да эта лодка уже давно там валяется, она бесхозная.

Нашли лодку, спустили на воду. Небольшая, валкая, не лодка, а старая развалина.

– Я боюсь садиться в это корыто,– сказала Галя.

– Не бойся! Я ещё на прошлой неделе на ней на другой берег переправлялся,– успокоил Санька.

Уселись все. Лодка почти по самые борта погрузилась в воду.

Грёб Санька.

– Давай на другой берег!– приказал Эдик.

– Нет, мальчишки, только вдоль берега, я боюсь,– уговаривала Галя.

– Ладно, давайте только до середины,– сказал Санька. И направил лодку в сторону от берега.

– Не надо!– закричала Галя.– Страшно!

Лодка словно испугалась её крика. Пошатнулась и хлебнула бортом воды.

– А-а!– запищала девчонка.

– Сидишь в лодке, с гребцом не спорь и не мешай ему,– сказал Санька.

– Трусливый заяц! Тебе, галке, что – улетишь и всё, – смеялся Эдик.

Он решил попугать сестрёнку. Накренил край лодки, и смотрит, как Галя будет себя вести.

– Эдик, не надо, пожалуйста! – просит сестра, чуть не плача.

– Ой, ребята, гляньте, вода прибывает. Лодка-то, оказывается, дырявая, – сказал Санька и стал спешно поворачивать посудину к берегу.

Тут лодка накренилась и набрала воды.

– Это из-за тебя! – закричал Эдик на Галю. – Говорил – не дёргайся, сиди прямо! – консервной банкой, которая валялась на дне, он стал вычерпывать воду.

Санька развернул лодку. Эдик привстал, чтобы черпать воду было удобней. И тут лодка накренилась особенно сильно, и Эдик плавно вывалился наружу. Галя хотела удержать брата, вцепилась в его футболку и тоже упала. Все оказались в воде.

Эдик легко поплыл к берегу. Он думал, что все плывут за ним. Но, оказывается, Галя не умела плавать. Она то скрывалась под водой, то снова показывалась на поверхности. Хорошо, что Санька увидел это. Он поймал лодку и как можно быстрее приблизил её к девочке:

– Держись!

Но Галя была так напугана, что не понимала, что надо делать... у неё началась настоящая паника! Санька подплыл к ней и поддержал за плечо.

– Спокойно давай! – он стал тянуть её за собой, к лодке. Почувствовав поддержку, Галя постаралась успокоиться и ухватилась за край лодки.

– Попробуй забраться, – сказал Санька.

– Нет, не могу!

– Тогда держись одной рукой за борт, а второй гребь. Вот так, – Санька показал, как надо грести. – И поплывём потихоньку. Не бойся, глубже воды не утонешь! Давай вместе!

Но Галка крепко держалась за лодку обеими руками.

Санька, ни слова больше не говоря, стал работать руками и ногами, направляя лодку к берегу. К Гале окончательно вернулся разум, она тоже стала грести.

Эдька стоял на берегу и кричал:

– Э-эй! Чего так долго?

Он запрыгал на одной ноге, выгоняя из уха воду.

Когда Санька с Галей выбрались из воды, Эдька, как ни в чём не бывало, лежал на песке и грыз семечки.

Галя опустилась возле него на песок. И вдруг разрыдалась.

– Ты что? Что с тобой? – забеспокоился брат.

– Ты не понимаешь? Не понимаешь, да? – редела Галя. – Да если бы не Санька, я бы утонула! А ты!.. А ты! – Галя не находила слов от обиды.

– Да я не понял ничего! – Эдька удивленно смотрел на сестру. – Я... я не знал, что ты плавать не умеешь!

Санька молча возился около лодки. Потом ухватился за цепь и потащил её на прежнее место.

– Хоть сейчас-то помоги! – закричала на Эдика Галя.

Эдька с виноватым лицом подбежал к Саньке, и, взявшись за цепь, тоже стал тащить.

Домой возвращались молча. Впервые между братом и сестрой пробежала чёрная кошка.

Эдик, конечно, понял, что виноват, хотя и оправдывал себя – откуда он мог знать, что так получится?

Вечером Эдик отправился к деду Фёдору, самому старому человеку в деревне. Несколько дней назад Галя обещала, что они пойдут вместе, но после ссоры она отказалась идти. Ну и ладно, успокаивал себя Эдик, ну и не надо. Подумаешь, обиделась.

Эдик расспросит деда Фёдора кое о чём. Ведь не ударят же его за это по губам. Он взял с собой карандаш, блокнот, вдруг что-то записать придётся.

Дом деда в середине деревни. Как раз напротив магазина. Такого дома больше ни у кого тут нет: высокое крытое крыльцо с открывающимися настежь окнами, на которых резные наличники. Вокруг дома чисто прибрано, ни одной брошенной щепочки не видно.

Мальчик зашёл в коридор, а дальше не знает, куда идти. Какая из нескольких дверей ведёт в летнюю половину? Со стороны улицы не определишь. По обеим сторонам на окнах белые занавески. Постучал в дверь с южной стороны, и точно, не прогадал.

– Кто там? Заходите! – послышался женский, чуть дребезжащий голос. Мальчик шагнул через порог.

За столом сидели старик и старушка, чаёвничали.

– Но, новый человек к нам пришёл, – сказала бабушка. – Проходи, проходи, гостем будешь. Чаю сейчас налью.

– Нет, спасибо, я уже поужинал, – отказался Эдик.

– У нас есть такая пословица: еда на еду хорошо ложится. Чай чаю не повредит, – засмеялась бабушка.

Эдик стеснительно прошёл к столу. Бабушка придвинула ему чашку с горячим чаем.

– Чей же ты будешь? Не признаю, – прищурившись, спросил дед Фёдор.

Он был очень живописен. Светло-голубые глаза под крутым лбом. Лицо смуглое, а волосы седые.

– Я из города приехал, – ответил Эдик.

– В гости? К кому?

– К дяде Толе, маминому брату.

– Мама, значит, здешняя.

– Раньше её фамилия была Самарина, Анна Никифоровна Самарина.

– А, так ты сын Митипер Анны?*

– Да.

Бабушка с дедушкой пристально, изучающе, смотрели на Эдика.

– А ты похож, похож на деда Митипера. Лицо такое же круглое. И взгляд острый, точно как у него.

– Пей, пей чай, внучок, – ласково обратилась бабушка. Лицо у неё от горячего чая разрумянилось. Седые, как у дяди Фёдора, волосы были собраны на затылке. На лице с мелкими чертами ласковая улыбка. – А звать-то тебя как?

– Эдик. Эдуард.

* У коми имя отца ставится впереди имени человека. Митипер (Никифор) Анна – Анна Никифоровна.

– Городское имя. У сельчан таких нет, – опять с ласковой улыбкой шепчет бабушка, придвигая мальчику тарелку с шаньгами.

– А знаешь свое полное имя? Оно такое: Оне Олек Иве Митипер Анна Эдик, – вмешался в разговор дед. – Если в деревне ты так представишься, все сразу поймут, из какого ты рода.

– У меня такое длинное имя? – удивился Эдик.

– Да. Митипер – дед твой. Оне – пра-пра-прадед. Далее твой род не знаю. Может, мама твоя или дядя Толя знают. Спроси, не забудь.

– Каждый человек семь колен своего рода должен знать. Не знаешь – значит, ты не знатного рода.

Эдик вытащил блокнот ручку и записал: Оне Олек Иве Митипер Анна Эдик. Долго смотрел на запись, удивляясь её длине.

– А тут всего шесть поколений, – подсчитал он.

– Там еще Тикэ есть! – воскликнула бабушка. – Тикэ Оне Олек Иве Митипер Анна Эдик!

– Вот как. Ты оказывается, знаешь. Молодец, – похвалил её дед Фёдор.

– Конечно, знаю, – улыбнулась бабушка уголками рта. – Мы даже из одного рода с Эдуардом. Я – Тикэ Оне Петыр Гриш Иве Мария.

– Вот ты только шесть колен знаешь, ты младше меня чином, – дразнит дедушка.

– Давай не зазнавайся, – строжится бабушка. – Узнай лучше, может, мальчугану что-нибудь нужно, а он стесняется спросить.

– Если с просьбой пришёл, сам скажет, как чай попьёт, – сказал дед.

Эдик ел уже третью шаньгу и с удовольствием пил чай.

– Дедушка Фёдор, я пришёл спросить тебя, почему бор около деревни называется Чудским. Откуда это название?

– Вон оно что! Молодец, что знать хочешь, – похвалил дед. – Будешь умным. Умный человек знает всё из глубин, со дна земли, со дна воды. Как дед твой. Дед твой тоже любопытный был. Я его хорошо знал, мы ведь росли вместе. Охотничали, рыбачили. С девушками гуляли... – он посмотрел на мальчика с хитринкой. – Можно сказать так: из одного колодца воду пили.

Бабушка неторопливо стала прибирать со стола.

– Расскажу, расскажу, что знаю, – продолжал старик. – Мне мой дед рассказывал, а ему, может, его дед... Старину надо знать, чтобы будущее видеть. Говорят, если дерево не пустит корни глубоко в землю, оно кроной не выйдет.

Когда-то давным-давно, может, когда жизнь на земле устанавливалась, на этом месте жила чудь. Это такие же, как мы, люди, только ростом пониже. Носили они звериные шкуры, богов своих из дерева строгали, им верили, им поклонялись. Между ними старшим был Онык. Очень сильный был и умный. Красив, как боровой рыжик. Силы был немереной, умом не подсчитанным. Умел ветер вспять повернуть, дождь вызвать, град прекратить. Звери и птицы ему служили, что прикажет, то и делают. Сам звериные шкуры носит, с огнём и водой шепчется, с верховным богом советуется. Был он из рода, который камни мог раскалывать. Все его уважали, во всяком деле совета просили...

И вот однажды чудь прослышала, что сюда идут люди, что посильнее Оныка будут. Молельни жгут, а кто на их пути встаёт, убивают. Всех живущих на земле побеждают; старые боги не могут им противостоять. А сила у пришедших в железных крестах. Испугалась чудь. Собрались и стар и млад у Оныка.

— Онык, отец, обратись к верховному богу, спроси, что нам делать? Как устоять против пришельцев?

Повел Онык людей на круглый луг, разжёл большой костёр, стал в бубен бить, сначала тихонько, затем всё быстрее и громче. Потом закружился в священном танце... До устали танцевал, упал без чувств у костра. Чудины молчали, ждали, когда к ним вернётся Онык. Они понимали, что сейчас Онык не здесь. Здесь было только его тело, а дух с верховным богом советовался.

Пришел в себя Онык. Встал, озирается вокруг мутными глазами.

— Ох, родные, сестры, братья,— начал он тихим голосом,— большое зло на нас надвигается. Молчит наш верховный бог.

Отдохнул Онык, снова костер раздул, в танце с бубном закружился, к верховному богу обратился. Снова молчание.

И в третий раз обратился к нему Онык. Никакого ответа.

Повел тогда Онык людей в лес, на место нынешнего Чудского бора, велел копать ямы. В ямах накаты из толстых брёвен сделали, сверху землёй присыпали. Сказал Онык своему народу:

– Не сдадимся чужестранцам. Как придут сюда люди с железными крестами, эти брёвна на себя уроним.

Вернулся в деревню, увидел, как люди с крестами деревянных богов и их капища сжигают. Пришёл в бор, где его чудины ждали, спустился в яму и крикнул громким голосом, чтобы соплеменники валили столбы.

Так пропала чудь. Похоронила себя под землёй.

А место сейчас называют Чудской бор.

...Долго не мог уснуть в эту ночь Эдик. Крутился и вздыхал на постели. Думал о чуде. Значит, она и в самом деле была... сама себя похоронила... А может быть, это неправда? Может, это кем-то придуманная сказка? Ведь они с Санькой копали холмики, и ничего не нашли. А может, не копать ничего, а оставить всё как есть? Не искать, а просто помнить, что был такой народ – чудь. И не нарушать его вечный сон.

Вдоль ручья Холодный вилась узенькая тропка. По ней споро шагали Эдик, Галя и Санька. Все трое с рюкзаками. Ребята отправились наконец-то на исток ручья.

Долго собирались. Сначала Санька заупрямился, не тянет, мол, меня туда, без меня идите. Галина мама, тётя Света, подтвердила: нечистые, мол, там места, дурная слава о них идёт. Хорошо ещё, что Галя не слышала, как Эдик разговаривал с тётей Светой, а то бы отказалась идти.

По тропинке видно, что когда-то здесь люди часто ходили, она хорошо утоптана. Но в последние годы ходоков здесь стало меньше, а может, и вовсе не стало. Тропа сильно заросла, трава на ней по высоте скоро догонит луговую.

И тогда дорожка навсегда потеряется. Глаза ничего не увидят, и только чьи-нибудь крепкие ноги почуют утрамбованную веками землю.

Вдоль тропинки росла крапива с тёмно-зелёными листьями и гибкими стеблями. Она цвела мелкими метёлками цвета тёмно-серого песка. Кое-где встречались кусты шиповника с твёрдыми, незрелыми ещё ягодами. Повеяло ароматным запахом чёрной смородины. Вот и смородиновые кустики. А ягод на них! Точно, что никто не приходил сюда в последнее время, никто не собирал крупные, чёрные, блестящие ягоды. А вкусные! А душистые! Так и тают во рту. Дети бросили рюкзаки на тропинке, сами скрылись в смородиновых зарослях. Вдоволь наевшись ягод, пошли дальше.

— На обратном пути пособираем обязательно, — объявила ребятам хозяйственная Галя.

И снова тропа...

Неожиданно справа от неё открылись луга. С левой был ивняк, осина и высокие травы — та же крапива, полынь. Галя, шагая, прислушивалась к говору ручейка: он то замолкал, протекая спокойно, то начинал весело журчать, будто освободился от чего-то тяжёлого и радовался этому.

Дети устали, пошли медленней. Да и есть захотелось. Ягоды смородины — разве это еда? Решили устроить привал. Эдик занялся костром, а Санька взял котелок и спустился к ручью. Галя выкладывала из рюкзаков припасы.

Эдик ещё костёр не успел разжечь, как прибежал запыхавшийся Санька. Его большие чёрные глаза стали, казалось, ещё больше.

– Здесь кто-то живёт!– торопливо прошептал он, приблизившись к ребятам.

– Где?– испугалась Галя.

– Медведь?– также шёпотом спросил Эдик.

– Кто-то из людей тут близко живёт,– добавил Санька.

– С чего взял?

– Я спустился к ручью, искал место получше, чтоб зачерпнуть воды и ног не промочить, здесь очень сыро и кочек много, пошёл чуть дальше, а там тропинка, знаете, не наша, а другая совсем. Она нашу пересекает. И прямо до ручья доходит! А ручей там, видно, расширяли и поперёк него доска перекинута. Кто-то недавно ещё спускался за водой, трава примята,– Санька был явно взволнован.

– Не зажигай пока костёр, запах дыма учуют,– остановила Галя Эдика.

Но тот и сам это понял. Но Эдик несколько не испугался, наоборот, глаза его загорелись, было видно, что он что-то задумал:

– Ребята! Рюкзаки прячем вот тут, под ёлкой. И давайте за мной. Покажи, где тропинка,– подтолкнул он Саньку локтем.

Вот она, та незнакомая тропинка, на которую наткнулся Санька... Ребята спустились к ручью, осмотрелись. Вдоль ручья росла ива, тощие ёлки, чуть дальше виднелась осиновая рощица. Здесь было суше, а около самой воды заросли осоки и крапивы. Чуть выше – кочкарник, ещё выше – возвышались широкие соцветия дудника...

Санька был прав: кто-то здесь постоянно бывал – тропа хорошо утоптана. Доска, перекинута поперёк ручья, ста-

рая, потемневшая, кое-где уже замшела. Наверно, уже гнилая.

– Нагнитесь!– шёпотом скомандовал Эдик, и, согнувшись сам, побежал по тропке вверх. Постоял немного и лёг, рукой махнув Гале и Саньке, чтобы тоже ложились. Дети прильнули к траве. Галя от страха не замечала, как вокруг красиво и хорошо. Где-то высоко в небе заливался жаворонок, в траве звенел кузнечик, а прямо перед её глазами дрожал на стебельке цветка какой-то жучок с прозрачными крылышками.

Эдик снова приподнялся, пристально посмотрел вперёд, и вернулся к друзьям.

– Там Ёма живёт,– таинственно шепнул он.

– Ой!– испуганно вскрикнула Галя.

– Не выдумывай. Ёма!– хмыкнул Санька.– Маленький ты, что ли?..

– Я сказал вам – Ёма. Не верите, посмотрите сами.

Втроем они прокрались по тропе выше и, приподнявшись на цыпочки, глянули из травы вперёд.

За небольшой лужайкой виднелась старая покосившаяся избушка на четырёх столбиках, точно как на курьих ножках. За этой заброшенной избушкой стоял небольшой дом, тоже, видать, старый, хорошо виднелось его высокое крыльцо. На самой верхней ступени сидела старушка в тёмно-синей кофте и такого же цвета сарафане. На голове белел платочек.

Время от времени она поглаживала стену дома и верхнюю ступеньку крыльца.

– Смотрите, нос какой длинный, – прошептал Эдик. – И вдали от людей прячется. Разве это не Ёма? Вы слышали, что здесь, в верховьях ручья, какая-то бабушка живёт?

– Нет, – мотнула головой Галя.

– Я тоже не слышал, – отозвался Санька.

– Ну вот. А говорите, не Ёма. Ёма!

Сейчас друзья не возражали.

Трава около дома была не скошена и доходила до самого крыльца. Это была светло-зелёная осока. Около избушки цвёл иван-чай. Видно было, что здесь когда-то, очень давно, были поля. Может, поэтому так роскошно росли здесь травы и ярко-розовый иван-чай.

С крыши избушки, противно каркнув, взлетела ворона.

– Ой, и в самом деле Ёма, у неё и вороны есть, – побледнела Галя. – Бежим отсюда! Бежим домой!

Она стала пятиться назад, к ручью. На пересечении тропинок повернулась и помчалась к рюкзакам.

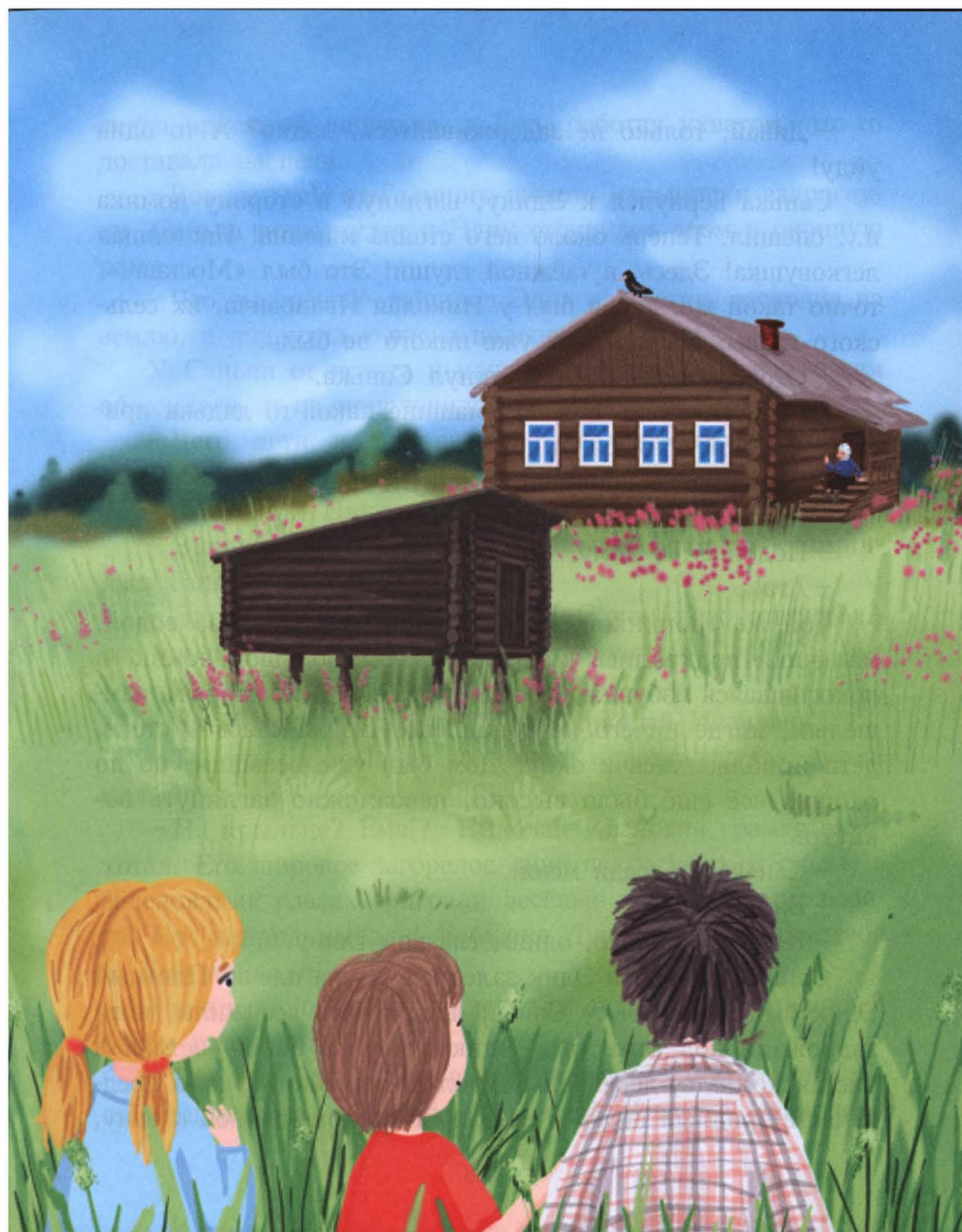
Санька сначала кинулся за ней, но заметил, что Эдик не собирается никуда бежать, остановился. Но смотрел всё же в сторону Гали. Ему хотелось пойти за ней, но тогда Эдик подумает, что он испугался. Но ведь и одну девчонку отпускать нельзя.

Тревога за Галю победила. Он догнал девочку.

– Ты чего, испугалась?

– Я домой пойду, – дрожащими руками Галя завязывала свой рюкзак.

– Подожди немного, – отсоветовал Санька, – Эдик там наблюдает. Ты здесь посиди, а я к нему сбегаяю.

– Давай, только не задерживайтесь, ладно? А то одна уйду!

Санька вернулся к Эдику, взглянул в сторону домика и... опешил. Теперь около него стояла машина! Настоящая легковушка! Здесь, в таёжной глуши! Это был «Москвич», точно такой же, какой был у Николая Ивановича, их сельского главы. На крыльце уже никого не было.

– Ого!– удивлённо воскликнул Санька.

– Помолчи, услышат! На машине какой-то дядька приехал! С Ёмой обнялся, в дом зашли.

– Я ничего не понимаю,– шепнул Санька.

– Я тоже,– ответил Эдик.

– Подойдём к дому,– предложил Санька.

– Ага!..

Той же тропинкой, по которой Ёма ходила за водой, мальчики подкрались к крыльцу. И небольшой домик, и покосившаяся избушка, и крыльцо – всё было старым, замшелым, нигде ничего не обновлено. Прижимаясь к стене, дети приблизились к окну. Дом был уже осевшим, но до окошка всё ещё было высоко, невозможно заглянуть вовнутрь.

– Санька, подсади меня!

– Заметят!

– Нет, я тихонько, одним глазком гляну.

Санька присел, и Эдик залез к нему на плечи. Плотный Эдик был тяжёлым, у Саньки напряглись все жилы, ноги задрожали под тяжестью. Эдик глянул в окно: светлая и чистая комната, деревянный стол и скамейки. Около предпечья старинный шкаф и полки. За столом, спиной к окну,

сидел приезжий дяденька, а Ёма, работая ухватом, что-то доставала из печи.

– Вот вы где!– от Галиного шепота мальчишки вздрогнули. Санька пошатнулся и Эдик стукнулся лбом в оконную раму.

– Что ты орёшь?– зашипел Эдик на сестру, соскочив на землю, и покрутил у виска пальцем.

У Саньки от испуга и напряжения руки и ноги совсем обессилели, и он прислонился к стене дома.

– Чего, дети, не поделили?– раздался мужской голос.

Ребята с испугом оглянулись на крыльцо.

Там стоял... Николай Иванович!

– Здравствуйте, Николай Иванович!– первой опомнилась Галя.

– Здравствуйте, здравствуйте! С чем пожаловали? А раз уж пришли, зайдите в дом, отдохните.

– А Ёма где?– тихо спросил Эдик.

– Ёма? Какая Ёма?– не понял Николай Иванович.

– Та, что на крыльце до вашего приезда сидела,– уточнил Эдик.

– На крыльце? Ёма!?– Николай Иванович громко захохотал. Его широкое загорелое лицо покраснело от смеха, в зеленоватых глазах заиграли весёлые искорки.– Ну, ребята! Ну, напридумывали! Бабушка Дуня, выйди! Дети тебя за Ёму приняли.

На крыльцо вышла маленькая сухонькая старушка в белом платочке.

– Вот ведь, если одна в лесу живёшь, Ёмой становишься!– подтрунивал над своей бабушкой Николай Иванович.

Старушка была очень уж старая: если б не кожа, кости её, наверное, рассыпались бы. Движения её замедленные, на лице сто морщинок, нос и в самом деле длинноват, хотя и не портит лица, а блёклые светло-голубые глаза сейчас показались детям очень добрыми.

– Вот тебе и Ёма! – прошептал Эдик.

– Господи! Бог откуда-то гостей послал. Заходите, заходите, чаем напою.

– Спасибо, у нас своя еда есть, – мотнула головой Галя.

– Свой хлеб – не угощение. А если покормишь странника, десять лет сам всегда будешь с хлебом, – прервала её бабушка Дуня, шамкая беззубым ртом.

За столом, за чашкой чая, дети рассказали, как они тут очутились. А бабушка Дуня стала вспоминать о старине, о своей прошлой жизни.

– Замуж я вышла за Никанора Сандре. По любви вышла: красивый был парень, статный. И работающий. А такой шустрый да бойкий, из-под ног искры сыпались. А я робкая была, как телёнок, в первый раз из хлева вышедший. Семья у них большая была: отец с матерью, пятеро братьев, две сестры. Старший брат уже женатым был, первенца растил. И все жили в одном доме.

Дом огромный, но когда столько народу – даже во дворце тяжело. А мне этот дом и вовсе не родной, там нужно быть тише воды, ниже травы. Даже если вся семья добрая.

И начали мы с Сандре думать, как нам отделиться, свой дом поставить, своим хозяйством жить. В своём доме хоть как живи, хоть поперёк ложись, хоть вдоль, никто против

не будет. Устали мы в большом семействе жить, из деревни уехали. Сюда и пришли... Вот тут, у ручья, поставили дом. Вот этот, где вы сейчас, дорогие птички, чай пьёте. Место тут красивое, лес кругом. Сандре много охотился. Говорят, к удачливому охотнику зверь сам по углу дома поднимается. Поля и луга у нас были рядом. Скотом обзавелись: лошадь, корова, овцы. Два сына родились, потом и дочь. Хорошо зажили, нужды не знали. Но не дали нам жить безбедно. Жизнь ведь когда сладкая, а когда и горькая. На нас стал накатываться колхоз. Колхозы в деревнях зачем-то появились, будь они неладны. Колхоз отнял у нас и луга, и поля. Корову и лошадь тоже забрали. Трудно в гору подняться, ежели подножки всю дорогу ставят. А потом война началась, Сандре на фронт взяли. Так и не вернулся обратно, голову сложил. Где-то в далёких землях похоронен. А что мне одной тут делать без мужа, без рук его сильных? Пришлось обратно возвращаться в село, к свёкру, к свекрови. Там и жила, детей растила. Молодость прошла – не попрощалась, старость пришла – не спросилась. А вот теперь жизнь в старости как тихая речка течёт. Каждое лето меня сюда тянет, где я молодая была и счастливая. Свой дом, хоть какой, а всегда в нём душе хорошо. Поживу тут лето, молодость вспомню, и сердце успокаивается. Как похолодает, опять в село еду зимовать – к детям. Они и сюда ко мне приезжают, Коля через день бывает, хлеб, продукты привозит, воду из ручья поднимает. А вы меня за Ёму приняли...– засмеялась бабушка.

– Извините,– смутился Эдик,– мы это... пошутили. А вы не знаете, бабушка, далеко ли отсюда исток ручья?

– Я до истока не доходила, но Сандре рассказывал, что ручей начинается с болота, с Жёлтого топкого болота, отсюда верст пять будет. А до болота ещё есть Круглый луг, версты три отсюда. Мы там всегда сено косили. Очень красивый круглый луг, если сейчас лесом не порос.

– Посмотрим на Круглый луг, и на обратном пути о нём расскажем, – пообещал Эдик.

– Днём красиво там всегда было, а с ночёвкой мы туда не ходили.

– Почему?

– А все работы заканчивали до темноты. Сандре не любил те места.

– Почему? – снова спросил Эдик.

– Тени там мелькают.

– Какие тени? – шёпотом спросила Галя. Она опять начинала трусить.

– Напугала вас, – спохватилась бабушка Дуня. – Не знаю, я сама ничего там не замечала. Сегодня вы в дорогу уже не собирайтесь, ночуйте у меня. Завтра с новыми силами дальше пойдёте. Жёлтое болото топкое, смотрите, в серёдку не ходите, там только с краёв можно... Сандре, царствие ему небесное, рассказывал. Оттуда он столько клюквы приносил! На всю зиму хватало. Родственникам на санях её увозил, вот сколько было! Сельские-то туда не ходили – далеко больно.

– Нет, мы в доме ночевать не будем. – Эдик очень разговорчивый, он не может молчать. – Мы пошли в поход, чтобы в лесу ночевать.

– В доме лучше! – уговаривает бабушка.

– Нет, нам в лесу лучше, – отозвался молчаливый Санька, хлопая длинными ресницами.

– Мы уже привыкли в лесу ночевать, – поддразнил Саньку Эдик, глядя на него с хитринкой.

Санька покраснел до кончиков ушей и легонько ткнул друга в бок. Галя усмехнулась. Взрослые, конечно, ничего не заметили.

– Пусть идут, бабушка, не держи их, не маленькие. В таком возрасте раньше уже охотничали и спали у нодьи*, – заступился за детей Николай Иванович.

– Так-то бы так, – согласилась бабушка.

Круглого луга дети достигли в сумерках. На пути к нему перешли небольшой лог, проваливаясь меж кочек. Потом одолели крутой подъём, цепляясь руками за тонкие сосенки. Раза два подняли с насиженных мест семейства рябчиков. Птицы, наверно, уже на ночлег устроились.

Луг был большим и действительно круглым. Некошенная трава по пояс. Но он не был заросшим! Ребята этому очень удивились. Ведь по рассказу бабушки Дуни, траву здесь не косили уже лет двадцать. Вокруг луга густой лес, с одной стороны ельник, с другой березняк, а на лугу ни одной ёлки, ни одной берёзки! Тут даже ивняка нет! Только в самой середине луга стоят рядком три разлапистых дерева. Скорее всего, черёмухи.

Ребята скинули на землю рюкзаки и повалились в траву.

* *Нодья* – охотничий костёр из двух сухостойных брёвен.

– Ох, вот теперь-то я устал, – сознался Эдик. – Сейчас бы поспать!

– И я бы не отказалась. До самого утра бы не встала! – добавила Галя.

– Нет, Галка, поспать мы успеем. А давайте всё же сначала покушаем! – сказал Эдик. – Костерок разожжём, еду сварим, чай вскипятим. Эх, красота!

– Котёл один, придётся только чай вскипятить, – заметил Санька.

– Еды всякой навалом: рыбники, пирог, шаньги. Только чай и нужен, – сказала Галя.

– Санька, сбегай к ручью за водичкой, – попросил Эдик, – только давай без приключений. Ни в какой дом Ёмы больше не забредай! Понял?

– Ладно, – кивнул Санька.

– Не пугай, – сказала Галя, когда Санька скрылся за деревьями. – И вообще. Дом не ты нашёл, а Санька.

– Тебя пугать? – Эдик засмеялся. – Тебя пугать не надо, ты у нас и так всегда испуганная, дерево скрипнет, ты без памяти падаешь от страха. Давай вставай, нечего лениться, когда все работают. Мы с тобой, чавкан, соберём сухой хворост и наладим костёр.

– Опять обзываешься! Тогда я ничего не буду делать! – обиделась Галя.

– Да нет, нет, я так, шучу.

– Ну, давай тогда соберём дров, только будем рядом ходить.

– Опять трусишь?

– Конечно, боюсь! Бояться не будешь – медведь задерёт.

– А трусливую девчонку и заяц напугает! Смотри, какой Санька. Один к ручью за водой пошёл. В незнакомом месте. А ты? Трусливый заяц.

– Он привыкший, он один ночует в лесу. А я, конечно, боюсь, никогда ещё в лесу на ночь не оставалась, – оправдывалась Галя, озираясь по сторонам.

– Да не бойся, ничего не случится. Медведи сейчас сытые, волки тоже. Тебя издалека учуют и обойдут. Они тебя сами боятся!

Сухих веток и сучьев собрали целую кучу. А на ночь Санька обещал устроить нодью.

Не успели разжечь костёр, прибежал Санька. Опять без воды! Глаза как тарелки. Лицо бледное, почти белое.

– Опять что-то случилось, – пробормотала Галя.

– Что такое? – всполошился Эдик.

– Ш-ш-ш! – приложил палец к губам Санька. Да этим же пальцем поманил ребят углубиться с опушки в лес.

– Мы здесь не одни, – прошептал он.

– А кто ещё есть? Туристы? Будем знакомиться! – решил Эдик.

– Ш-ш-ш, – прервал его Санька. В его глазах гулял страх.

– Ну что, что? Говори же! – торопил Эдик.

– Я по ручью вперёд прошел, спустился, набрал воды, а когда стал обратно подниматься, глянул на Круглый луг. Там, возле трёх деревьев, кто-то есть!

– Я никого там не видел! – сказал Эдик, вглядываясь назад, в сторону луга.

– Отсюда их и не видно, деревья больно раскидистые, а оттуда, где я был, всё хорошо просматривается.

– Сходим, Санька!– хорохорился Эдик.– Не съедят! По-знакомимся! Кто бы ни был!

– Знаешь...– Санька прищурил тёмные глаза.– Ты не храбрись. Они... они... на людей не похожи.

– Черти, что ли?– сказала Галя и схватила брата за руку. У неё даже дыхание стало прерывистым.

– Нет,– шепнул Санька, оставаясь очень серьёзным.

– Кто же тогда?– брат с сестрой спросили это почти одновременно.

– Я думаю, они... с другой планеты.

– Да, да-да,– засмеялся Эдик.– Гуманоиды в коми лесу...

– Да,– подтвердил Санька.– Эти самые. Гуманоиды.

– Так это же... Это же здорово!– воскликнул Эдик.– Я иду туда! Немедленно!

Дети, прячась за кустами, пошли вверх по ручью. Туда, откуда лучше было видно.

В глубине луга около трёх черёмух качался над землёй серебристый блестящий шар. Уже темнело, всё вокруг плохо видно, но шар на тёмном фоне леса смотрелся великолепно.

– Посмотрим чудиков?– шептал Эдик.– Помнишь, Санька, я тебе говорил: я об этом мечтаю!

– Нет, не будем показываться,– покачал головой Санька.– Кто его знает, что у них на уме. Пошли назад, переночуем у бабушки. Завтра днём снова придем, если Эдьке так уж этого хочется.

– Да, да, Эдик, обратно пойдем,– поддержала Саньку Галя.

– Трусите, ну так и оставайтесь тут. А я пойду туда! К ним!– Эдька шагнул из-за кустов и смело отправился в сторону шара.

– Эдька! Вернись! Эдька!– крикнула Галя.– Что-то тебе, петуху, больше других надо?

– Сестричка, кто боится, тот плохо живёт: за день трижды помирает,– оглянулся Эдик. Повернулся, махнул рукой, как бы прощаясь с ребятами, и смело зашагал вперёд.

С краю луга земля сырая, и на длинном мягком мху остались его следы.

Вот Эдик уже рядом с первой черёмухой, вот прошёл дальше, вот подошёл к серебряному шару.

Яркая вспышка, и всё пропало....

– Санька, что случилось. Я ничего не вижу!– закричала Галя.

– Я тоже!

– Но ведь ещё не ночь!– удивляется Галя и трёт глаза.

Постепенно зрение вернулось. Смотрят Галя и Санька в глубь луга, а там...

Ни блестящего шара, ни Эдика... Ничего! Всё пропало без следа. Только стоят, как прежде, черёмухи.

– Сходим поближе, может, помочь надо,– сказал Санька.

– Я не смею,– тихо отвечает Галя.

– Тогда я один пойду. Пан или пропал,– шагнул Санька на луг.

– Нет, давай вместе, если и ты пропадёшь, что я буду одна делать?

Мальчик шёл впереди, длинная трава путалась под ногами, а потом он стал шагать по Эдькиным следам, и стало

легче. Галя боязливо, озираясь кругом, шагала за ним. Желание узнать, что случилось с братом, беспокойство за него перебороло в ней страх. Идти пришлось долго, луг был большой. Когда по Эдькиным следам дошли до середины, удивлению не было конца. В центре луга, между тремя деревьями, трава была примята ровно по кругу. И больше никаких следов... И Эдика нет.

– Эдик!– шёпотом позвала Галя.

– Эдик!– громче произнёс Санька.

– Эдик!– изо всех сил кричали дети.

Но им никто не ответил.

Быстро стемнело. Нужно было выбираться к опушке, где оставили рюкзаки. По своим же следам и вышли. Около рюкзаков Эдика тоже не было. Что делать? Стало жутко.

– Костёр разожжём,– произнёс в тишине Санька.

– Нет, увидят.

– Надо разжечь, к утру холодно будет, замёрзнем.

– Если разожжём костёр, мы будем видны всем, а мы никого не будем видеть. Завтра, может, Эдик придёт,– начала жалостливо причитать Галя.

– Непонятливая ты! Надо разжечь костёр. Эдик увидит огонь издалека и сумеет к нам выйти.

– Ну, разжигай тогда,– согласилась девочка, чуть не плача.

Санька зажёл огонь, начал складывать в него сухой хвост, ветки. Затем пододвинул свалившееся дерево, разрубил топором надвое и сложил нодью. С огнем стало веселее, хоть и спокойствия не было: ведь друг пропал. Пропал бесследно... После скромного ужина Санька прилёг вдоль

костра и уснул. Галя не могла перебороть страх, но зато переборола стеснение и прилегла рядом с ним. Мало-помалу сон одолел и её.

Спали дети чутко. Беспокойство за Эдика не прошло, было с ними. От каждого непонятного лесного звука просыпались, прислушавшись, снова опускали голову на рюкзаки и засыпали на короткое время. До нового непонятного звука. Не все спят ночью в тайге: где-то подаст голос сова, прошуршат во мху мелкие мыши. Только под утро дети уснули крепким сном.

Проснулись рано под щебетанье птиц. Где-то поблизости тинькали синички, какие-то другие, незнакомые детям птицы. С болота слышалось курлыканье цапли. Часов у них не было, и точное время не знали, но по всему было заметно, что ещё очень рано. Костёр погас. Бревно, лежавшее поперёк костра, прогорело, разделилось на две части. Санька объединил два несгоревших конца и снова разжёг костёр. Сходил за водой, повесил над огнём котелок.

– Санька, ты вчера сказал, что зачерпнул воду, а пришёл без воды.

– Ну и что?

– А куда воду дел?

– Куда, куда... пролилась! Испугался светящегося шара, споткнулся, и вот...

– Тебя Эдик сглазил.

– Как это?

– Он сказал, что ты ничего не боишься.

Санька замолчал. Им было не по себе. Эдик не вернулся. Как вернуться без него в деревню? Что они скажут людям?

Кое-как перекусили. Остался хлеб, была крупа, банка консервов и картошка. В следующий раз придётся варить кашу, а то всё ещё питались всухомятку. Выпив горячего чая, заваренного на листьях смородины, дети решили ещё раз сходить в центр луга. Шли по вчерашним следам, чтобы не топтать лишней травы. Может сегодня, в светлое время, поймут, куда делись Эдик и этот странный неземной шар.

Утро было какое-то бледное. По небу плыли лёгкие, как туман, сплошные облака, и не давали лучам солнца осветить всё вокруг. Подойдя к черёмухам, дети напугали черноголовых, с красными крылышками, птичек.

– Пинь, пинь, пинь, – взлетели они с веток.

Готовые упасть, спелые ягоды черёмухи аппетитно призывали детей к себе, но некогда было лакомиться. Да и не хотелось.

На середине луга яснее не стало. Наоборот! Ещё одна загадка: травяной круг, кажется, выделялся даже чётче, чем прежде!

– Что за круг? – спросила Галя. – Санька, ты когда-нибудь видел такой?

Санька только головой помотал.

Поразмыслив, решили времени больше не тратить, а идти в село и всё рассказать взрослым. С этой мыслью и вернулись к ручью. Здесь ручеек был узким, тёмная вода текла беззвучно и неторопливо. Вдоль ручья рос короткий и влажный мох, песок на дне был тёмным. По обе стороны стояли густые ели. Место невеселое, сырое. Галю пробрал озноб, она поёжилась.

Когда поднялись к опушке, вдруг остановились как вкопанные – обоим показалось, что впереди мелькнула чья-то тень. Кто-то идёт? Дети затаили дыхание, чтобы расслышать шаги. Галя тайком даже перекрестилась и потянула за руку Саньку, чтобы тот был к ней поближе. Всё же не так страшно. И потом она уже не отпускала Санькину руку. Настороженно шагая, вышли на опушку луга. И вдруг... и вдруг увидели, что образовавшейся от ходьбы туда-сюда тропкой к ним навстречу шёл... Эдик! Ребята перевели дыхание. Им казалось, что друг возвращается с того света!

– Эдька, ты живой! – закричала Галя и бросилась навстречу.

– Что, не видишь? – Эдик подошёл с приветливой улыбкой.

Ослабли руки-ноги у Гали, кинулась она к брату, обняла его, тайком вытерла выступившие слёзы.

– Да ладно, чего ты, – растерянно сказал Эдик, стараясь освободиться от ее объятий. Он глядел на Саньку смущенно, а в глазах его стоял непонятный блеск, будто какая-то тайна гнездилась там. Казалось, он ещё сам не понял, что же с ним произошло в последнюю ночь.

– Где ты так долго был, что с тобой случилось? – встревоженно спросила сестра.

– А сколько времени прошло? – спросил Эдик.

– Тебя не было всю ночь.

– А я думал, что был ТАМ совсем недолго. Вы тоже здесь стояли, когда я ушёл. Точно?

– Позже, позже всё обговорим, – прервал их Санька. – Давайте сейчас отсюда!

Наверно, он опасался, что Эдька снова исчезнет.

Дети надели рюкзаки и отправились уже знакомой тропинкой домой.

Все облегченно вздохнули, когда показался домик бабушки Дуни. Получилось, что с Круглого луга они просто сбежали.

Перед тем как зайти к бабушке, ребята сели передохнуть.

– Ну что, рассказывай, – сказала сестра, развязывая рюкзак. Она достала кусок хлеба и передала Эдику.

Эдик взял его, разломил, сунул в рот большой кусок. Прожевал и медленно начал:

– Знаете, всё было, как во сне. Подошёл я к ним, к гуманоидам. Они в блестящих костюмах в обтяжку. На головах – скафандры. В прозрачную щель видны только большие глаза. Ростом как мы. Разговаривают будто по телефону, через аппарат какой-то. Повели меня в свой круглый корабль. В него вела лесенка из какого-то невидимого материала. Внутри всё блестит, чистота ужасная. Я ведь хотел с ними поговорить, порасспрашивать, а им, видать, этого было не нужно. Они свои цели преследовали. Они со мной и не говорят. Потом я, видимо, сознание потерял. Очнулся уже в другом месте в большом зале. Лежу я на каком-то столе, похожем на операционный, в кино я подобные видел. Лежу, ни рукой, ни ногой не могу пошевелить. Помню, что они меня измеряли. Всё измерили: и руки, и ноги, и уши, и нос, даже пальцы на ногах. Волосы только не мерили. Между собой что-то мурлыкали, разговаривали, то есть.

Но я ничего, конечно, не понял. Потом вроде снова в обмороке был, ничего не помню. Пришел в себя – вижу, я опять на Круглом лугу. Так же пасмурно, как было. Я и думал, что прошло немного времени, а оказывается, целая ночь.

– Взрослые этому не поверят, – грустно сказала Галя.

– Ну и пусть не верят, – восторженно воскликнул Эдик. – И не надо им ничего говорить! Мы им расскажем, когда сами все точно разужнаем.

– Успокойся, не кипятись – сварись, – перебил его Санька. – Лучше скажи, что ты дальше думаешь делать?

– Поеду в город и прочитаю всю литературу про НЛО и гуманоидов. Кое-что я, конечно, знаю, но только «кое-что». До многого надо докопаться. За зиму хорошо подготовлюсь и приеду на всё следующее лето сюда.

– Тебя не отпустит мама, потому что терялся на целую ночь. Ведь рассказать, что было с тобой, всё равно придётся, – сказала Галя.

– Вовсе не обязательно. А если придётся... Я с ней так поговорю, что она меня без слов отпустит, и дыма не будет. Вот. Привезу палатку, установим в таком месте, чтобы ни с дороги, ни с неба, ни с луга не было видно. Санька, найдём такое место?

– Поищем!

– Установим наблюдательный пункт. Ты, Санька, и так человек лесной, разве тебе не всё равно, где жить – около Чудского бора или около Круглого луга?

– Да не совсем одинаково. Там ближе к деревне, мне веселей.

– Не один будешь жить, попеременно со мной.

– Всё лето?

– Конечно. Будем наблюдать, что делают, когда сюда прилетают, может, поймём, что им нужно.

– А вы заметили, что луг – ровный круг? – задумчиво спросил Санька.

– Поэтому и Круглым называется, – добавила Галя.

– Но ведь бабушка Николая Ивановича сказала, что там лет двадцать уже никто не косил, а нет никаких зарослей. Ни ивняка, ни березняка. А почему? Попробуй, забрось какой-нибудь луг на год-два. Увидишь, что будет. Зарастёт лесом. А этот? Круглым был, Круглым и остался, – рассуждал Санька.

– Я и говорю, всё это надо исследовать, – гнул своё Эдик.

– Посмотрим, – неторопливо отвечает Санька. – Я хотел на следующее лето поступить на работу в лесничество.

– Одно другому не мешает, Санька. Всё равно же в лесу будешь работать.

Помолчали.

– Ох, я дурной, дурной, – вдруг стукнул кулаком по земле Эдик. – Такое забыл. Сейчас знаю, знаю, почему сюда с другой планеты прилетают!

Санька и Галя замерли, ожидая продолжения.

– Ведь что мне дед Фёдор рассказал! Онык, вождь чуди, приводил свой народ на Круглый луг. Там он вступал в разговор с верховным богом. Да ведь это же тот самый Круглый луг, где мы были! Это их священное место! Вот где тайна зарыта! Мы ещё ничего не знаем о нашей Земле.

Сколько ещё спрятано тайн! Я понял! Разумные существа с другой планеты прилетают сюда, чтобы понять тайны Земли, они ищут бывшие цивилизации, следы древних людей. Я понял, понял!

Эдик вскочил с травы и запрыгал от радости.

– Ты сам скачешь, как Онык, – весело рассмеялась Галя.

Санька удивлённо смотрел на веселящихся брата и сестру, а потом и сам засмеялся.

Я и братишка Ивук

Повесть

О себе

Расскажу немного о себе. Зовут меня Тоня. Я закончила третий класс. Большая уже. Лицо у меня круглое, волосы тёмно-каштановые, до плеч. Глаза синие. Ну, вообще-то они не очень синие... Кто-то говорит, что они серые, кто-то — что зелёные, как у кошки! На последних я сильно сержусь... Брови чёрные, на лице веснушки. Ну и что, что веснушки? Это хорошо! У Ивука они тоже есть на носу. Мама иногда говорит: ну-ка, где мои милые веснушки, дайте я их расцелую. Мы с Ивуком оба скорее шеи вытягиваем, носы маме подставляем, пусть чмокнет! Это, конечно, когда за нами никто не подсматривает. Мама наши веснушки расцелует и скажет:

— На ваших носиках солнышко улыбается.

Мы что? Мы согласны!

А отец... он всё время шутит! Что ж вы, говорит, дети, с носов мух не сгоняете? Сгонять надо! Но если честно, я уже несколько раз пыталась вывести эти веснушки, тёрла их, тёрла, даже кровь показывалась. А веснушкам хоть бы

что! Ну и ладно. Маме нравится, милыми их называет, а отцу – пусть не нравится!

Ростом я крупная. Соседка, бабушка Вера, сказала: «Тоня у вас крепенькой девочкой растет». Пусть крепенькая, но ведь не толстушка! Большая Таня, внучка бабушки Веры, толще меня. А маленькая Таня тоньше. Эта Таня тоненькая, как высушенный грибок. Эти две Тани – мои подружки, мы всегда вместе играем. Я называю их Таня Большая и Таня Маленькая. Надо же их как-то различать!

Мы живём вчетвером – отец, мама, я и мой братишка Ивук. Мама и папа работают в совхозе. Летом мы родителей редко видим, оба они на лугах. Отец сено косит, а мама его в копны складывает.

Отец у нас очень строгий. Мы его всегда слушаемся, сразу выполняем всё, что он нам велит. А мама... мама ласковая. Она хочет, чтобы мы выросли работающими и добрыми. С мамой всегда легко и интересно. Прошлой осенью мы всей семьёй копали картошку. Папа копает, мы собираем. Ивуку скоро надоедает, и он к костру бежит.

– Ивук не работает, а я что, рыжая? – заканючила я.

Мама помолчала, а потом говорит:

– Ивук! Скорей иди маму спасай, маму страшные чудища окружили! Вон они, вон, – и на выкопанные картофелины показывает. – Скорей кидай их в ведро!

Ивук так быстро начал «чудищ» собирать, быстрее меня ведро наполнил.

Осеннее солнце не выдержало и выглянуло из-за туч поглядеть, как дружно мы работаем. А Ивук до вечера боролся с врагами, маму спасал.

Сюрук, Чиган и Руч

Нашу корову зовут Сюрук. Она белая, с красными пятнами. Очень любит бодаться, потому и Сюрук – бодливая. Но никого ещё, к счастью, не забодала. Если ей что-то не нравится, сразу начинает водить рогами из стороны в сторону. Приходится остерегаться! Молока она даёт много, по ведру утром и вечером. Мама корову очень любит. Лелеет Сюрук почти так же, как и нас с братом. Мы её тоже любим, приносим ей свежей травы, угощаем. Пусть ещё больше молока даёт!

Ещё у нас есть кот по кличке Чиган – Цыган, если сказать по-русски. Такой чернущий, ни одного светлого пятнышка. Он очень любит молоко. Только мама его надоедит, Чиган тут как тут, трётся о её ноги, даже процедить не даёт – налей ему молочка скорее!

Чиган очень своевольный, упрямый, не слушается никого, даже папы. Живёт сам по себе. Такой хитрый! Однажды мама сварила рисовую кашу, положила мне и Ивуку по тарелкам. Чиган около маминых ног трётся.

– Мяу, мяу, – это означает: мне тоже кашки.

– Не будешь ведь есть, – говорит мама.

– Мяу, – отвечает Чиган, – буду.

– Ну, раз будешь, на! – мама кладёт в блюдце Чигана немного риса.

Чиган понюхал и отвернулся. Хотел уйти, а мама говорит:

– Ишь ты какой! Ешь, раз просил, – и не пускает Чигана из кухни.

Чиган и начал «есть». В одну сторону голову наклонил, потряс ею – как будто бы ест, потом в другую... опять головой потряс. А сам даже не притронулся к каше! Честное слово! Вот мы смеялись – обхитрил маму!

Ещё у нас есть собака по кличке Руч. По-русски «руч» – это лиса. Я назвала её так, потому что она рыжая и мордочка у неё удлинённая, точно как у лисы. Только хвост не пушистый.

Мы с Ивуком любим Руч купать. Греем воду, наливаем её в глубокий таз, сажаем туда собаку. Намыливаем лапы, хвост и голову, конечно. Затем обливаем её тёплой водой и произносим оберег, который и нам мама в бане говорит:

*Раба божья Руча,
Живи и поживай,
На похвалу добрым людям,
На зависть злым...*

Но, наверное, Руч оберег не понимает, потому что лает на всех прохожих подряд, на добрых и злых.

Когда мы вытаскиваем собаку из воды и заворачиваем в полотенце, начинается самое смешное. Руч вырывается из наших рук, отряхивается, разбрызгивая во все стороны воду, затем прижимает морду боком к ковру, и начинает быстро по нему бегать. Затем другой стороной морду прижмет и снова носится по ковру, как ракета. Ивук так смеётся, даже икать начинает.

Ещё у нас есть курица. Одна-единственная. Поэтому, наверное, она очень важная, ни с кем не дружит, с утра до вечера бродит... Везде побывает: и на огороде, и в бане, и в хлеву, и даже в доме!

Недавно мама ездила в город и привезла оттуда тридцать цыплят.

Цыплята красивенькие. Жёлтые и пушистые. Сначала мы держали их в доме на зимней половине (сами уже в летней жили), а когда они немного подросли и побелели, вывели под крыльцо. Около него отец загончик соорудил, чтобы им было где гулять и загорать на солнышке. Там же, в загончике, я их кормлю. Почему-то цыплята любят клевать меня в ногу. И только в одно место. Что они там нашли?

Вот сколько нас живёт в одном доме. И все мы дружим.

Моя деревня

Живём мы в деревне Лыаты. Когда-то дедушка Тани Большой рассказывал, что первые жители прибыли в Лыаты из деревни Оквад. Там крестьяне делили между собой земли, покосы, луга, и одной семье ничего не досталось. Тогда решили, что кому-то надо уехать на новое место, новые земли осваивать. А кому охота уезжать из родной деревни? Никому. Стали жребий тянуть. Вытянул Василий. Ему и пришлось ехать в незнакомые места, новые луга-поля у тайги отвоевывать. Запрягли сани, нагрузили хозяйство, посадил Василий жену, трёх сыновей, и отправились они искать хорошие земли вверх по Эжве-реке. А родня их на лошадях провожала.

Доехали до места, где сейчас наша деревня стоит. Это было место сухое, с южными склонами. Там и остановились. А красотища вокруг — дух захватывало. Вся округа

как на ладони. Гора От и гора Паль. На другой стороне реки – заливные луга. Здесь и решили поселиться.

Развели костёр, перекусили. Жена Василия говорит:

– Спустишь под горку, речку посмотрю.

Все думали, что под горкой Эжва течет.

Спустилась. Сыновья за ней. Через некоторое время вернулась жена, плачет и причитает:

– Ой, да куда же ты, родня, нас привела!.. Ой, да куда увела от широкой красавицы Эжвы!.. Ой, да на песчаный берег нас бросила!.. Ой, да и когда же теперь я широкую Эжву-реку увижу... Ой, да век мне теперь вековать у песчаного озера.

Плачет-заливается жена Василия. И маленькие сыновья в голос режут.

Эжва в этом месте большую петлю делала. Нет, видимо, поначалу она здесь протекала, а потом новое русло нашла. А тут только небольшое озеро оставила. Его и увидела жена Василия.

Новое место не стали искать. Сильно устали и лошади, и люди.

За неделю родственники подняли баньку, чтобы можно было и лето прожить, и перезимовать более-менее сносно. Летом пашни готовили, сено косили, а за зиму наказали родичи Василию заготовить брёвна на новый дом.

– Следующей весной избу вам поставим, – пообещали. И отправились в обратный путь.

А кто попадался навстречу и спрашивал:

– Откуда путь держите? – отвечали:

– От лыа ты, от песчаного озера.

Так название и осталось: Лыаты.

Следующей весной родственники снова приехали. Исполнили обещание: поставили крепкий дом. Так и обжился Василий в деревеньке Лыаты. Три сына выросли, никуда отсюда не уехали, дома поставили рядом. До сих пор это местечко называется Васьпиян – что означает «сыновья Василия». А верхний конец деревни называется Шадрин. Когда Василий приехал сюда, оно, оказывается, не совсем уж пустое было. Жил здесь единственный человек, русский беглый, по фамилии Шадрин.

Разрослась наша деревня, и теперь центральная часть, где наш дом стоит, называется Шэрвэлэсть, то есть середина волости. Через много-много лет Эжва-река опять сюда вернулась, по старому руслу потекла, так что сейчас она с нами рядом.

Отец рассказывал, что наш род идёт как раз от того вот Василия, который из Оквада приехал.

Наш дом в самом центре. Напротив магазин и школа, рядом клуб и столовая. Между ними волейбольная площадка, а за ней церковь. Церковь красивее и выше всех изб. Строили её из брёвен, рубили «в лапу». Брёвна в ней сильно состарились, щели, будто морщины у старика. Железные купола покрашены зелёной краской. Окошки двух видов – высокие и узкие, и маленькие, квадратные, с резными наличниками. Раньше они были тоже выкрашены зелёным, но теперь краска так облупилась, что её почти и не заметно.

Мы никогда не играем возле церкви, хоть она и заброшена. А если проходим мимо, почему-то разговариваем

шёпотом. Как будто кто-то нас из церкви подслушивает. Даже мальчишки не шумят! А если кто-нибудь поднимается под купола погонять голубей, старики ругают:

– Бог накажет!

Когда-то церковь была очень-очень красивая. А теперь тут скучный совхозный склад.

Мой брат

Брату Ивуку четыре года. Он ходит в детский сад. Очень смешной. Может целыми днями катать по полу машинки и рычать:

– Р-р-р-р...

И ему не надоедает.

Он шаловливый и весёлый. А ещё мама говорит, что он ласковый.

Услышал как-то по радио слово: «Планета». Спрашивает:

– А что такое – планета?

Я объяснила, как могла:

– Понимаешь, Ивук. Вот есть космос, в котором много-много планет. И мы тоже живём на планете, которая называется Земля.

Ивук рассмеялся:

– Обманываешь. Мы не на земле вовсе живём, а в доме.

Так и не поверил мне. Пришлось усадить его за стол и сказать, что он теперь ученик, а я – учительница.

– Сложи руки перед собой и слушай хорошенько. Я расскажу тебе о планете. Вот мы с тобой живём в деревне

Лыаты, в Шэрвэлэсте. Ниже по течению реки – местечко Васьпмян, выше – Шадрин. Все наши дома стоят окнами к реке. Если посмотришь на карту, наша деревня отмечена малюсенькой точечкой, а у нас ведь и улицы есть, и дома. Кроме нашей деревни есть другие деревни с улицами и домами. И города.

– Это я знаю! – перебил Ивук. – Я города знаю: Сыктывкар, Москва, Ленинград!*

– Хорошо, что знаешь. О чем я дальше скажу, не знаешь. Слушай хорошенько. В школе учителей не перебивают, вот так-то. Уши напряги и слушай, а что скажу, на ус наматывай.

Дальше опять как учительница продолжаю:

– Наша деревня Лыаты, другие деревни, Сыктывкар, другие города – все это коми земля, Коми край. Он входит в страну – Россия. А кроме России есть другие страны – Венгрия, Польша, Америка. И во всех странах живут люди, они разговаривают не по-коми, а на других языках. И живут все-все люди на планете Земля, а Земля живёт во Вселенной, а во Вселенной есть другие планеты: Венера, Марс, Юпитер. Живут планеты по своим законам, крутятся вокруг Солнца. Ты видел звёзды?

– Конечно, видел! Они вечером бывают! Красивые!

– Так вот. Все эти звёзды – солнца. Или планеты, освещённые солнцем.

– И наша Земля такая же звезда? И она так же в небе болтается?

* *Ленинград* – название Санкт-Петербурга с 1918 по 1991 годы.

– Она не болтается, а крутится по орбите вокруг Солнца.
– А на других планетах тоже люди живут?– Ивук смотрит на меня с недоверием.

– Учёные говорят, что никто не живёт, но это на тех планетах, о которых известно. А ведь есть неизвестные планеты. На тех, может, живут!

Рассказываю Ивуку, и вижу, глазки у него загорелись, так ему интересно стало, даже рот приоткрыл.

А я тоже в роль вошла, как будто настоящая учительница. И мне приятно, что Ивук меня слушал и что ему было интересно.

«Хитрый» Ивук

Наша курица просто красавица. Она белая, с небольшим красным хохолком. Очень аккуратным. Она каждое утро баловала нас яйцами. А весной вдруг не стало яиц. Место нестись у неё хорошее, а она туда не стала садиться. И мама дала мне задание проследить, куда же она яйца прячет. В один из весенних дней я не повела Ивука в садик, а пошла за хохлаткой. И выследила! Посередине картофельной грядки, прямо между кустиками, лежало шесть яиц. Видимо, курочка наша захотела вывести цыплят.

Собрала я эти яйца в подол и домой занесла. Велела Ивуку переложить их в тарелку. Он стал перекладывать, и одно нечаянно разбил. Что делать? Перелили в чашку, посолили и выпили. Очень вкусно! Второе разбили и выпили. И третье так же. А когда не осталось ни одного яйца, я испугалась:

– Ивук, а маме что скажем?

– Не знаю.

– Давай скорлупу за шкаф спрячем, никому ничего не скажем.

– Давай!

– Только смотри, не проговорись маме, что мы яйца съели.

Бросили скорлупу за шкаф, думали, мама сюда никогда не заглядывает. А она как раз вечером начала там прибираться. И всё раскрылось.

Я как раз в это время играла в куклы на улице под окошком. Ивук был дома. Слышу, мама спрашивает:

– Ивук, это ты яйца съел?

Я замерла. Интересно, что брат отвечать будет.

– Нет.

Мама:

– А скорлупу куда спрятал?

– За шкаф.

Я не выдержала и рассмеялась. Вот тебе и обманули! Маму разве обманешь?

Зашла и всё рассказала. Боялась, что мама будет ругать, но она промолчала.

И ещё раз мы попробовали соврать. Почтальон принес газеты. Ивук разыгрался и нечаянно одну порвал. Перепугался. Ведь папа может очень сильно рассердиться. И решила его выручить:

– Давай в печку затолкаем и никому ничего не скажем. Никто нам ничего не приносил.

Скомкали газету и кинули в печку, и она там сгорела.

Только отец пришёл с работы, Ивук ему навстречу:

– Папа, мы твою газету порвали и в печку бросили!

Я так и села. Вот и выручай брата. После этого случая дала себе слово, что не буду больше врать никогда.

С тех пор мы начали подшучивать над Ивуком. Нарочно говорим: не говори папе про то или про другое.

Придёт отец с работы, а Ивук так и вертится рядом, так ему рассказать охота про то, что нельзя рассказывать. Рот ладошкой прикрывает, а слова как будто наружу торопятся, толкают друг дружку. Отец сразу догадывается, что для него секрет приготовлен. И правда, Ивук проговаривается.

Так братик и не научился хитрить. Мама говорит, что хитрят плохие люди. Значит, Ивук вырастет хорошим. Он уже сейчас очень хороший. Правда-правда.

«Имя существительное»

Ох, и досаждаю я иногда Ивуку! Однажды уроки учила. Сижу, бубню по-русски:

«Имя существительное – это часть речи...»

А Ивук машины по полу гоняет. И так завидно мне стало: везёт, думаю, Ивуку. Играй, сколько хочешь, никаких уроков. И захотелось его подразнить:

– Ивук!

– Что?– Ивук останавливает машинку и глядит на меня снизу вверх большими тёмными глазами.

– Ты – имя существительное.

– Что-о?

– Ты – имя существительное!

– Я? Не-ет, – брат решительно замотал головой.

– Встань с полу, имя существительное, – строго приказываю я.

– Я это... не это... – испуганно отвечает брат.

– Да вот, смотри, в книге написано.

– Где? Покажи! – Ивук забыл про свои машинки.

– Вот же, – пальцем показываю в учебнике, – видишь, жирным выделено? Здесь написано, что ты – имя существительное, одушевлённый предмет.

– А ещё что? – со злостью выкрикнул брат.

– Ничего.

– Сама ты имя существительное! – замахнулся на меня Ивук машинкой. Вот-вот ударит.

Мне стало смешно, надо бы остановиться, а я уже не могу.

– Правильно, я тоже. Но и ты тоже!

– Я – нет, – братишка вдруг горько расплакался.

А я знай себе смеюсь-заливаюсь. Именем существительным брата называю, одушевлённым предметом. И я ведь права! Так в книге написано! Мне смешно, а ему обидно! Но ведь я не виновата, что так оно и есть.

– Ну, слушай, – хочу уже его успокоить, жалко мне братика. – Задаю вопрос: кто это? – показываю на брата пальцем. – И отвечаю: это Ивук. Правильно?

Брат кивнул.

– Ну вот. Если можно так спросить о ком-нибудь – значит, это имя существительное, одушевлённый предмет. Такое правило. Понял?

Но Ивук не хочет ни понимать, ни слушать. Он плачет, и никак не может успокоиться.

Ивук – старший брат

Весной у нас на Севере не то что зимой – всю ночь светло. Небо чистое, голубое, без единого облачка. Солнце допоздна светит. Холмы уже все обсохли, на них показалась трава. В низинах вода ещё не успела испариться после бурного таяния снега.

Весело! С Таней Маленькой резвимся, брызгаемся водой из ручьёв. Можем так до самой ночи бегать, если бы домой не звали.

Захожу домой. И никак не пойму, что тут случилось. Ивук лежит на кровати и опять плачет, а над ним папа и мама, усмеваются и что-то ему объясняют.

– Тоня, – говорит мне мама, – скажи что-нибудь брату. Он не согласен быть младшим. Спрашивает: почему Тоня старшая? Теперь он хочет быть старшим.

Я чуть не засмеялась. А Ивук тише плачет. Наверное, хочет услышать мой ответ.

– Что, Ивук, правда, старшим быть хочешь? – спрашиваю у него.

– Хочу! Теперь я старший, я! А ты будешь младшей сестрёнкой. Я буду до ночи на улице бегать, а ты по телевизору «Малышок» посмотришь, и спать ляжешь.

Смотрю я на брата. Он лежит на кровати маленький, худенький, глаза в пол-лица, и ревёт. Старший брат, как же! Очень похоже!

– А старшие братья не плачут.

Ивук сразу замолчал. Только всхлипывал потихоньку, видно, давно уж плакал.

– Я согласна. Будь старшим братом. Только всё, что я по дому делаю, теперь ты будешь делать, ага?

Назавтра мама разбудила меня рано-рано, корову на выпас проводить. Я уже хотела выйти, да вдруг вспомнила вчерашний уговор. Разбудила Ивука:

– Вставай, старший брат, дело есть.

– Какое дело?– Ивук глаза протирает.

– Сюрук на луг провожать. Ты ведь теперь старший?

– Да! А куда надо провожать?– брат на всё согласен.

– До конца деревни.

Дала ему в руки вицу, иди-иди, а я ещё посплю-поваляюсь, я же младшая сестрёнка. Ивук коров боится, но пошёл. А тут ещё бабушка Вера у забора увидела его и хвалит:

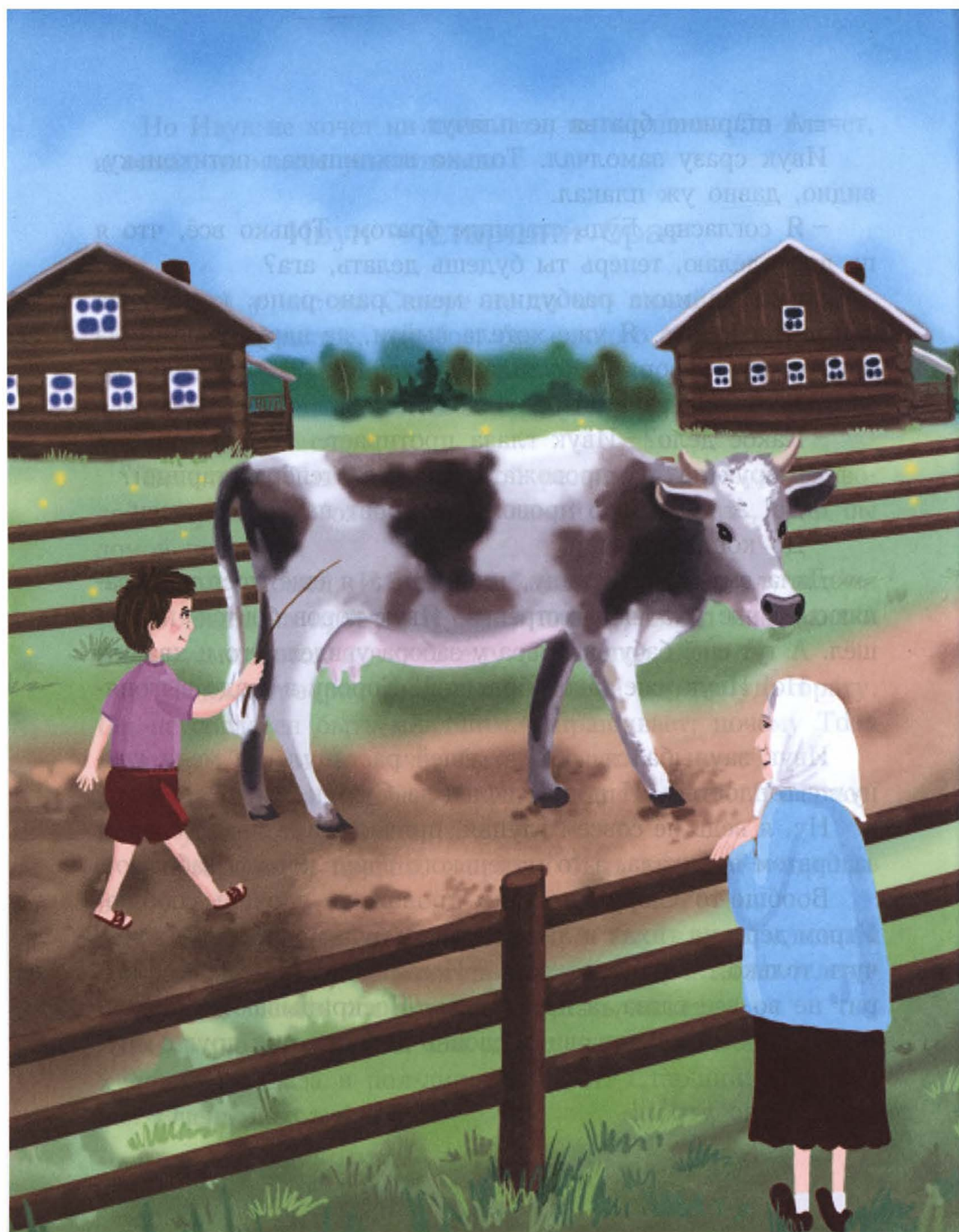
– Но! Ивук уже такой большой! Корову в стадо выгоняет!

Ивук заулыбался, рот до ушей растянул, на меняглянул с гордостью. И пошёл вслед за Сюрук.

Ну, я ведь не совсем глупая, прячась за домами, следом за братом побежала, а то маленького вдруг коровы забодают.

Вообще-то Сюрук в стадо провожать я очень люблю. Утром деревня тихая и ласковая, как будто спросонок, чуть-чуть только глаза приоткрыла. И солнышко на землю смотрит не во все глаза, а прищурясь. Поскрипывают калитки, мычат коровы, блеют овцы, словно здороваются друг с другом.

Хорошо утром!

Последила за Ивуком, а когда он повернул домой, огородами раньше него вернулась.

Прибежал Ивук, давай свои машины гонять. Я тут как тут:

– Посуду мой.

– А ты?– недовольно произнёс Ивук.

– А я младшая сестра, я машинками поиграю.

Легла на пол, как он часто делает, и стала машины туда-сюда рукой водить.

– Не трогай!– Ивук кричит.

– Почему это?– спрашиваю.– Ты ведь школьник теперь, собирай книжки, тетради, скоро в школу идти.

– Я не знаю, какие книги брать надо.

Показала, какие у него сегодня уроки. Сложил всё, что я велела, в портфель.

– Теперь иди. А по пути меня проводи в детский сад. Я сегодня самую красивую машину с собой возьму, в группе играть,– и беру в руки его любимый грузовик.

– В школу я не пойду,– говорит брат, насупясь.

– Как это не пойдёшь? Мы же вчера поменялись. Ты – в школу, я – в детский сад.

– В школу я не пойду.

– Почему?

– Портфель тяжёлый.

– Ну и что? Ты ведь старший.

– В школу не пойду. Я там не сумею.

– Научись. А я буду машинку катать взад-вперёд. Тоже научусь.

– Я сам пойду в детский сад.

- Не надо было меняться.
- Я ведь только на вечер.
- Только на вечер я сама не согласна.

Так Ивук и не стал старшим братом. А вот я в самом деле хотела бы стать младшей сестрой, чтобы со мной все ласково разговаривали, чтобы меня любили, как Ивука. Но я-то знаю, что это невозможно.

Проспали

– Тоня, вставай, – слышу сквозь сон мамин голос. – Слышишь? Я на сенокос еду. Вставай, отведи Ивука в садик, а то опоздаете.

– Ага, – я повернулась на другой бок, чтобы поспать ещё самую малость.

А когда проснулась, глянула на часы и ахнула: часы показывали десять.

– Ивук, вставай, в садик опоздали! – тормошу его я.

Он сел на кровати и скривил лицо. Вот-вот заплачет.

– Быстро одевайся! Чего рожи корчишь?

– Надо было раньше разбудить. Как я в садик пойду? Воспитательница всегда ругает тех, кто опаздывает.

– Ничего с тобой не будет, ну, поругают маленько. Нечего было взрослое кино ночью смотреть!

– Да-а, все смотрели!

Верно, вчера я упросила маму, чтобы она разрешила мне посмотреть «Полосатый рейс». Хохотали до слёз.

И вот, проспали.

– Давай я сегодня не пойду в садик, – ноет Ивук.

Я молчу – думаю.

– Всё равно ведь опозда-али!

– Мама будет ругать.

– А она не узна-ает.

– Как это не узнает? Обманывать нехорошо.

– Не будет ругать. Мы не винова-аты!

– Ну, ладно. Чур, тогда меня слушаться. Не будешь слушаться – всё, больше дома со мной никогда не останешься.

– Буду слушаться, буду! – Ивук радостно запрыгал на кровати.

Понимаю, Ивуку садик надоел. У меня уже два месяца каникулы, а у него каждый день садик, садик. Скучно.

Вышла на крыльцо. День погожий, тёплый. Солнечно и тихо. Только слышно, как в траве кузнечики стрекочут да лёгкий ветерок ласково треплет волосы. Слышен душистый запах просыхающего сена. Его вчера под окном скосила мама.

Сегодня она не разбудила меня даже Сюрук проводить, пожалела. Но ведь какие-то дела остались...

Вынесла в ковшике воду, наполнила корытце цыплят, открыла калитку в загончик. Цыплята наперегонки кинулись на волю, на травку. Насыпала им зерна, положила в тарелку немного творога.

Я люблю ухаживать за этими пушистикami: кормить, поить, чистить корытце. А наблюдать за ними как интересно! Клюют, ищут чего-то в земле, спорят между собой, что-то отбирают, иногда даже дерутся! Ну вот, опять... Цыплята постарше опять начали клевать мою ногу пониже икры. И ведь каждый день так! Иногда даже до крови клонут!

Торопливо выхожу из загончика, закрываю калитку и смотрю на свою ногу. Так и есть: петух клюнул так сильно, что по ноге струйкой течёт кровь.

– Тащи вату!– кричу выходящему из дому Ивуку.

Обтёрла ногу и говорю брату:

– Ивук, посмотри, почему они меня в это место клюют! Что там у меня?

– Да там же родинка!– засмеялся брат.

– Родинка?

Бегом домой, ставлю на пол зеркало и смотрю на много-страдальную ногу. Точно! Маленькое коричневое пятнышко. Как зёрнышко. Вот почему им моя нога нравится! Что ж, придётся это место как-нибудь прятать от них, бинтовать, что ли. А то совсем выключают родинку-зёрнышко.

– Ивук, я пойду у Тани спрошу, собираются они на речку или нет. А ты пока цыплят посторожи.

– Ладно.

Прибежала обратно, а цыплята уже под крыльцом в загончике.

– Почему ты их загнал так быстро? Ведь они же не нагулялись!

– Я побежал за дом,– рассказывает Ивук,– на огороде червей накопать. Собираю их в банку, слышу: пищат. Кинулся сюда, а это наш Чиган цыплят гоняет. Я его прогоняю, он не уходит. Я его на руках вынес. Пришлось загнать, а то он ведь их, Тоня, слопаёт!

Чиган сидит на крыльце и слушает, что там такое о нём говорят, глазки щурит.

– Ладно, – говорю, – давай быстрее собирайся, мы на речку идём. И обе Тани тоже идут.

– Ура! – закричал Ивук. – У меня, Тоня, всё готово, и удочки, и крючки, и червячки, – показывает своё богатство.

Я рассмеялась.

– Чего смеёшься? – обиженно спрашивает брат.

– Ой, сейчас умру со смеху! Кто же в полдень рыбу ловит?

– Я буду ловить.

– Людей насмешишь!

– Отец мне удочку смастерил, а я ещё на рыбалку ни разу не ходил, – объясняет брат, – так ведь и лето пройдёт.

– С отцом когда-нибудь и сходишь.

– Нет, Тоня, я возьму удочку.

Ивук сказал это твёрдо, как взрослый. И я поняла, что сейчас спорить с ним не надо.

К речке

Ивук весело спустился с крыльца и начал рассматривать удочку. Я забежала в коридор, вышла в сарай. Там в пластмассовой ванне у нас лежит нестиранное бельё. Порылась в куче, чтобы найти какую-нибудь маленькую вещь – с собой взять постирать, но ни моего, ни Ивука ничего не нашлось. Уже целую неделю стоит хорошая погода, а мы, девчонки, никогда с пустыми руками на речку не ходим. Каждый день берём грязное бельё, стираем в речной воде, полощем. Там же, у речки, сушим, развесив на корягах или расстелив на траве. Обратно сухое и чистое домой несём.

И вот мелкого уже ничего не осталось. А без дела чем будешь заниматься целый день у реки?

Взяла отцову рубаху, мамину юбку и платье, ну ещё две наволочки в таз положила. Целый воз в одном тазу! Стиральный порошок не забыть. Ещё что? Покушать – две бутылки молока себе и брату, два ломтя хлеба, два варёных яйца. Лук с огорода – всё это в целлофановый пакет, а потом и в сумку.

Сумку – Ивуку, себе – таз. Вышли за калитку.

– Тоня, а где Руч? – спрашивает Ивук.

– Как всегда – с отцом на лугах.

Вот и Таня Маленькая. Ей хорошо! У неё много братьев и сестёр, и все младше её. У неё всегда есть, что постирать. Танин таз тоже доверху наполнен.

А у Тани Большой в руках только красивая, с красным орнаментом поверху, сумка с обедом. Стирать ей бабушка не разрешает.

– Везёт вам, – говорит Таня Большая.

Таня Большая и Таня Маленькая

У меня две самые лучшие подружки – Таня Большая и Таня Маленькая, я уже говорила. Таня Большая – моя ровесница, а Таня Маленькая на год младше.

В деревне не принято называть людей по фамилиям, а ведь надо подруг так называть, чтоб не запутаться. Обычно у нас перед именем человека называют имя деда и отца. Например, меня звать Иван Микулай Тоня. Так меня будут звать, когда я вырасту. Сейчас я просто Тоня.

Наш дом большой и широкий, с зимней и летней половинами. В доме одно крыльцо, один коридор. В одну сторону по коридору – летняя половина, в другую, северную, – зимняя. Понятно, зимой мы в зимней живём, летом – в летней.

Рядом с нашим домом – дом Тани Маленькой, высокий и узкий. Может, потому он кажется высоким, оттого, что узкий. Она живёт с родителями, братьями и сёстрами. Дом обшит и покрашен. У них нет двух половин, как у нас, у них дом современный. А у Тани Большой домик приземистый, старый. Она живёт с дедом Опонем и бабушкой Верой. Мама её живет в городе. Раньше Таня всегда жила с бабушкой и дедушкой, а как пришло время в школу идти, мама забрала её в город. Сейчас Таня Большая – городская, в деревню приезжает только на каникулы. Таня Большая полненькая, у неё платья в обтяжку, платья все красивые – городские, шелковые. Таня Большая говорит, она потому полненькая, что до шести лет молоко сосала из соски. Волосы у неё тёмно-каштановые, заплетённые в две косы.

А Таня Маленькая очень подвижная, шустрая, глаза у нее насмешливые и бойкие.

В дождливые дни мы любим играть у Тани Большой. У неё море городских игрушек. Самое главное богатство – книги в большой картонной коробке. Мама их в городе покупает. Таких книг даже в нашей школьной библиотеке нет. Поднимет Таня Большая коробку с книгами на лавку, и мы целые дни можем рассматривать яркие картинки и читаем друг другу вслух.

Мы с Таней Маленькой любим приходить к Тане Большой ещё и потому, что у неё замечательные дедушка и

бабушка. Дедушка Опонь весь седой, с запавшими голубыми глазами. Лица почти не видно из-за бороды и усов. Он очень любит над нами подшучивать, а мы — смеяться над его шутками. А иногда он рассказывает о старине, о колдунах всяких, даже об орте*. Так расскажет, что мы боимся потом из комнаты выходить. Бабушка Вера на него сердится:

– Пугаешь, старый, детей.

Но нам нравится! Как только бабушка Вера куда-нибудь уходит, мы к деду Опоню:

– Расскажи что-нибудь, дедушка!

Он когда расскажет, когда нет, смотря какое у него настроение.

Бабушка Вера очень добрая. У неё синие глаза, смуглое лицо и очень красивая фигура – прямая, стройная. А ведь она уже старая! Улыбается ласково. Угощает нас то колобками, то шаньгами, то пирогами.

Мы завидуем Тане Большой, что у неё есть такие дедушка и бабушка.

Рассказ деда Опоня

На крыльце дома Тани Большой сидим мы, три подружки, и дед Опонь.

– Дедушка Опонь, а ты в молодости каким был?– спрашивает бойкая Таня Маленькая.– Сильным?

– Я и сейчас не слабый!– дед улыбается в усы, хитро прищуривается.

* *Орт* – (по поверьям коми) двойник человека.

– Как же, сильный! – смеётся Таня Маленькая. – Ты же с палочкой ходишь!

– Ну и что – с палочкой? Силы во мне нисколько не убавилось.

– Обманиваешь!

– Нисколько. Вон там возле церкви большой камень видела?

– Да-а, – тянем все трое.

– Этот камень я в молодости не мог поднять, и сейчас не могу.

Мы громко хохочем.

– Дедушка, а я тоже сильная, – Таня Маленькая сгибает руку и напрягает мускулы, – попробуй, какие твёрдые.

Дед Опонь пробует пальцами Танины мускулы и говорит:

– Ничего. Уже как щучье пузо.

Таня рдеет от его слов, с гордостью смотрит на нас, прижимается к деду Опоню и просит:

– Про старину расскажи, дедушка.

– Дак чего уж о ней вспоминать...

– Расскажи, дедушка, – просим мы хором.

– Ну ладно, так уж и быть. Слушайте, шёлковые косички. Мотайте на ус, зарубите на носу... Было это так давно, когда на три деревни был один топор.

– Как это – на три деревни один топор? – не верю я.

– А вот так. Один. На три деревни. Сначала в одном селе рубят, колют, затем в другую передают, затем в следующую.

Очень это забавно – один топор на всех! Мы смеёмся. Затем успокаиваемся и просим рассказывать дальше.

– Жили-были свободные коми люди посреди Пармы, вдоль берегов рек, – размеренно, серьёзно начинает дедушка Опонь. – В реке, в парме ловят-добывают, ни царей, ни указов не знают. Живут вольготно. А что же ещё человеку надо?

Как-то до них чудная весть дошла. То ли цапля на крыле принесла, то ли прохожий-калик рассказал. Из города Пыраса* много лодок по реке поднимаются, русские люди идут.

Народ приутих, дивуются: с добром или со злом люди сюда направляются? Из густых зарослей следят за ними зоркие охотники. Видят: в первой лодке человек стоит в красном шелковом платье, с длинными черными волосами, а на груди у него большой крест.

А это Степан Храп в лодке плывет, позже его Пермским прозвали. После совета с Дмитрием Донским плывёт Степан Храп коми людей в русскую веру обращать.

Прибыли лодки к Емдину, к месту, где сливаются две реки – Эжва-Вычегда и Емва-Вымь. Вышел на берег Степан, а с ним красны молодцы. Поднялись на кручу, осмотрелись и чудо чудное увидали.

На берегу стоит высокая раскидистая берёза. И добра на той берёзе не счесть, всё дорогое, добротное: шкурки соболиные да песцовые, крашенные холсты, расшитые красными узорами полотенца. Удивляются молодцы. Взялись за руки, дерево меряют, пять человек не смогли обхватить.

Понял Степан, что непростое это дерево, а священное. Что поклоняется этому дереву коми народ. И надумал он

* *Пырас* – Котлас (по-коми).

его порубить, а место поклонения – разрушить. Это чтобы веру свою коми народ позабыл.

Рубит, рубит, пот с него градом течёт, силушка его убывает. Устал. Думает: завтра снова продолжу. Лёг спать. Утром встаёт и видит: цело дерево, словно его и не рубил никто, все ветки снова срослись. Как прежде стоит-красуется.

Опять взялся Степан за топор, рубил до позднего вечера, до изнеможения, до упаду. Опять сил не хватило за день срубить, упал как подкошенный.

Утром глянул: стоит, как прежде, берёза священная. Рассердился Степан: да что такое, нет, сегодня, пока не свалю, не перестану рубить. Рубил да рубил, рубил да рубил, вечернее солнышко уже глаза закрыло, спать покатилося, вечерняя заря погасла, ночь настала, а всё рубит Степан священное коми дерево. Взмахнул последний раз топором, опустил изо всех сил на берёзу священную. Вздригнуло дерево, хрястнуло и ухнуло-упало. И такое высокое было это дерево, что вершина его достала до противоположного берега Емвы-реки.

– На этом месте церковь построим, – решил Степан.

– Не торопись, – произнёс кто-то за его спиной.

Обернулся Степан, а за его спиной человек. Небольшого росточка, коренаст. Немолод. На голове соболья шапка, обувь из кожи, на плечах лаз*.

– Ты кто такой будешь? – спрашивает Степан. А он умел говорить по-коми.

* Лаз – кожаная охотничья одежда наподобие жилета.

– Я – Пама, сердце и ум коми народа. А ты кто такой? Смотрю, не с добром ты пришёл на нашу землю. Зачем наше священное дерево срубил?

– Я – Степан, – отозвался приезжий. – Принёс вам, коми, новую веру, христианскую.

– У нас своя вера. Другой нам не надобно.

– А давай поборемся, – предлагает Степан. – Ты победишь – со своей верой останетесь, я – мою примите.

Стали перетягиваться на палках. Сели друг против друга. Ногами друг дружке уперлись, поплевали на ладони и за палку взялись. Из всех сил тянут каждый в свою сторону. Поднатужился Степан и – раз, чуть Паму через голову не перебросил.

Ветер поднялся, шумит Парма, за Паму переживает.

– Ну, ладно, один раз ты победил. Давай теперь по-другому тягаться, – предлагает Пама.

Договорились обежать вокруг озера – кто быстрее?

Степан – молодой, крепкий, бежит, как поёт, а Пама отстал, пыхтит сзади, задыхается. Уже не молод Пама. Опять Степан победил.

А Парма шумит по-прежнему. За сына своего, за Паму, переживает.

– Ладно, – говорит Степан. – Бог троицу любит. Третий раз поборемся. Давай через костёр прыгать.

Разожгли Степановы молодцы большущий костёр. Разбежался Степан и через огонь перепрыгнул. Очередь Памы прыгать. Разогнался старик, прыгнул и – прямо в середину огня угодил. Костёр слизнул его, как щепку.

Застонала Парма, ухнула земля – Пама, сердце и ум
коми народа, сгорел.

А Степановы люди стали коми людей из-за деревьев
ловить, и в реку Емву-Вымь сталкивать. Там и окрестил их
Степан, обратил в новую христианскую веру.

– Не бойтесь меня, коми люди, – обратился к ним Сте-
пан, – от имени своего Бога благословляю вас жить и пло-
диться на этой земле, а Бог будет беречь вас от огня и воды,
от горя и напастей.

По-новому стали жить коми люди. Кто покорился Сте-
пану, остался тут, кто не хотел и Паму помнил – ушёл в
леса дальние, а кто-то и вовсе заживо себя в ямах похоро-
нил от горя. Раньше молились люди берёзе священной,
солнцу и месяцу, деревянным идолам. А теперь стали в
церковь ходить, да поклоны иконам класть, привезённому
Богу молиться.

– Тогда и церковь в нашей деревне построили, дедушка
Опонь? – спрашиваю я.

– Нашу церковь гораздо позже построили. Твой праде-
душка строить начал.

Дед Опонь помолчал, потом наклонился к Тане Ма-
ленькой и спрашивает:

– Жалко тебе Паму?

– Жалко, – тихонечко сказала Таня, – я чуть не заплака-
ла.

– А чего плакать, – задумчиво спросил Опонь, – давно
это было...

Весёлая пора

Мы спускались к реке лугами, поросшими травами, цветами, в которых трещали кузнечики. Над цветами с жужжанием летали пчелы.

— Тоня, дай я твой таз понесу,— попросила Таня Большая.

— Опять тебе ничего не дали?

— Видишь ведь. Целое утро перетягивались моим платьем. Не дала бабушка. Не отстирается, говорит, в речке. У Тани Маленькой отстирается, а у меня нет... А ты вон даже взрослое взяла постирать. Дай немножко понесу.

— Бери,— я дала ей свой таз, а сама взяла её красивую, с бубенчиками и темно-красным ободком сумку. В нашей деревне ни у кого такой сумки нет. Я с удовольствием несую её, а Таня Большая с удовольствием несёт мой таз. Ей ведь тоже хочется стирать. Стирать, полоскать, развешивать, сушить. Обидно, когда тебя считают маленькой и ничего не доверяют. Конечно, мы позволим Тане Большой помогать нам, но я понимаю, это совсем не то.

На склоне холма полакомились мелкой земляникой. И вот, наконец, пляж. Горячий песок обжигает ноги. Его как будто кто-то рассыпал щедрой рукой между водой и мокрым местом, где растёт кустарник.

Сначала мы бельё замочили. Пусть мокнет хорошенько, легче отстирается. А сами разделись и бултых в воду! Плавать никто из нас не умел, поэтому бултыхались у самого берега. Скоро Таня Маленькая и Ивук замёрзли, губы у них посинели, кожа покрылась гусиными пупырышками,

они стучали зубами. Это потому, что они худенькие. Пришлось выгнать их на берег греться на горячем песке. Дольше всех купалась я. Мне так нравится плескаться в воде, хоть вообще не выходи. Но одной скучно. Три раза искупались, потом пообедали, и наконец, начали стирать.

А Ивук решил порыбачить. Отошёл к причалу, где теснились лодки. Некоторые лодки тёрлись бортами друг о друга в воде, другие, перевёрнутые, лежали на берегу. У причала поглубже. Ивук закинул удочку и замер. Мальки подплывали к самым ногам брата, но клевать на его червяка никто не хотел. Поплавок уплывал по течению, тонул, Ивук резко выдёргивал леску и задумчиво смотрел на пустой крючок.

Тут же возился со своей лодкой дядя Иван. Они с нашим папой дружат, и мы его хорошо знали. Живет дядя Иван не в деревне, а на кордоне. А когда приезжает в деревню, всегда заходит к нам.

Таня Маленькая постирала своё бельишко и всё покидала в воду – пусть полощется. А сама стала плескаться. Держится за край пустого таза и ногами, как пароход, булькает. Плывёт! Мне тоже так захотелось. Перевернула в воду своё бельё и так же плыву. Потом свой «корабль» Тане Большой отдала, пусть тоже поплавает. А сама на песке прыгаю.

Весело!

Из-за поворота показался теплоход. Сейчас будут волны. Самое замечательное на реке – качаться на волнах. Жалко, что таз Тане Большой отдала. Да ладно, не буду же отнимать. Это нехорошо. Пусть она покачается.

Вон как здорово их качает. Девчонки визжат от удовольствия. Вдруг вижу – что-то вдоль берега плывёт потихоньку. Далеко уже уплыло! Да это же бельё Тани Маленькой! Смыло волной!

– Таня, бельё спасай!– крикнула я, и первая бросилась ловить рубашонки и майки. Шёлковое платье младшей сестрёнки дальше всех унесло, еле поймали. Хорошо, что у берега мелко. А потом придумали играть наволочками. Они могут надуваться, как паруса! Таня Маленькая побежала по берегу с мокрой наволочкой, а когда она надулась ветром, бросилась в воду. Руками за надутую наволочку держится и не тонет.

И вот бельё выполоскано, и мы накупались вдоволь.

– Ивук! Мы на луг – бельё сушить!– крикнула я. Надо предупредить брата, чтобы не волновался.

Песок стал таким раскалённым, пришлось даже обуться. Перешли песчаную россыпь, и расстелили на траве постиранные вещички.

– ...оня!– услышала я с реки через некоторое время.

Кто же это может кричать? Голос взрослый, мужской. Ах, это же дядя Иван! Наверное, закончил ремонт. Точно – вон он на середине реки плывёт в своей лодке. Что-то ещё кричит. И рукой машет. Куда-то вверх по течению показывает. Эх, жалко не слышно, ветер его голос в другую сторону относит.

– Что-о? Что-о?– кричу в ответ.– Не слы-ышу!

– И-у-а-о-а!

– А,– я махнула рукой и проворчала.– Кричи, кричи, всё равно ничего не слышно... Раньше надо было говорить, когда я на берегу была.

И я тоже махнула дяде Ивану рукой. После этого дядя Иван сразу завёл мотор, он взревел, и лодка рванулась вперёд.

Вернулись на берег. Там интереснее, возле самой воды. Снова в воду бросились. Брызгаемся, на руках «плаваем», прыгаем.

– А Ивук где?– вдруг спросила Таня Большая.

Так весело было плескаться, что я совершенно забыла про брата.

Я взглянула в сторону причала.

Ивука не было.

Ивук пропал

– Ивук!– я бросилась к причалу.

Никого нет. Только лодки, и вода плещет в их борта. Брата не видно.

– Ивук!

– Ивук! Ивук!– мои подружки тоже подбежали.

Удочка Ивука воткнута в песок.

Мы заглянули под каждую перевёрнутую лодку. Вдруг брат дурачится и спрятался от нас там.

– Девчонки, вы сбегайте к васьпьянским, а я к шадринским,– скомандовала я.

Эти ребята играли по обе стороны от нас.

Сбегали. Ивука не было и среди них.

«Где брат?– эта мысль не давала покоя.– А может, домой побежал?»

Я помчалась к дому. Раскалённый песок жёг ноги, но теперь я не обращала на это никакого внимания, некогда

было за обувью возвращаться да обуваться. Задыхаясь от бега, взмахиваю на кручу по узенькой тропке, бегом вдоль лугов, быстрее, быстрее... сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Как же это я? Разве можно было маленького брата одного оставлять?

В дверном кольце торчала палка – тас. Знак того, что дома никого нет. Я воткнула палку в кольцо утром. Значит, Ивук не приходил. Но всё же зашла в дом, позвала брата. Тишина. Обошла дом, заглянула в пристройки. Нет Ивука!

Вернулась к реке. Стою на круче и рассматриваю широко раскинувшуюся песчаную косу. Вот подружки. Ивука нет с ними. И возле лодок никого. Пугающе торчала оставленная Ивуком удочка. Ниже по течению играли васьпийские дети, выше – шадринские. Знакомой худенькой фигурки брата нет нигде!

Поплелась к девчонкам. Торопиться уже не было нужды.

– Ну, что? – хором спросили Тани.

– Нигде нет, – помотала я головой.

– Давайте еще под лодками посмотрим, может, спрятался от нас и уснул, – предложила Таня Маленькая.

Опять пошли к лодкам, всё облазили. Никого. Девочки молчали. «Что же, утонул?» – мелькнуло в голове. Я как могла дольше гнала эту мысль от себя. И вот, пришлось на этой мысли остановиться. И почему я его с собой взяла на речку? Почему за ним не смотрела? Как так может быть – был Ивук, и нету Ивука! Около сердца появился холодок, как будто я провалилась в пропасть. «Нет, этого не может быть», – успокаивала я себя. Но мысль о том, что брат уто-

нул, уже никуда не девалась, а наоборот, всё глубже сверлила мне голову.

– ...Утонул?– произнесла я вслух страшное слово.

Девочки молчали. Ни одна не возразила! Значит, думали о том же.

Ноги мои подкосились, и я как-то неловко повалилась на песок, больно закусив нижнюю губу. «Что будет? Как же без Ивука? Что маме скажу? Я виновата, я. Не отвела в садик, взяла на речку, потеряла...»

Лежу на песке ничком, ни рукой, ни ногой пошевелить не могу, как будто я вся окаменела. Слез не было.

Солнце закатывалось за деревню. Группками, одна за другой, домой потянулись дети. Остались только мы трое. Молча думали об одном и том же. Как мы в деревне покажемся? Что скажем? У меня разболелась голова, словно по ней молотками били. Чего-то ждали, какого-то чуда. Вот появится Ивук – жив-здоровёхонек. Но разве чудо бывает?

А без Ивука нам домой никак.

С кручи раздался знакомый голос:

– ...Т-а-аня!– это бабушка Вера пришла искать внучку. Стоит под тёмными пихтами, что растут на круче, и зовёт Таню Большую.

Таня Большая махнула ей рукой: мол, иди домой. Но бабушка не уходила, видимо, ждала, пока внучка поднимется. Мы не двигались. Бабушка Вера села на круче и стала терпеливо ждать.

– С сенокоса возвращаются,– Таня Маленькая посмотрела вверх по течению.

Из-за поворота реки показалась большая совхозная лодка.

«Что сейчас маме скажу? Что потеряла брата?» – из моей нижней прикушенной губы потекла кровь. Лодка подъехала к причалу. Я отвернулась, чтобы не встретиться взглядом с мамой, чтобы отложить эту встречу как можно дальше.

Тани же смотрели на приплывших. И вдруг воскликнули в один голос:

– Ивук!

И бросились к берегу.

Я взглянула в сторону лодки и сразу увидела брата. Он стоял на носу лодки рядом с мамой и улыбался как ни в чём ни бывало. Я так на него взглянула, что его улыбочка сразу исчезла.

– Ивук! – я тоже помчалась к причалу.

Пока я бежала, Ивука перенесли на песок.

– Ивук! Ты живой? – я подбежала к брату, я его трясла, ощупывала, а потом прижала к себе. А потом... а потом я разревелась.

– Что случилось? – всполошились взрослые.

Ивук вырвался от меня, отбежал в сторону и стал смотреть на меня с удивлением. А я всё плакала – навзрыд, и никак не могла остановиться.

– Тонюк, что с тобой? – ко мне подошла мама, стала гладить по голове. – Перестань, успокойся.

Я ничего не могла ответить, всё ревела и ревела. Видимо, со слезами выходило моё горе.

А двум Таням мои слёзы смешными показались. Смешно. Чего плакать, когда надо радоваться, – думали обе.

И так мне обидно стало, что меня никто, никто не понимает.

– Вы... вы... смеётесь над чужим горем! Я с вами больше никогда не буду водиться!– зло крикнула я девчонкам.

Подружки перестали смеяться.

– О-о!– сказала бойкая Таня Маленькая.– Очень ты нам нужна, рёва-корова.

И они опять рассмеялись.

– Без причины плачет, горе зазывает,– добавила Таня Большая.– Дурочка.

– Вы... вы сами,– я толкнула одну, потом другую и бросилась к дому.

Вспомнила про бельё, вернулась, собрала уже высохшие вещи с травы и поднялась на кручу.

– А что же наша Таня не идёт?– спросила у меня бабушка Вера, которая всё ещё ждала нас под пихтами,– застряла там, что ли?

– Придет,– буркнула я и направилась к дому. Поднялась на луг, покатый в южную сторону, и обернулась.

Девчонки, рабочие, приехавшие с лугов, мама с Ивуком остались далеко позади.

Вечером, когда я уже успокоилась, узнала от Ивука, что на сенокосный кордон взял его с собой дядя Иван. Показал свой дом, лабаз для охотничьих припасов. А вечером он на лодке привёз его на сенокосные луга, к маме.

Мама поругала Ивука, что он без спросу уехал с дядей Иваном. Но Ивук ответил, что дядя Ваня предупредил меня. Только сейчас я поняла, что кричал мне со своей лодки дядя Иван.

Ивук снова плачет

Мы с братом спим в одной комнате. В ней два окна, она довольно просторная, светлая. Весной и летом, когда у нас белые ночи, я сижу у окна и читаю. Здорово, никакого света не надо. А сейчас, в начале августа, ночью уже темно. Как здесь прохладно, хорошо после жаркого дня. Ляжешь на чистую постель, укроешься тонким одеялом. Так спокойно становится. Особенно сегодня, после такого дня. Ивук уже спит. Счастливый. И на кордоне у дяди Ивана был, и на лодке прокатился. Я сколько раз просила отца, чтобы он меня на кордон свозил, он только всё обещает:

– Съездим, съездим...

Обещалкин. А вот Ивук уже побывал.

Хоть бы завтра не проспять. Только бы снова Ивук в детский сад не опоздал. А то опять что-нибудь случится. Да и мама нас спящими уже не оставит ни за что. Она так вчера всполошилась из-за моего плача.

Вдруг слышались какие-то звуки. Сдерживаю дыхание и прислушиваюсь. Кажется, братик плачет. С чего бы ему плакать? Наверное, сон приснился.

– Ивук, что случилось?– шепчу.

Замолчал, потом снова захлюпал.

– Ивук, что случилось?– уже громче спросила я.

– Лосей жалко,– проговорил братишка.

– Каких лосей?

– Да... у которых рога отпилили.

– Где ты видел таких?

– Я не лосей, я рога видел.
– Где?
– В сарае дяди Ивана.
– Ну и что? И у нас такие на стене висят. Их тоже дядя Иван подарил.
– А там много в сарае... жалко лосей...– Ивук опять всхлипнул.
– Ты что, думаешь, лосей убили?– спрашиваю у брата.
– А то как же... как же с них рога снимешь?
Я представила большой сарай, а там рогов видимо-невидимо... Мне тоже стало не по себе.
– Полный сарай?– уточняю я.
– Ну, штук шесть или пять. На стене висят. Дядя Иван сказал, что их надо лаком покрасить и в город отвезти. Продать хочет.
– Ивук, не плачь,– успокаиваю его.– Лосей не убили,– я это вспомнила, нам на уроке природоведения рассказывали.– Лоси каждый год сбрасывают рога, чтобы у них новые выросли.
– Правда?– Ивук сразу перестал плакать.
– Ага. А ещё, знаешь, по рогам можно узнать, сколько лосю лет. Сколько отростков, столько лет. Дядя Иван ведь лесник. Ходит по лесу, подбирает рога.
Конечно, сама я в этом не очень была уверена. Но братик затих, успокоился, и то хорошо. Сама решила: приедет к нам дядя Иван в следующий раз, обязательно спрошу у него про рога.

Длинный день

Утром встала рано. Проводила на луга Сюрук, нашу кормилицу. Отвела в детский сад Ивука. Идти нам надо мимо церкви. Идем быстро, торопимся, чтобы не опоздать, а на обратном пути у церкви я всегда замедляю шаги. Останавливаюсь, рассматриваю стены, резные окна, обхожу лиственницы, которые растут около. Эти лиственницы очень украшают не только церковь, но и всю нашу деревню. Дедушка Опонь рассказал, что деревья посадили в день освящения церкви. Такие красавицы эти лиственницы – высокие, стройные. Раскидистые, крепкие. Им уже лет сто, они видели моих дедушку и бабушку, прадедушку и прабабушку. Знали много-много людей. Отец рассказывал, что до войны в нашей деревне жило вдвое больше жителей, чем сейчас.

Дома никого. Вымыла посуду. И поняла, что больше мне сегодня нечем заняться. День солнечный, погожий, как и вчера. Самый раз к речке бежать! Но с кем? С подружками вчера поссорилась. Зачем надо было ссориться? Они разве виноваты, что Ивук потерялся? Они искали его вместе со мной, тоже расстраивались. Я и в самом деле расплакалась, как дурёха, перед всем народом. Конечно, смешно. Но первой мириться идти было стыдно. Всё же собралась к реке – собрала в таз бельё, порошок положила с краю. Будут Тани с кручи спускаться, вдруг позовут.

Взяла в руки книгу «В новом посёлке», которую недавно из библиотеки принесла, села на ступеньку крыльца. Не читалось. Всё время поглядывала на дома подружек. Вот и

девчонки. О-о! Сегодня даже Таня Большая с тазом. Позовут или нет? Но девочки прошли мимо нашего дома, даже не взглянув на него.

Ясно. Обиделись. И зачем я на них наорала? Что я теперь целый день буду делать одна? Читать совершенно расхотелось. Бросила книгу на ступеньке крыльца, побрела на огород. Шире открыла дверцу теплицы – оттуда пахнуло духотой. Прополола грядку с луком. И опять делать нечего. Вернулась к крыльцу, взяла книгу. «Хоть бы скорее вечер настал! Может, Ивука взять пораньше?»

На улице тишина. Даже никто не пройдёт мимо. Дети все у реки, взрослые на работе, старики где-то в тенёчке сидят. Только цыплята попискивают, да около дома Тани Маленькой поросёнок в загоне похрюкивает, может, пить просит.

Села на ступеньку и услышала:

– Тоня, иди к нам, будем в магазин играть.

Подняла голову. Валя и Люся, шадринские девчонки.

Вложила в дверное кольцо палку-тас и направилась к ним.

– Мы уже сегодня на речке были, купались, – сказала Люся. – А ты ходила на речку?

– Нет, – буркнула я. Не будешь же всё объяснять.

Около Люсиного дома каждому построили чомик – маленький домик, затем дружно готовили магазин. Деньги – листья подорожника. Продукты: щепки – рыба, песок – песок сахарный, хлеб напекли из глины. А ещё из глины сделали пироги, шаньги. По этому поводу даже поссорились. Валя говорит: шаньги и пироги в магазине не продают, а мы с Люсей – нет, продают! И вообще, наш магазин,

что хотим, то и продавать будем. Хорошо, что нас двое – убедили Валю.

– Вместо лука можно траву, – предлагаю.

– Зелёный лук мы и так найдём, не нужно травы. У нас лука мало, а у бабушки Катрин две большущие грядки. У неё возьмём.

– Нельзя брать, ругать будут, – говорю я.

– А зачем ей одной столько лука? Она мне всегда сама предлагает – бери. Ты, Тоня, стой здесь и смотри на дорогу, а мы с Валеёй нарвём.

Мы до вечера играли в магазин. Продавцами были по очереди. Продавали-покупали. Уходя, всё прибрали за собой: зелёный лук, щепки, песок – всё бросили в мусорную яму.

Едва успела взять Ивука из сада до маминого прихода. Отец пришёл позже, лицо его было сердитым.

– Тоня, это ты к бабушке Катрин заходила? Ты её лук нарвала? – спросил он.

– Заходила, но не рвала, – тихо сказала я.

– Давай-ка иди на огород и нарви столько лука, сколько сможешь занести, – сказал отец.

Я сделала, как он просил. Принесла два пучка лука в обеих руках. Он взглянул и говорит:

– А теперь выйди на крыльцо и съешь весь этот лук.

– Я не хочу, – чуть слышно сказала я, уже понимая, в чём дело.

– Чтобы всё съела, – повысил голос отец.

Вышла на крыльцо. Положила лук рядом с собой. Целая вязанка! Если бы знала, что лук только для меня, разве бы нарвала столько? Лук был уже грубоватый, жесткий. Очень горький! Я заталкивала в рот одну за другой стрелки

и вяло жевала. Подошла Руч, понюхала мою еду и быстро отошла. Наверное, подумала: как можно это вообще есть?

То ли от луковой горечи, то ли от обиды, у меня на глазах выступили слёзы. Это из-за Ивука. Смотрю, как он резвится на деревянной лошадке, и хочется плакать. Ему не надо лук есть. А мне... и всё, всё из-за него, только из-за него! Послушалась, не повела его вчера в садик. Если бы отвела, не надо было бы на девчонок орать. Не надо было бы идти играть с шадринскими. И лук не надо было бы есть. Бабушка Катрин предлагала лук Люсе, а сама пожаловалась отцу. А может, Люся придумала, что можно у неё лук рвать. Предлагала же им траву продавать вместо настоящего лука. Им, может, дома ничего не сказали, а мне вот приходится отдуваться. Какой же противный, какой горький этот лук!

Ивуку, видно, надоело скакать на деревянной лошади. Поставил конягу в угол дома и подошёл ко мне.

— Тоня, ты что делаешь?

— Не видишь? Лук ем.

— Так много? В тебя влезает?

Я промолчала.

— А почему ты ешь и плачешь? Очень горько?

— Отец велел всё съесть, — я заплакала и рассказала Ивуку обо всём.

— Давай я тебе помогу, — сказала Ивук, с сочувствием глядя на меня. И взял в рот первую стрелку. Пожевал. Проглотил. Я, вытаращив глаза, смотрела на него. Ведь он ещё ни разу в жизни не ел лук. Не любил! А тут он взял второе пёрышко. И третье. Я всё это время удивлённо смотрела на него.

– Чего не кушаешь?– спросил Ивук.

Я взяла в рот новое пёрышко, и вдруг мне стало смешно. Вдвоём, оказывается, веселее с луком справляться. Но хоть сил прибывало, а лук убывал медленно.

– Тоня, иди скажи отцу, что больше никогда не будешь рвать чужой лук,– учит Ивук.

– Я и не рвала.

– Ну, скажи, что никогда на чужой огород не пойдёшь.

– Боюсь. Он ужасно сердит.

– Пошли вдвоём!

Мы зашли в дом. На крыльце остался темнеть большой пучок лука.

Дожди

Ещё два дня стояла сухая солнечная погода. Тани каждый день ходили на речку. Проходя мимо нашего дома, они как будто не замечали меня. Всё еще обижались, раз не звали. Ну и я навязываться не хотела. Да и как попросишься? Скажешь: «Я с вами пойду», а они в ответ: «Нет, мы не хотим с тобой знаться». Или вообще разговаривать не станут. К шадринским девчонкам мне после истории с луком тоже не хотелось. Сама по себе жить буду. Ох, и каялась я, что накричала на подружек! Ох, и скучно же проводить одной длинный летний день!

А потом начались дожди. Четыре дня подряд лило. В такие дни одной ещё хуже. И надо же было случиться нашей ссоре! Вовсе не было причины. Им что, они вдвоём. Наверное, дедушка Опонь опять им что-нибудь интересенькое рассказывает. А я тут просто погибаю от скуки.

В дождливые дни даже не выйдешь никуда. Телевизор, книги, что-нибудь сделать по дому. И всё. Чиган на подоконнике сидит, ему на улицу в дождь тоже неохота. Стала кукол из бумаги вырезать. Одну назвала Ариной, другую Мариной. Навыдумывала им всякие платья, нарисовала на бумаге, вырезала их аккуратно. Красивые получились. Каждой кукле на столе домик построила. Катушка от ниток – стул, коробок спичек – телевизор. Из пустых спичечных коробков соорудила диваны, кресла, столы. Наряжаю кукол, вожу их в магазин за покупками. Или в гости они друг к другу ходят. Но одной играть быстро надоедает.

Хоть Ивука в сад не води, но опасаясь, как бы опять чего-нибудь не случилось.

Маме тоже не говорю, что две Тани со мной не играют. Скажет: «Сама виновата».

Сажусь у окна и смотрю на улицу. Там совсем осенняя картина. Не бегают ребята, не ходят по своим делам взрослые. Небо нахмурилось, как будто за что-то обиделось на людей. Под окном в луже прибывает вода. Блестят под дождем трава и листва берёзы. Как раз напротив моего окна за волейбольной площадкой потемнела от дождя церковь.

Смотрю на неё и представляю, как жили здесь в старину. Как до прихода сюда Степана Пермского они верили Солнцу, Луне, Ветру, Северному Богу. Степан принёс новую веру. Составил коми алфавит, перевёл на коми язык молитвы.

Вспоминаю один рассказ дедушки Опоня.

Зарни Ань

Когда Степан Пермский победил Паму, за деревьями стоял человек, который очень хотел помочь Паме, но не мог. Это был его сын, молодой и красивый Патре. Кинулся он было на помощь отцу, но вспомнил своё обещание. Пама предупредил сына:

– Патре, если Степан будет побеждать, не нужно меня защищать. Видно, сейчас ему солнце светит. Я жизнь уже прожил. А тебе завещаю сохранить самое дорогое, что есть у коми народа: самую главную его богиню Зарни Ань. Пуще глаза её береги, чтобы в Степановы руки не попала. Обещаешь?

– Обещаю, отец.

Ёкнуло сердце Патре, когда увидел, как пропал отец в большом костре. Ослабла от горя рука, видимо, поэтому не попало его копьё в Степана.

Крадучись, чтобы не увидели их Степановы молодцы, Патре с другом своим спустились к лодке, оттолкнулись шестом от берега и поплыли на остров Виска.

– Подожди здесь, я быстро, – сказал Патре другу, когда они причалили к острову, и пропал в темноте.

Едва нащупывая под ногами тропку, поднялся Патре на середину острова, подошёл к только ему и отцу знакомой ели, вытащил из дупла золотую фигурку Зарни Ань, завернул в сухую ветошь.

– Ну, в какую сторону поплывём? – спросил его друг, когда Патре вернулся к лодке.

– За Урал-камень поплывём. Поднимемся вверх по Эжве, перейдём на Печору. А сейчас завернём в деревню, возьмём с собой Гарань. Я не могу её тут оставить. Люба она мне.

К берегу пристали ниже деревни.

За Гарань пошёл друг. Патре не мог – он оберегал золотую Зарни Ань.

В деревне горе. Молодцы Степана обижали коми людей. И у Патре горе – потерял отца. Как беглецу теперь нужно уезжать из родной деревни. Куда? Что его ждёт впереди? Может, в верховьях Эжвы-реки он сумеет уговорить людей на борьбу против Степана?.. Вернут коми свою веру. Но прежде надо спрятать в заветное место Зарни Ань.

Затрещал ивняк. Патре вытащил нож из кожаных ножен. Если это люди Степана, придётся драться, а Зарни Ань бросить в воду. Но это оказались его друг с красавицей-девушкой Гаранью.

Патре привлёк подругу к себе, обнял и поцеловал.

– Не приняла новую веру? Не крестилась в реке?

– Нет, я спряталась. Не нашли меня, – ответила Гарань.

– Поедешь со мной на новое место?.. У меня богиня наша Зарни Ань. Она принесёт нам счастье.

– С тобой, Патре, хоть на край земли!

Туго перевязал Патре лаз, четырежды поклонился родной земле: на восток, на запад, на юг и север. Эжве поклон, и Емве поклон. В маленький мешок набрал горсть родной земли. Сели в лодку и оттолкнулись от родимого берега.

Далеко уплыл сын Памы и увез коми богиню, золотую Зарни Ань.

– Дедушка, а где сейчас Зарни Ань?– спросила я тогда у деда Опоня.

– Никто, девонька, не знает. Многие коми люди уплыли на Печору, ушли в Сибирь, на Алтай. Одни говорят, что она спрятана в низовьях Оби, где тоже коми живут, другие говорят, что она на Алтае. Третьи – Зарни Ань спрятана в пещере Уральских гор.

– Дедушка, ты нам сказку рассказал или был?– спросила тогда Таня Маленькая.

Дедушка погладил седую бороду.

– Старые люди говорили, что всё это было на самом деле. Где-то и сейчас есть ещё Зарни Ань, спрятанная от людей.

– А кто же её найдёт?– спросила Таня Большая.

– Самый работающий человек.

– И что тогда будет?

– Новая счастливая жизнь.

Думаю об этой легенде. У меня есть мечта, о которой я ещё никому не рассказывала. Вырасту, и буду искать Зарни Ань. Буду хорошо учиться, очень хорошо, буду много читать, очень много. После школы поступлю в университет и стану археологом. Буду исследовать жизнь древних людей.

И, конечно, найду Зарни Ань.

Дождь кончился, и я вышла на крыльцо. Деревня передо мной умытая, свежая. Малышня на улицу выбежала, по лужам бродит босиком и брызгается. Вот бабушка Вера идёт с наберушкой. В лес, что ли, ходила? В дождь? Увидела меня, и к нам во двор завернула.

– В лесу была,– сказала она.– Проверила, поспела ли черника. Пospела, можно собирать. Вынеси тарелку, отсыплю вам. Покушаете с молоком в охотку.

Я вынесла миску с синим ободком.

– Больно уж маленькую вынесла,– сказала бабушка, отсыпая крупные синие ягоды.– Ешь. Угощайся.

– Спасибо.

– Тоня, а ты почему перестала к нам приходить?– Бабушка Вера внимательно смотрит на меня.

Кровь хлынула к лицу. Голову наклонила и молчу. Что скажешь. Стыдно говорить, что на подруг ни за что ни про что накричала.

Выходя из калитки, бабушка Вера оглянулась:

– Если завтра дождя не будет, давай сбегает в лес за черникой. Готовься! И двух Тань с собой возьмём, чтоб не скучно было.

Целый вечер я летала как на крыльях. Завтра с бабушкой Верой я иду в лес! Наберу черники! И с подружками помирюсь! Честное слово!

У озера Сёйты

Рассказ

Дима бежал по селу. Шапка-ушанка на макушке, куртка расстёгнута. Добежал до конца деревни и нырнул в калитку самого крайнего дома. Здесь жил Коля, Димин друг. Во дворе залаял было Лапъяпель, но узнав Диму, завилял хвостом.

Мальчик поднялся на крыльцо, голиком наскоро обмёл снег с валенок и зашёл в дом. Коля был один. «Вот и хорошо,— подумал Дима,— никто не помешает».

— Колька! Слушай, что я тебе скажу,— начал мальчик прямо с порога.— Слышал сейчас разговор отца с дядей Митреем. В следующее воскресенье они идут на озеро Сёйты. Посмотреть, что там с рыбой творится. Говорит, может, как в прошлом году рыбадохнет.

— А что, они в прошлом году там были?— спросил Коля

— Ага. Отец целый мешок рыбы привёз.

— Да,— с грустью сказал Коля,— скоро там летом нечего будет ловить.

— Почему нечего? Там лучше всего клюёт.

— Выловят всю рыбу, раз мешками увозят.

– А что, ты бы разве не взял, если бы так легко давалась рыба? Отец рассказывал: знай только, черпай сачком!

– Слушай, Дима, – Коля прищурил глаза, – а если много прорубей прорубить, не будет рыба подо льдом задыхаться?

– Много прорубей? Тогда, наверно, не будет. Только кто этим будет заниматься?

Коля молчал, всё так же прищурившись. О чём-то думал. Его зеленоватые глаза уставились в конец стола. Русые волнистые волосы прикрывали высокий лоб.

– Э-э, где летаешь-витаешь? – рассмеялся Дима и откинул со лба длинную чёрную чёлку.

– Давай мы сами пойдём к озеру. Проруби вырубим. Чтобы рыба не задохнулась. Пойдём раньше твоего отца и дяди Митрея. А? Чтобы они приехали, а там уже всё в порядке.

– Да, тебе хорошо говорить, а меня отец ремнём отхлестает, – грустно произнёс Дима.

– За хорошее дело? Мы же рыбу спасём. Завтра же отправимся, – решил Коля. – Вечером уже дома будем.

– А школа?

– Ох, если бы мы раньше об этом подумали! На прошлых выходных бы сходили!

– Я же только сейчас услышал разговор этот. Дядя Митрей привёз нам сено на тракторе, сейчас сидят с отцом и болтают. Дядя Митрей сказал, что лет шесть тому назад не заметили, что рыба подо льдом задыхается, и в озере чуть ли не вся рыба подохла. Только через три года после этого озеро снова рыбным стало.

– Нет, правда, давай сходим!– снова встрепенулся Коля.– Завтра же. А за один день пропуска ничего не скажут.

– Конечно, тебе не скажут, ты же хорошо учишься. А мне...

– Ну и трус ты, всего боишься.

– Я боюсь?! Хорошо, пойдём. Я не из трусливого рода.

– Давно бы так! Не сбегаете к Олешу? Позови сюда. Он тоже с нами пойдёт. Обговорим, что взять, во сколько отправляться.

В дороге

На следующее утро мальчишки на лыжах, с рюкзаками за плечами, входили в лес в нижнем конце деревни. Следом по лыжне бежал Лапъяпель. У Коли, кроме рюкзака за спиной, отцовское ружьё. В конце марта дни уже длинные, рано светает. Вышли из дому затемно, но когда заходили в лес, было уже светло.

До озера Сёйты, куда отправились ребята, было километров четырнадцать. Двигались бодро. Впереди шёл Коля, хорошо знавший дорогу. Его отец охотник, он часто брал сына с собой. Коле тринадцать. Он неплохо стрелял, хорошо ориентировался в лесу. Сегодня ружьё он взял без спросу, но знал, что когда отец прослышит, куда и с какой целью ребята отправились, сильно ругать не будет. Другие ребята тоже ходили к Сёйты, но только летом, рыбачить. И никто из них не возвращался оттуда с пустыми руками.

Сначала дети двигались по лесовозной дороге. Шли молча, каждый думал о своём. Рано ещё, болтать и баловаться не хотелось.

Свернули на старую дорогу, по которой лес возили уже очень давно и сейчас мало кто вообще проезжал. Снег уже осел, затвердел, идти было нетрудно. Утренние облака развеялись, выглянуло весеннее солнце. Под его лучами лес будто улыбнулся, похорошел, приподнялся на цыпочки. Ребята тоже повеселели.

– Дима, – слышался звонкий голос Олеша, – а если с волками встретимся, что будем делать?

– Что будем делать? Вон у Коли ружье есть. Выстрелит. И Лапьяпель с нами.

– А если один встретишься?

– На дерево заберусь.

– С таким большим рюкзаком? Вниз потянет. Или о сучок зацепится, ни вперёд, ни назад тебя не пустит. Тогда тебя волк и цапнет, ха-ха... – рассмеялся Олеш.

– Рюкзак можно и сбросить, – серьёзно сказал Дима.

– Слушай, Дима, а ты что, в самом деле ещё никогда не встречался с волком?

– Нет. Можно подумать, ты встречался. Может, даже за лапу здоровался?

– Конечно, встречался. Я же поймал волка, – завёлся Олеш. – Шёл я как-то по этой старой дороге...

– Куда?

– Ну, за брусникой прошлой осенью. Смотрю, навстречу собака бежит. Совсем не боится, прямо на меня несётся.

Что, думаю, за собака такая, одна, без хозяина, по лесной дороге бежит. Приблизилась. Смотрю, и сердце в пятки ушло: хвост у собаки вниз свисает. Волк! Испугался, а он рот раскрыл, и на меня. Я только успел сжать кулак и ему прямо в пасть! Как можно дальше руку просунул! Он меня, конечно, покусал, но сам сдох. Вот.

– Ха-ха, выдумал!– рассмеялся Дима.– Волка без оружия не убить. Он скорее тебя свалит.

– Не веришь? Ну, как хочешь.

– Об этом бы все знали, а никакого разговора в деревне не было.

– Да я ведь не буду бахвалиться. Бросил волка около дороги. Я тогда не знал, что за него дают премию. Боялся, что ещё и оштрафуют.

– Премию дают?

– Да. Вот хоть у Коли спроси, его отец охотится, он знает. А я ещё и с медведем встречался,– продолжал фантазировать Олеш.

– Да хватит уж сочинять. Если с медведем встретишься, в штаны наложишь,– прервал друга Дима.

– Не веришь, я чуть его не поймал...

Дети любили Олеша. Когда он начинал фантазировать, серые глаза его светились, круглое лицо розовело, становилось очень подвижным. Он умел придумывать разные истории, но в жизни товарищам никогда не врал, поэтому его уважали.

Ребята разговаривали, смеялись, но на сердце у них было беспокойно. Ведь учебный день, а они не в школу, а в лес тайком пробираются.

«Ну и ладно,– отгонял невесёлые мысли Коля.– За один день немного пропустим... Догоним. Вечером у одноклассников спросим домашнее задание, выполним. Ничего...»– успокаивал он сам себя.

Деревня, где жили ребята, стояла на высоком берегу Эжвы. Выйдешь на пригорок, посмотришь вокруг, и сердце

от радости затрепещет. Красота неопишутая: заречье как на ладони. Видно на много вёрст вокруг: луга, перелески, кустарники. Слева ещё две деревеньки расположились вдоль реки. Направо долина, поросшая кустарником и ёлками. Душа радовалась смотреть на всё это.

Школа, где учились ребята, — в другом селе, за семь километров. Каждый день они ходили туда на лыжах. Вот и сегодня как бы в школу отправились, только вышли на полтора часа раньше, чтоб другие ребята не видели, как они свернут в лес.

Больше всех осторожничал Дима. Из-за своей сестры Зинки. Потому что куда бы Дима ни собрался, Зина увязывалась за ним. Подсмолит, куда он идёт, и обязательно догонит. Она в любую мальчишечью игру вклинивалась. Вчера вечером тоже заметила, как Дима собирал рюкзак.

— Куда это ты собираешься? — спросила.

— В выходной с папой на озеро Сёйты съездим.

— Так ведь завтра ещё среда!

— Ну и что, я заранее приготавлиюсь.

Диме показалось, сестра ему поверила. Больше не подсматривала. А сегодня Зинка ещё спала, когда он вышел из дому. А то бы обязательно увязалась.

Лес стал другим. Вместо разлапистых елей пошли осины. Дорога спускалась в низину. Осенью ребята ходят сюда за крупными путниками. Много тут грибов бывает. Затем дорога пошла через бор. Мальчишки остановились, отдохнули, опираясь на лыжные палки, любуясь высокими крепкими деревьями.

Вдруг Лапъяпель наострил уши, заливисто залаял. Через минуту рванулся туда, откуда только что пришли ребята, и пропал за поворотом. Коля снял с плеча ружьё. Кого это пёс почуял? Но собака вдруг перестала лаять и вскоре вернулась, мирно виляя хвостом. Мальчишки удивлённо взглянули друг на друга. Что бы это значило? И тут из-за деревьев показалась... Зинка!

– О-о!– только и смог произнести брат.

Зина подошла молча. От быстрой ходьбы лицо девочки порозовело, чёрные, как у брата, волосы выбились из-под шапки и красивыми завитками легли на вспотевший лоб. Портфель за спиной. Зина вопросительно смотрела то на брата, то на Колю, ждала, что скажут. Но мальчишки молчали. Первым тишину нарушил Дима.

– Кто тебя сюда звал?– грубо спросил он.

– Ты!– ответила Зина.

– Я?!– сжал кулаки Дима.– Я тебя позвал?!

Такого наглого вранья Дима не мог вынести. А если друзья в самом деле подумают, что он позвал в поход на озеро девчонку? Мальчик готов был уже с кулаками броситься на сестру, но Коля его урезонил.

– Да ладно, Димка. Чего уж, раз пришла. Пойдёмте,– просто сказал он.

Диме только и осталось, что показать Зинке кулак.

– Да уж, от тебя не отвяжешься!– в сердцах бросил он.

Отправились дальше. Последней шла Зина. Она была рада, что всё так хорошо и быстро закончилось и мальчишки взяли её с собой. А ведь чуть не обманулась вчера, когда Дима сказал, что в выходные с отцом пойдёт на озеро.

Сегодня утром проснулась, когда Дима уже выходил из дому.

– Мам, куда Дима так рано?

– В школу, куда же ещё? Сказал, пораньше сегодня надо.

«Обманул. К озеру сегодня идут», – мелькнуло в её голове. Торопливо оделась, портфель закинула за плечи, даже не позавтракав, выбежала из дому. Надела лыжи – и бегом догонять мальчишек. Когда Зина подошла к окраине села, мальчишки были уже далеко, около самого леса. Через минуту они скрылись за деревьями. И всё-таки она догнала их!

Коля шёл впереди. Тихонько напевал себе под нос. Если с утра его мучила совесть из-за пропущенных уроков, то с приходом Зины он забыл обо всех неприятностях. Да ну, уроки, пустяки! Коля никому не говорил, да и сам себе боялся признаться, что ему всегда становится веселей и радостней, когда рядом была Зина. Он всегда заступался за Димину сестру, потому что Дима отовсюду её прогонял, стесняясь того, что Зина встречается во все мальчишеские игры.

У озера Сёйты

Коля старательно долбил лёд пешней. Льдинки под лучами солнца разноцветными брызгами разлетались в разные стороны.

Работал он в одном свитере, куртку давно снял и бросил на снег. Он посередине, друзья по разные стороны от

него, тоже работали пешнями. Проруби делали примерно через каждые пять метров. Все трое рубили по третьей проруби. Коля остановился на миг, вытер со лба пот, взглянул на ярко горящий костёр на опушке леса, где хозяйничала Зина, и с силой, со всего размаху, воткнул пешню в уже тонкий лед. Пешня с легкостью вошла в лёд, потянув за собой мальчика. Едва удержался на ногах. Второй удар, третий. Пешней же выгреб льдинки с мокрым снегом на лед. Теперь нужно подождать, когда подплывёт рыба. Один рыбий носик появился, другой... Коля улыбнулся. Дышите глубже, милые рыбки!

– Э-эй!– замахала рукой Зина.– Обедать!

Коля взял пешню, махнул друзьям, мол, пошли, и направился к костру.

Какой вкусной оказалась уха! А ведь из-за рыбы ребята поначалу даже поспорили. Дима, как увидел первые рыбины из проруби, так и начал поднимать всех подряд подсачком. А Зина закричала, что так нельзя, они пришли не за уловом, а спасать рыбу. Опять пришлось Коле мирить брата и сестру. Договорились взять рыбу только на уху. Ну и ещё понемножку домой.

После обеда каждый из мальчишек вырубил ещё по две проруби. Даже Зина помогала. То Коле поможет, то брату.

Начинало темнеть. Пора было отправляться домой. До деревни нужно дойти дотемна. Конечно, сделано мало, что такое пятнадцать лунок на такое огромное озеро. Но что делать? Завтра в школу. Да и как заночуешь на озере в зимнюю пору?

Коля взял свою пешню, подошел к Диминой проруби, которую рьяно рубили по очереди брат с сестрой. Дима, заметив, что Коля закончил работу, заторопился. Из всей силы ударил пешней в лёд, она легко прошла сквозь него, и Дима чуть не влетел в прорубь. Дёрнулся назад, поскользнулся на льду обледеневшими валенками и все-таки бултыхнулся в ледяную воду. Раздался испуганный крик Зины, а Коля, не растерявшись, крепко ухватил Диму за ворот куртки. Помогая руками, мальчишка выбрался на лёд. Брюки, обувь были мокры насквозь!

Прибежал испуганный Олеш.

– Выливай из валенок воду, – закричал он, снимая куртку и бросая ее на лёд. – Быстро! На куртку мою вставай!

Дима снял валенки, слил воду, завернул портянки и снова с трудом натянул мокрую обувь.

– Ну, надо же так, – сокрушался он. – Как пойдём-то...

– Придётся снова разжечь костёр! Бегом, ребята! – приказал Коля, и все бросились к кострищу.

Коля и Олеш принесли толстое сухое бревно, заново разожгли костёр. Димины валенки очистили от налипшего льда и приспособили на жердины сушиться. Сам Дима обсыхал около огня, поворачиваясь к нему то одной, то другой стороной.

О том, чтобы идти домой, нечего было и думать: как только Дима встанет мокрыми валенками на снег, они сразу же заледенеют.

Быстро темнело. К вечеру стало холодать. Дети приуныли. Даже Лапъяпель, резвясь и лая целый день, сейчас тихо лежал у костра.

– За озером домик есть, лесная избушка, можно туда пойти, там переночевать, – предложил Коля.

– Домой пойдём, как валенки высохнут, – грустно проговорила Зина.

– Ты молчи, тебя сюда никто не звал, – сердито оборвал брат.

Зина не хотела спорить и замолчала.

Коля подошел к ближнему дереву, на ветку которого утром повесил ружьё, снял его, зарядил и выстрелил. В лесу раздался гулкий выстрел. И опять воцарилась звенящая в ушах тишина.

– Вон кто-то идёт с той стороны озера, – первый заметил Олеш. – Ага, Зина, попалась, – напугал он, – сам леший идёт.

– Замолчи, Лёшка! – прикрикнула Зина.

– Да ведь в самом деле кто-то идёт. На лыжах.

– Это наверное, сам Иван Глиняный! – шепнул Олеш.

– Кто-кто? – переспросила девочка.

– Хозяин озера, Иван Глиняный.

У Зины замерло сердце, но она постаралась не показать страха. Лапьяпель зарычал на чужого.

– Чолэм! – обратился пришедший.

– Здравствуйте! – обрадовались дети, узнав пришедшего. Это был Сергей, местный егерь. Недавно он вернулся из армии и стал работать в лесу.

– Что вы тут делаете? Купаться пришли? – пошутил он, увидев Диму, сушившего вещи. – Или рыбу ловите?

– Нет, – хором ответили дети.

– Пришли прорубать лунки, чтоб рыба не задохнулась, – добавил Коля.

– Сами пришли? Никто вам не велел?

– Сами... тайком от родителей... Даже в школу не ходили, – кивнул головой Олеш, но Сергей смотрел на них недоверчиво.

– Сходи, посмотри, сколько лунок прорубили, если не веришь, – махнул в сторону лунок Олеш. – Рыба и в самом деле задыхается, но мы не ловили.

Сергей помолчал, видимо, думал, что делать дальше, затем сказал:

– На ночь глядя да ещё в мокрой одежде, – он бросил взгляд на Диму, стоящего в толстых шерстяных носках на еловых ветках, – домой вам идти нельзя. Перейдём озеро, там избушка есть, в ней и переночуем. Валенки к утру высохнут.

В лесной избушке

Избушка с берега озера не видна, она глубже в лесу, в низине. Сергей уже, оказывается, был тут днём. В доме тепло. Зажгли фонарь. Дети расселись вокруг стола, с аппетитом поужинали ухой, выпили горячего чаю. Спать решили на нарах. Димкины валенки поставили сушиться на печь. Здесь была не каменка, а настоящая печь из кирпичей. Это было редкостью для лесных охотничьих избушек.

– Откуда здесь кирпичная печь, Сергей? – спросил Коля. – Откуда кирпичи? Неужели из деревни?

– Это самодельные кирпичи, – ответил Сергей.

- А кто их сделал?– спросила Зина.
- Сам Иван Глиняный. Избушка ведь тоже его. И печь. Ты что, не знала?– повернувшись к Зине, сказал Олеш.
- Опять ты про этого Ивана. Не пугай, не боюсь,– рассердилась на Олеша Зина.
- Спроси у Сергея. Серёга, ведь я не вру?
- Так и было,– спокойно ответил Сергей.– Об этом мне ещё дед рассказывал.
- И нам расскажи!– попросил Олеш.
- Ляжете, и расскажу,– пообещал Сергей.
- Завтра придётся встать о-очень рано, чтобы в школу не опоздать,– напомнила Зина, располагаясь на нарах.
- Сергей склонился над кружкой горячего чая. После Зининых слов он вдруг встрепенулся и сказал:
- Слушайте, ребята! Завтра останьтесь здесь, а? Прорубим лунок, сколько сможем, а вечером вместе в деревню вернёмся.
- Ну, тогда в школе точно попадёт!– сказала Зина.
- А в школу я послезавтра зайду,– пообещал Сергей.– Расскажу, как вы мне помогли. Вас не ругать, хвалить будут. А ты, Зина, как посветлеет, утром иди домой, расскажи, где ребята, чтобы родные не беспокоились.
- Одна? Я одна не пойду, я только с вами,– заспорила девочка.
- Если мальчишки останутся, тебе придется идти. Ведь вас уже потеряли. И уже ищут, беспокоятся,– сказал Сергей.
- Зина,– Коля мягко посмотрел на девочку и голос у него при этом был особенно ласковый,– ты всё-таки иди

утром домой, а мы останемся, поработаем. Зайдёшь к нам, к Олешу, скажешь, что мы живы-здоровы, вечером вернёмся.

И Зина вдруг легко согласилась.

— Ладно, пойду, — просто сказала она.

Дима удивлённо посмотрел на сестру. Что это с ней? Так резко поменять решение! Не похоже на его сестрёнку! Это что-то новенькое. Правда, Дима и раньше замечал, что Зина делает всё, что скажет Коля. А вот брата не слушает.

— А я тебя утром немного провожу, — добавил Сергей.

— Не надо, я с Лапъяпелем пойду, — решила Зина, — с ним мне не страшно.

Как только все легли и потушили огонь в фонаре, Олеш напомнил:

— Сергей, ты хотел про Ивана Глиняного рассказать.

— Ладно, ладно, я помню. Ну, слушайте. Когда-то давным-давно жил в нашей деревне молодой парень Иван. Очень хороший охотник был, без добычи никогда домой не возвращался. Люди говорили, зверь и птица сами к нему в руки идут. Такой удалец был. И была у него зазнобушка, девушка Дуня. Очень они друг друга любили. Но в жёны Ивану её не давали. Дунин отец, Кока Лавка Пантиль, нашёл ей богатого жениха.

— Что за имя такое — Кока Лавка? — удивился Олеш.

— А такая кличка у него была. Пантиль торговал всякими мелочами. В Емдин съездит на ярмарку, накупит там мелочей, и ходит по деревням, распродаёт. Дочь решил насильно замуж выдать за молодого купца. Он в городе жил. Ох и плакала же она на своей свадьбе, но против воли отца не посмела пойти. А Иван больше ни на какую девуш-

ку не заглядывался. Ушёл в лес, поднял небольшой дом как раз в этом месте, да здесь и жил всю жизнь.

– А почему его Иваном Глиняным прозвали, потому что около Сёйты* жил?– опять спрашивает Зина.

– Так, и всё-таки не совсем так. Поднимает Иван избу и думает про русскую печь. Мечтает русскую печь в глухой тайге выложить. А для неё, вы знаете, много глины надо. Начал глину искать. Под окном яму выкопает – нет глины, в другом месте посмотрит – нигде глины не находит. А выкопаю-ка я яму поглубже, когда-нибудь всё равно до глины доберусь. Хоть три месяца подряд буду копать,– думает Иван.

И вот начал... Большущую яму выкопал, а глины все нет.

«Наверное, придется отказаться от печи,– думает-горюет парень.– Ладно. Завтра найду камни и каменку сложу». Поужинал Иван и лёг спать. И снится ему Дуня. Будто он на зелёном лугу, кругом цветы красивые. Солнечно. Дуня сидит на зелёной лужайке, а Иван лежит возле неё, голова на её коленях. И будто он такой усталый. А Дуня ему и говорит: «Не отчаивайся, не пропадёт твоя работа, найдёшь глину, ещё с ладонь прокопай, и найдёшь. Только глину для печи возьми за один день, на второй день не оставляй, будет поздно».

Проснулся Иван, удивляется. В самом деле Дуня приходила, или только во сне. Ведь так близко Дуню видел и слышал, будто наяву. Сердце сжалось от печали и тоски.

* *Сёйты* – Глиняное озеро.

Вспомнил её слова, вышел из дома, спустился на дно своей ямы, и снова взялся за лопату. Прокопал в глубину с ладонь... И что же? Нагнулся Иван, взял в руку кусочек земли и рассмеялся от радости: вот она, глина! Весь день без отдыха Иван таскал глину к дому. Не понимает, зачем Дуняша велела за один день её натаскать, а носит и носит без передыху...

Но взял, сколько нужно. Ночь проспал как убитый. Утром проснулся, вышел на улицу, смотрит: что такое? Вместо глиняной ямы – озеро. Вода прозрачная, почти до избушки доходит, и рябь по ней от ветра. Любо Ивану, будто это сама Дуняша к нему чистой водой пришла.

А рыбу Иван потом уж, позже, завёл.

– А дальше что? – спрашивает Зина.

– А что дальше? Так и жил тут. Здесь и похоронен, недалеко от дома. Печка эта та самая. А дом новый подняли, вместо старого. Вот так, Зиночка, ты сегодня в гостях у Ивана Глиняного.

– Да уж... А он нас не напугает ночью?

– Ну, зачем же нас будет пугать хороший человек? Да ещё тогда, когда ты ничего плохого не сделал ни природе, ни людям.

– А с Дуней они так больше и не повидались? – никак не успокоится Зина.

– Чего не знаю, того не знаю. У самого Ивана, если хочешь, спроси.

– У него самого? А как? – Зина теснее прижалась к брату.

Мальчишки рассмеялись.

– Спите, – сказал Сергей.

Но дети долго еще не могли уснуть, думали каждый о своём.

На следующий день мальчишки с Сергеем опять прорубали лунки.

Вечером вернулись домой уставшие, но счастливые: и тем, что сделали доброе дело, и тем, что принесли домой рыбы. Сергей не разрешил без рыбы домой возвращаться, унесите, сказал, сколько сможете. Честно заработали. И от этого ребятам радостно. Но где-то в глубине души каждого таилось опасение. Что скажут в школе? Ведь два дня пропустили. Правда, Сергей обещал всё объяснить директору.

В школе

В классе было шумно и весело до тех пор, пока не появилась Лидия Семёновна. Дети, расталкивая друг друга, расселись по партам.

– Садитесь, – обратилась она к классу. – А те, кто пропустил два дня, пусть постоят.

Коля, Дима и Олеш остались стоять.

Лидия Семёновна стояла впереди класса у доски – стройная, нет, прямая, будто палку проглотила. На смуглом лице ни кровиночки, чёрные глаза холодны, тонкие губы вытянулись в ниточку. В ней чувствовалось какое-то напряжение, оно вот-вот должно было разрядиться. Дима втянул голову в плечи. Его пробил озноб. Лицо Олеша покраснело, как красный флаг. Один Коля стоял спокойно, как будто ничего не случилось.

– Ну, – приоткрыла плотно сжатые губы Лидия Семёновна, – и где вы болтались два дня? Или все втроём вдруг заболели? Дима, в дневнике у тебя «двойки», а ты смеешь прогуливать? – внезапно голос учительницы перешёл на крик. – Тебе надо учебник читать, и читать, пока носом в книгу не уткнешься... Может, расскажешь, где были?

Олеш уже рот раскрыл, чтобы обо всём рассказать, но Коля на него зыркнул, и у Олеша пропало желание что-либо рассказывать. Пусть Коля делает, что считает нужным.

Если бы Лидия Семёновна спросила ребят по-хорошему, то дети бы, конечно, рассказали, где были. Но после её крика Коля решил, что лучше ничего не говорить.

– Садитесь! На перемене пойдём к директору, там будем разговаривать.

Урок математики Лидия Семеновна вела холодно, и выражение лица у неё было злое.

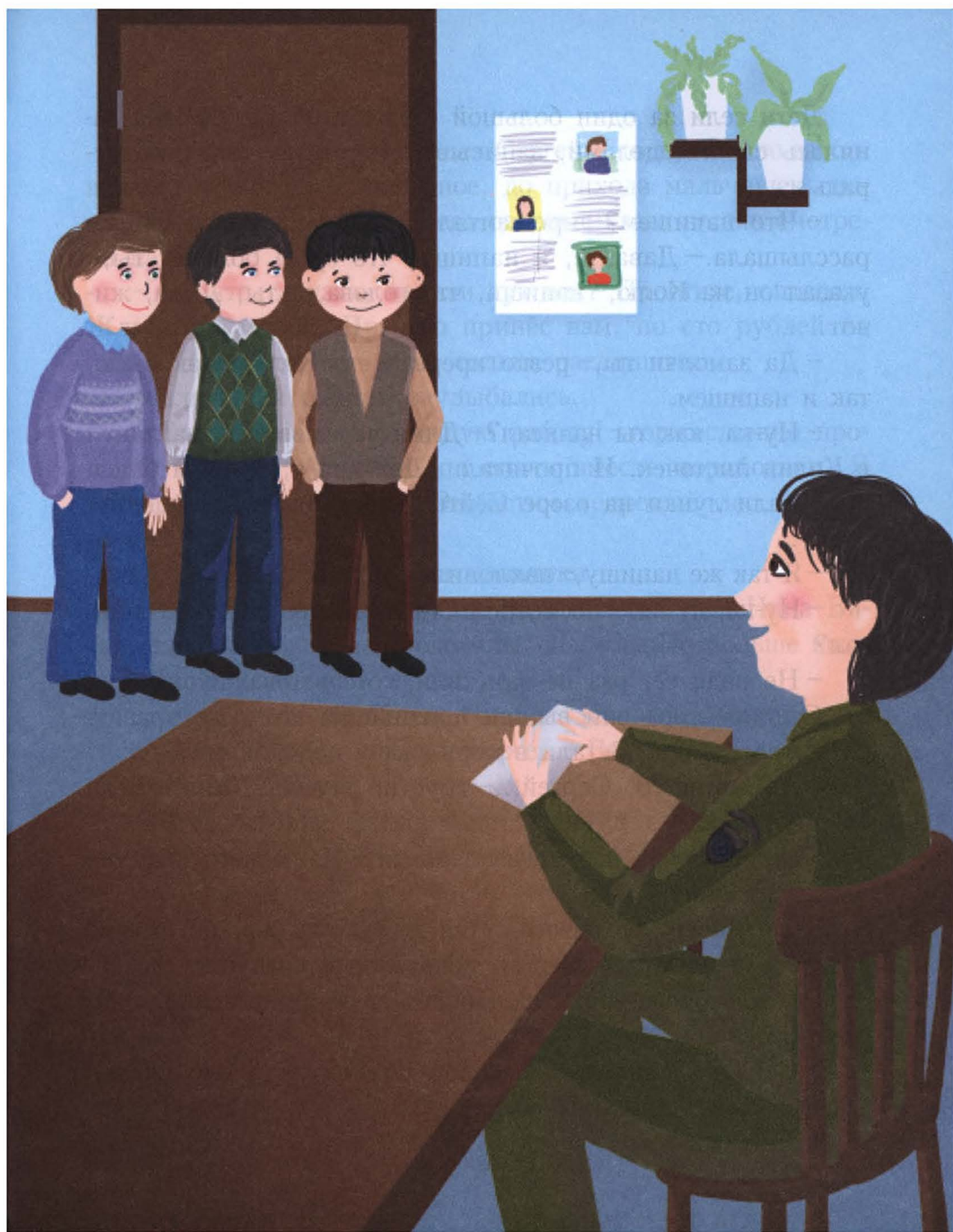
После звонка поднялись на второй этаж, в кабинет директора. Директор Нина Витальевна – худенькая, небольшого роста, похожая на девчонку-старшеклассницу, уже ждала их.

– Вот вам бумага, ручки, садитесь и напишите, где вы были два дня и по какой причине пропустили школу. Видно, придётся пригласить родителей. Знают ли они, где вы были?

– Да, – еле слышно проговорил Дима.

– Ну и что, хвалят вас за прогулы?

– Нет, – так же еле слышно ответил он.

Дети сели за один большой стол. Нина Витальевна занялась своими делами, записывала что-то в толстую тетрадь.

– Что напишем?– прошептал Олеш так, чтобы она не расслышала.– Давайте, я напишу, что зубы болели, ты,– указал он на Колю,– напиши, что голова, а ты, Дима, живот.

– Да замолчи ты,– резко прервал его Коля.– Как было, так и напишем.

– Ну-ка, как ты написал?– Дима через минуту заглянул в Колин листочек. И прочитал: «Два дня я, Дима и Олеш прорубали лунки на озере Сёйты, чтобы рыба не задохнулась».

– Я так же напишу,– наклонился над своим листом Дима.

– Ну-ка, ну-ка?– посмотрел Олеш.– А про Зину не написал?

– Не надо её, раз не заметили,– отсоветовал Коля.

От директора они вышли притихшие: кому же нравится, когда ругают. Встали в коридоре у подоконника.

– А Сергей-то, Сергей...– грустно сказал Дима.– Ведь обещал...

– Чихал он на нас,– сказал Олеш.– Из-за него ведь остались на второй день.

Коля ничего не ответил. Он думал так же, но ему не хотелось верить, что Сергей ненадёжный товарищ.

После второго урока мальчишек опять пригласили к директору.

– Сейчас, наверное, выговор объявят,– весело сказал Олеш.– Или в милицию заберут.

Он ещё мог шутить.

В кабинете директора сидел Сергей. Его лицо было взволнованным, красным, наверное, до прихода мальчишек спорил с директором. Сейчас его озорные глаза весело смотрели на ребят.

— Ну что, друзья, вздули тут вас? Простите, опоздал. Ждал бухгалтера. Премию принёс вам, по сто рублей на брата. Возьмите, вот здесь только распишитесь.

Мальчишки ожили, заулыбались.

— Спасибо вам за хорошую работу!— торжественно произнес Сергей.— А летом мы опять вместе поработаем. Я привезу саженцы кедра. Вырастим кедровый лес. Будете помогать?

— А как же!— пообещали мальчишки.

— Ребята,— уже по-доброму обратилась к ним Нина Витальевна,— хорошее дело сделали, спасибо. Но больше школу не пропускайте.

— Мы больше не будем,— за всех пообещал Олеш.

— А где Зина?— спросил Сергей.— Ведь ей тоже премия полагается.

— Я её позову,— сказал Коля и кинулся к дверям.

Ястребок

Рассказ

Из куска ситца Петя вырезал парус и прилаживал его к мачте кораблика, который он смастерил из дощечки. Маша, младшая сестра, скучала без родителей, которые сегодня, в выходной день, ушли заготавливать дрова. Она взяла куклу, завернула в кусок ткани и, глядя в окно, стала укачивать:

– Эввэ, эввэ, бай-бай...

– Петя, Петя, мама идёт, – радостно закричала девочка через минуту и добавила:

– От зайчика гостинец несёт!

Петя посмотрел в окно. Правда, мама!

Мама вошла без платка, её коричневые волосы растрепал ветер. В руках свёрток, что в нём – непонятно. Мама держала его очень бережно.

– Посмотрите, что я принесла! – сказала она.

Дети бросились к ней. Мама осторожно достала из свёрнутого платка... птенца.

– Мама, откуда? – мальчик протянул руки так, чтобы мама смогла переложить в них птицу. – Где ты его нашла?

А Маша захлопала в ладоши и запрыгала:

– Ура! Мамочка! Мы сами вырастим птенчика!

Петя опустил птенца на пол.

– Тише, тише, напугаете бедняжку, смотрите, как дрожит... Не трогайте руками. Вышла я из леса, смотрю под ноги, а на тропинке этот малыш сидит. Едва живой. Наверно, выпал из гнезда или ветром оттуда снесло. Я думаю, это ястребок.

Дети с удивлением смотрели на голенастую, на длинных ногах, птицу. Птенчик едва дышал.

– А папа где?

– Когда придёт?– спросили дети.

– Дрова сложит в лесу, потом тёте Марье дров завезёт, она их ждёт давно... Придёт.

Мама ушла в хлев покормить тёлочку. Дети остались одни. Затаив дыхание, смотрели они на птицу, а потом, один за другим, к ней приблизились. Ястребёнок с боязнью отступил от них, стуча по полу коготками, но Петя торопливо схватил его. Брат с сестрой раз-другой погладили птицу по узкой шелковистой спинке.

– Не бойся, не бойся,– приговаривали они.

– Петя, давай ему домик сделаем,– предложила Маша бойким голосом.

– Птицы живут не в домиках, а в гнёздах,– поправил Петя.

Младшая сестрёнка второй год ходит в детский сад. А сам мальчик старше, он уже перешёл в третий класс, больше знает.

– Ну, давай гнездо сделаем, – Маша побежала в другую комнату.

А Пете нужно было осмотреть птицу. Правой рукой он прижал её к груди и ощутил, как под ладонью бьётся маленькое сердце. А потом осторожно, с головы до ног, ощупал птичье тельце. И понял, что у ястребка повреждено крыло.

Раньше вблизи Петя видел только воробьёв и сейчас с удивлением замечал, как сильно этот птенец отличается от маленького серенького воробышки. Он гораздо больше размерами, бока у него красноватые, с коричневыми точками.

Ястребок широко раскрыл клюв, наверное, дал понять, что хочет есть.

Маша принесла из другой комнаты коробку, в которой лежали кусочки ситца, вата, и принялась мастерить гнездо.

– Подожди ты с гнездом, – остановил брат, – видишь, он есть хочет.

– Сейчас я хлеб и суп принесу, – Маша опять же бегом бросилась в кухню.

– Как же! Будет он есть суп! Они мышей любят.

– А где же мы мышей возьмём? – расстроилась Маша. – Может, в нашем голбце есть?

– В нашем – нет. Мурка всех съела.

– А где есть?

– Давай к тёте Марье сходим. Она зимой в городе живёт, поэтому кошки у неё нет. Наверно, у неё в голбце давно мыши завелись, – решил Петя.

– А как же мы их будем ловить?– спросила Маша и засмеялась.

– Мы не будем, Мурка будет.

Дети вышли во двор за Муркой. Её даже звать не пришлось. Кошка развалилась прямо на крыльце дома и грелась на солнышке, лениво приоткрывая то один, то другой глаз.

Тётя Марья встретилась детям почти сразу, как они вышли из калитки. Она шла на почту. Выслушав детей, рассмеялась. Повернув назад, проводила их к своему дому. Ей самой хотелось, чтобы Мурка поохотилась в голбце, а то мыши замучили.

– Обратно пойдёте, дверь на палочку закройте!

– Ладно!

В доме тёти Марьи Петя сразу забросил кошку в голбец. Но Мурке там не понравилось. Она принялась громко мяукать и царапать дверь – проситься обратно. Наверное, ей не понравилось то, что дети так коварно обошлись с ней. Ловить мышей она и не собиралась. Сама испугалась, какие уж там мышки. Но Петя закрыл дверь на задвижку, сел на лавку и стал терпеливо ждать. Маша примостилась рядышком. Наконец кошка перестала мяукать, утихомирилась. Наступила тишина.

– Петя, выпусти Мурку, наверно, она уже поймала мышку,– шепчет мальчику сестра.

– Конечно, поймала. Она ведь такая ловкая!

– А если она мышку съест? Ястребок опять голодный останется.

– Не съест. Всегда домой таскает, чтобы ее похвалили, забыла?..

Дети приоткрыли дверь, чтобы посмотреть, что там Мурка поделывает, может, и правда надо отбирать у неё мышку. Но отбирать было нечего. Кошка даже не спустилась в голбец. Она смирно сидела за дверями на верхней ступеньке.

– Боится, что ли, – пожал плечами Петя. – Маша, нам надо тоже туда войти!

– Я не пойду, иди один, – испугалась Маша. – Может, там домовые живут.

– Какие домовые? Ими только детей пугают! Пошли! – зовёт Петя.

– Нет.

– Пошли, а то буду тебя трусливым зайцем звать.

– Ты сам боишься, поэтому один не идёшь, – капризничает сестра.

Конечно, Пете боязно идти одному в чужой голбец, но показывать это младшей сестре он не хотел.

– Ты только о себе думаешь, – сердито зашептал он. – А о ястребке – нет. А если умрёт от голода? Может, кошке наша помощь нужна?

Маша с опаской шагнула за братом в голбец. Но когда они спустились по ступенькам и глаза привыкли к темноте, то увидели, что тут совсем даже и неплохо. Бояться нечего.

Маленькое окошко забрано марлей от комаров, но сквозь неё просачивалось достаточно света. Около стен стояло несколько бочек, пустые ящики, в некоторых виднелись горки картошки. Было прохладно. Дети сели на ящик. Кошка тоже спустилась вниз и, крадучись, сразу пошла в угол.

– Вот увидишь, учует мышь и сразу поймает, – шепчет Маша.

Но кошка обошла кругом голбец и, вернувшись к детям, прыгнула к ним на колени. Маша рукой кошку гонит:

– Иди, поймай хоть одну мышку, из-за твоей лени птичка умрёт!

– Не трогай её, сиди тихо, пусть Мурка мышку услышит.

Долго дети сидели, почти не двигаясь. Маша была в одном платице и замёрзла. А кошке всё равно. Свернулась колечком на детских коленях – половина туловища на Пете, половина – на Маше, и только когда Маша шевелилась, лениво приоткрывала один глаз.

– Петя, я замёрзла, давай пойдём отсюда, – сказала Маша.

– Пошли. Мама говорила, что наша Мурка умная, как человек, но я сейчас вижу, никакого толку в ней нет.

– А может, здесь и мышей нет. – Маше стало обидно за Мурку.

– Может, и нет, – соглашается Петя.

Дети любили свою кошку и не хотели, чтобы она была глупая.

Солнце клонилось к закату. После темного голбца на дворе было особенно светло и тепло, но детям невесело. Мурку пустили в огород тети Марьи. Раз плохо охотилась, пусть сама дорогу к своему дому ищет. Закрыли на палку входную дверь, вышли за ограду. Вдруг Петю кто-то окликнул. Это оказался Коля, который жил по соседству с тётей Марьей. Они с Петей в одном классе учились.

– Куда идёте?– спрашивает Коля.

– Домой,– ответил Петя и рассказал Коле о своей беде.

– Тоже, беда!– засмеялся Коля.– Возьмём моего Буй и пойдём ловить мышей на поля! Там сколько хочешь мышей, можно сто ястребов накормить!

Коля отвязал пса, и ребята отправились за деревню. Буй скакал взад-вперёд от радости и нетерпения. То в одну сторону бежит, что-то вынюхивает, то в другую... Землю между картофельными кустиками лапами роет, дети бегут туда посмотреть, может, мышь поймал? А там ничего...

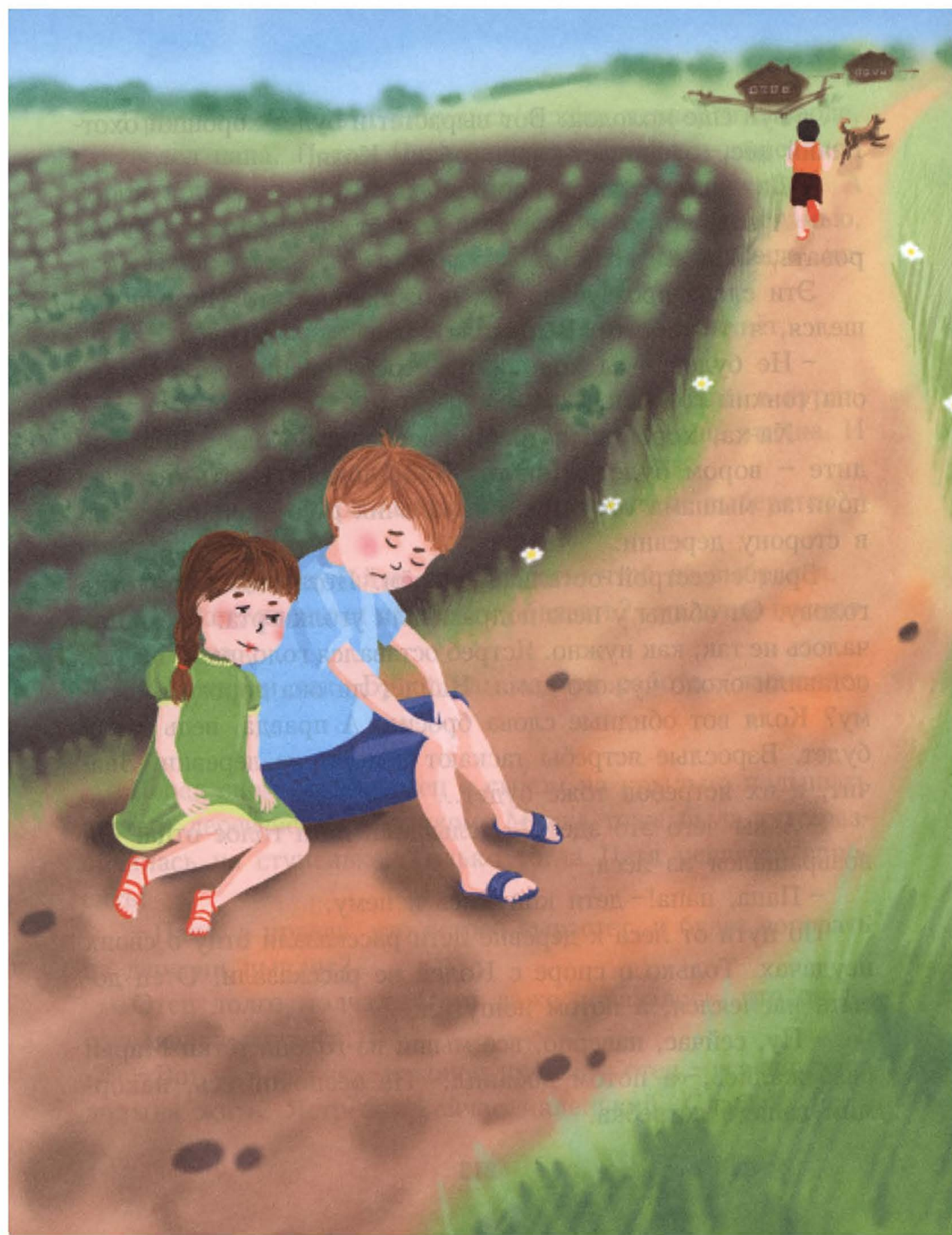
Так дошли до леса.

Буй устал бегать, решил отдохнуть. Сел на краю тропы, а потом вообще на ней развалился. Уставшие дети присели рядом.

– Что у тебя за собака,– упрекнул Петя.– Даже мышку поймать не может.

– Ну и что? Если хочешь знать, мыши только ночью выходят из норок.

– Да никогда твой Буй мышку не поймает!– сказал Петя.

– Буй еще молодой. Вот вырастет и будет хороший охотничий пёс, – защищает свою собаку Коля.

– Да, жди, будет, – спорит Петя.

– А ваш ястреб вырастет и начнёт деревенских кур воровать, – обиделся Коля.

Эти слова прозвучали так неожиданно, что Петя не нашелся, что ответить. Выручила Маша.

– Не будет! Мы хорошего ястреба воспитаем, – подала она тонкий голосок.

– Ха-ха, хороший ястреб! – рассмеялся Коля. – Вот увидите – вором будет! Пошли, Буй, домой. Пусть хоть до ночи за мышами охотятся, – и мальчик с собакой побежали в сторону деревни.

Брат с сестрой остались вдвоём. Петя сидел, опустив голову. От обиды у него подрагивали уголки рта. Всё получалось не так, как нужно. Ястреб оставался голодным. Мурку оставили около чужого дома. Найдёт ли она дорогу к своему? Коля вот обидные слова бросил. А правда, ведь так и будет. Взрослые ястребы таскают цыплят из деревни. Значит, и их ястребок тоже будет...

– А вы чего это здесь? – услышали дети голос отца. Он возвращался из леса.

– Папа, папа! – дети кинулись к нему.

По пути от леса к деревне дети рассказали отцу о своих неудачах. Только о споре с Колей не рассказали. Отец досыта насмеялся, а потом пошутил:

– Ну, сейчас, наверно, все мыши из голбца тётки Марьи разбежались, – а потом добавил: – Не беспокойтесь, накормим вашего ястребка.

Придя домой, дети кинулись искать червей в огороде, как велел папа. Потом Петя ошкурил бревно и нашел под корой короедов. Ястребок остался доволен угощением. А отец связал ему ноги тонкой верёвкой и посадил на скамью.

– Папа, зачем ты ястреба связал?– спросила Маша, которой стало жалко птицу.

– Чтобы не сбежал от нас. Пусть крыло заживёт.

– Так, связанный, и будет жить?

– Нет, завтра утром развяжем ноги и посадим в курятник. Он ведь пока пустой. Там и будет жить ваша птичка. И кошка его там не достанет.

– А если расширит прутья в курятнике и выберется?– вмешался Петя.

– А вы сами думайте, как сделать, чтоб не выбрался.

– Может, ивовыми прутьями обвязать?– мальчик посмотрел на отца.

– Можно и так. Будет вам завтра работа,– засмеялся отец.

Перед сном вышли отец с сыном на крыльцо подышать чистым деревенским воздухом. Мурка тоже была тут, развалилась на ступеньке. Только тогда Петя решился спросить:

– Папа, а правда, что ястреб вырастет, и будет воровать из деревни цыплят?

Отец долго молчал. Петя даже показалось, что он не расслышал вопроса.

– Вот что, сынок,– наконец произнес отец,– всякая душа должна жить. Ястребок сейчас маленький. Слабый. Если

мы не поможем, умрёт. А вырастет, окрепнет – отпустим. А там – там уже не наше дело... Если ты человек, нужно помогать каждому, кто нуждается в помощи.

И только тогда обидные Колины слова стали исчезать из Петиного сердца. Он вздохнул с облегчением.

СОДЕРЖАНИЕ

Волшебные очки. <i>Повесть-сказка</i>	3
Таинственная тропа. <i>Повесть</i>	59
Я и братишка Ивук. <i>Повесть</i>	127
У озера Сёйты. <i>Рассказ</i>	179
Ястребок. <i>Рассказ</i>	203

Литературно-художественное издание
Для детей младшего и среднего школьного возраста

КОЗЛОВА Елена Васильевна

ТАИНСТВЕННАЯ ТРОПА

Повести, рассказы

Перевод с коми Е.В. ГАБОВОЙ

Художник И.А. АВИЛОВА

Издание подготовлено к печати
Союзом писателей Республики Коми

Редактор П.М. Столповский
Компьютерная верстка – П.И. Симпелев
Корректор Н.Ф. Габова

Подписано в печать 6.11.2012. Формат 70х90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная
Уч.-изд. л. 10,0. Усл.-печ. л. 15,8. Тираж 1000. Заказ 6987

АУ РК «Редакция газеты «Эском»
167982, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
в ОАО «Коми республиканская типография»
167000, г. Сыктывкар, ул. В. Савина, 81

Larisa_F

